

ДМИТРИЙ ГУЛИА

Соборный
вещатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ДМИТРИЙ ГУЛИА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья Ш. Д. Инал-Ипа
Составление и примечания Ш. Х. Салакая
Редакция стихотворных переводов
С. Ю. Куняева*

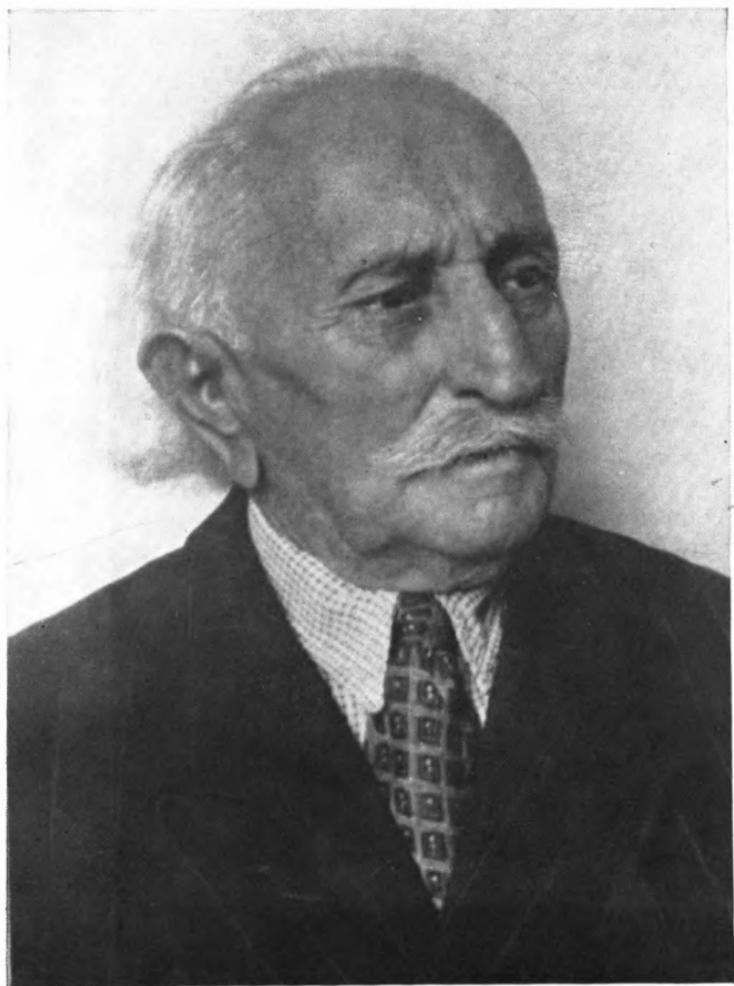
В настоящее издание включены переводы лучших произведений народного поэта Абхазии, зачинателя абхазской литературы Дмитрия Гулиа (1874—1960).

Поэтическое наследие Д. И. Гулиа ярко и многообразно: поэмы и лирические стихотворения, баллады и песни, роман, рассказы и драма.

Превосходный знаток истории и фольклора родного народа, Д. Гулиа посвятил проникновенные строки родине, прекрасной природе Абхазии, ее замечательным людям. Во многих его произведениях звучит тема дружбы, братства и единения народов Советской страны. Замечательна любовная лирика Гулиа, оригинальны его стихи для детей.

Переводы поэтических произведений Гулиа сделаны известными советскими поэтами-переводчиками: В. Державиным, Ст. Куняевым, Л. Мартыновым, В. Потаповой, Г. Регнстаном и др. Ряд стихотворений Гулиа переведен на русский язык впервые.

© Издательство «Советский писатель», 1974

НАРОДНЫЙ ПОЭТ АБХАЗИИ

При одном имени Гулиа возникают мысли об абхазской литературе. Изучая же абхазскую литературу, невольно думаешь о ее истоках и своеобразии, о ее связи с исторически сложившимися особенностями абхазского характера, о «суровой и многотрудной истории маленького по численности, но сильного духом, гордого и независимого народа». ¹

Многие в Абхазии знают предание, дошедшее до нас из глубины веков. В нем рассказывается о том, что, когда бог раздавал людям землю, мифический предок абхазского народа, явившийся к нему с опозданием, остался без места жительства.

— Где ты был? — сказал ему всевышний. — Все уже роздано.

— Принимал гостей, — ответил тот.

— Гость или земля? — спросил бог.

— И земля — для человека, и человек — для человека, не так ли, о господи? — был ответ.

Подумал бог и говорит:

— Уступаю тебе то, что я хотел оставить для себя.

С тех пор, как повествует легенда, и живут гостеприимные абхазы в своем краю, который они именуют «Апсны», то есть «Страной абхазов» или же «Страной души», а М. Горький назвал «безумно красивым куском благодатной земли». ² Эта небольшая страна приютилась на берегу лазурного Черного моря, у подножия многоплеменного седого Кавказа.

¹ Конст. Симонов, Вырубленное из камня. — «Литературная газета», 1962, 1 декабря. Все цитируемые ниже работы, не имеющие в ссылках соответствующего указания, написаны на русском языке.

² М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 2, М., 1951, с. 8.

История не была благосклонна к обитателям этой страны, которым дорого обходилась и щедрость ее и красота. Еще Прокопий Кесарийский — византийский историк VI века — отмечал, что красота продаваемых в рабство сынов абхазского («абазгского») племени осуждала родителей на гибель — их убивали, боясь мести.¹ В условиях вечного страха за свою жизнь, свой очаг, в условиях вопиющей социальной несправедливости не может принести счастья народу даже «благодатная земля».

Сложная историческая судьба Абхазии точно охарактеризована в передовой статье газеты «Правда» в связи с 15-летием установления Советской власти в Абхазии: «К седой древности восходит история абхазского народа, и веками страданий отмечен его путь. Благословенная природой страна была как бы узлом больших торговых дорог и издавна стала объектом колонизации, грабежей и работорговли. Чьи только мечи не рубили абхазские головы, чьи только цепи не сковывали ног увозимых пленников-рабов... Но в груди своей нес абхазский народ неугасимое пламя ненависти к угнетателям».²

Копытами вражеских коней была изрыта Абхазская земля, обильно орошена потом и кровью своих сынов и дочерей. Ее грабили, сменяя друг друга, древнегреческие колонисты, когорты римских императоров, войска понтийского царя Митридата Евпатора, скифские орды, византийские легионы, персидские отряды, арабские полчища, генуэзские купцы. Ее терзали янычары турецких пашей и султанов, коварная политика которых принесла абхазскому народу столько разрушений и бедствий и поставила его перед реальной угрозой деградации и физического вымирания. Весь край сотрясали также бесконечные феодальные войны и родоплеменные кровавые распри.

В бурное девятнадцатое столетие свободолюбивый абхазский народ вступил с надеждой, обращенной на великую северную державу, обремененный своей многовековой историей и веками складывавшимся удивительным этнографическим бытом, в который Абхазия была «закована, как в кольчугу».³

Присоединение в 1810 году Абхазии и «всего находящегося в Абхазии»⁴ во главе с владельцем Георгием (Сафарбеем) к России положило конец трехсотлетнему господству султанской Турции.

¹ См.: Прокопий из Кесарии, Война с готами, М., 1954, с. 383.

² «Правда», 1936, 4 марта.

³ Конст. Паустовский, Бросок на юг. — «Октябрь», 1960, № 10, с. 15.

⁴ Всеподданнейшее письмо кн. Георгия Шервашидзе. — «Акты Кавказской Археографической Комиссии» (АКАК), т. 3, Тифлис, 1866—1904, с. 209.

Тем не менее об осуществлении чаяний народа, о свободе и независимости в условиях буржуазно-помещичьего строя и проводимой царским правительством жестокой колонизаторской политики не могло быть и речи. И самоотверженная борьба продолжалась.

Наиболее крупным было антифеодалное и антиколониальное восстание 1866 года, вызванное недовольством крестьян условиями готовящейся правительством реформы, предполагавшей выкуп крестьянами земли. Восстание началось 26 июля в селении Лыхны и вскоре охватило почти всю Абхазию. Вследствие политической отсталости крестьян руководство восстанием оказалось в руках феодалов, искавших соглашения с царизмом. С их помощью власти подавили восстание и предали пятнадцать его руководителей военно-полевому суду.

Расправа с вожаками восстания была безжалостной. Но это не могло заглушить стремления народа к свободе и независимости. Однако на его пути стояли новые испытания. В 1877 году началась русско-турецкая война и связанное с ней, спровоцированное турками, насильственное массовое выселение абхазов, обманутых местными властями, в султанскую Турцию со всеми его трагическими последствиями. Даже в центральной этнографической части страны не оказалось «ни души абхазской, ни звука абхазского». ¹ Оставшееся на своих прежних местах меньшинство абхазского населения было объявлено «виновным» перед царем «тюрьмы народов». Самое название «Абхазия» было под запретом, и страна именовалась Сухумским военным отделом (до 1883 г.), а потом Сухумским округом (до 1919 г.). В конце XIX века Абхазия оказалась, таким образом, в исключительно сложных исторических обстоятельствах.

В качестве активной политической силы выступало в основном крестьянство. Национальная интеллигенция к тому времени не сложилась, а абхазские дворяне и князья являлись прочной опорой и защитой самодержавия.

Неблагоприятные исторические условия, в которых приходилось жить абхазам в продолжение многих сотен лет, помешали им создать свою письменность. И кто знает, когда бы они получили возможность читать и писать на своем родном языке, если бы не помощь лучших людей России, которые с начала XIX века содействовали ускорению процесса экономического и культурного сближения горцев с Россией. Благодаря их стараниям, произошли значительные сдвиги в области изучения истории и языков многоплеменного Кавказа. Передовые русские писатели и ученые, которые с уважением относились к само-

¹ Н. Марр, О языке и истории абхазов, М.—Л., 1938, с. 177.

бытным народам Кавказа, не только интересовались, говоря словами А. А. Бестужева-Марлинского, «настоящими нравами, обычаями, привычками горцев»,¹ но также и помогали им в выполнении их насущных задач, принимали активное участие в развитии национальной культуры, в том числе письменности и школ на родных языках.

К их числу относится известный русский кавказовед П. К. Услар. Он применил к абхазскому языку русский алфавит, дополнив его несколькими недостающими буквенными начертаниями, и этим заложил основы абхазской письменности (1862). Опираясь на этот алфавит, особая комиссия под руководством И. А. Бартоломея в 1865 году издала в Тифлисе первую книгу на абхазском языке: «Абхазский букварь». Но и букварь и алфавит Услара не нашли практического применения в Абхазии.

С «укрощением» с помощью алфавита «дикого горного коня», как называли иногда горские языки,² словарный и фольклорный фонд, до того сохранявшийся в устной форме, стал постепенно закрепляться в памятниках письменности, стал расти и обогащаться общенародный абхазский язык, вбирая в себя запасы отдельных диалектов и говоров. Вслед за алфавитом была создана П. К. Усларом и первая научная грамматика абхазского языка, изданная в 1887 году. Издавались и учебные пособия.

Таким образом, историческая эпоха, в которой начиналась деятельность Гулиа, была сложной. Появление на литературной карте мира еще одной литературы — абхазской, имевшее место в начале бурного XX века, было обусловлено рядом объективных предпосылок. Абхазия в течение целого столетия жила в условиях общего с другими окраинами Российской империи социально-экономического, политического и культурного развития. Ускоренными темпами проходит в крае рост капиталистических товарно-денежных отношений, интенсивно проникавших и в патриархальную абхазскую деревню. Не устояли перед «бессердечным чистоганом» и «вечные законы гор». Появились (правда, весьма немногочисленные) представители рабочего класса. Формировались кадры местной, национальной интеллигенции. Углублялись, особенно в период первой русской революции, социальное расслоение и социальные противоречия в городе и деревне. Создаются первые социал-демократические организации. Волны событий 1905 года — генеральной репетиции Великой Октябрьской

¹ А. А. Марлинский, Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. — Полн. собр. соч., часть 10. «Кавказские очерки», СПб., 1838, с. 10—11.

² Ф. А. Щербина, История Кубанского казачьего войска, т. 2, Екатеринбург, 1913, с. 3.

социалистической революции — докатились и до абхазских берегов. Серго Орджоникидзе выгружает оружие для участников революционного движения. Раздаются звуки новой популярной песни «Эртоба», что в переводе с грузинского означает «единство». В среде абхазского населения, ярлык «виновности» которого был наконец официально снят в 1907 году, наблюдаются явные признаки роста национального самосознания, хотя это оживление наталкивалось на всевозможные преграды и противодействия.

Возникновение и развитие литературы немислимо и без определенного минимума культурных предпосылок. В течение полустолетия, предшествовавшего выходу в свет первого абхазского стихотворного сборника, произошли важные сдвиги в культурном развитии, связанные с деятельностью лучших людей России. Особое значение имело создание письменности и школ для горских народов Кавказа.

В XIX веке в Абхазии появились первые учебные заведения. Правда, в детские годы Гулиа их было лишь несколько: церковно-приходская школа в сел. Окуми (открыта в 1851 году), духовное училище в сел. Лыхны (1852), министерская школа в Сухуми (1856), Сухумская горская школа (1863). В начале XX века число школ несколько увеличилось. Их роль в подготовке первых кадров абхазской интеллигенции была огромной. Абхазский язык частично стал предметом преподавания. Пополнились ряды абхазских народных просветителей, среди которых «дедушка абхазской школы» Ф. Х. Эшба, Вис. Инал-Ипа, Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, С. Я. Чанба, Г. М. Шервашидзе и другие, вышедшие в основном из стен Сухумской горской школы. Вышли в свет первые публикации памятников богатейшего абхазского фольклора, переводы некоторой учебной, сельскохозяйственной и церковной литературы.

Но сдвиги в культурной жизни не были слишком заметны на фоне отсталой, безграмотной Абхазии.

Сама возможность существования национальной абхазской литературы казалась тогда весьма сомнительной. Даже П. К. Услар считал, что горцы, имея в виду и абхазов, «самостоятельной литературы по самому положению своему иметь не могут и иметь никогда не будут».¹

Нужно было быть подлинным патриотом и незаурядной личностью, чтобы в таких условиях, не страшась никаких препятствий, посвятить себя созданию и развитию письменной абхазской литературы. Этого не смогли сделать представители, казалось бы, более

¹ П. К. Услар, Этнография Кавказа, Языкознание. Абхазский язык, Тифлис, 1887, с. 27 (Приложения).

образованной и влиятельной абхазской аристократии, такие, например, как сын последнего владельца Абхазии, известный поэт и драматург конца XIX — начала XX века Г. М. Шервашидзе, практически прекрасно знавший родной язык, но не написавший ни одной строки по-абхазски (он писал на грузинском и русском языках).

Абхазский народ сумел выдвинуть из своей среды деятеля другого типа, который вполне отвечал назревшей потребности духовного развития нации. Это был Дмитрий Иосифович Гулиа. Его высокий патриотизм, понимание национальных интересов, редкое трудолюбие, упорство и талант, его многолетний опыт педагогической и творческой работы позволили именно ему на практике заложить основы абхазской письменности и художественной литературы.

1

Д. И. Гулиа родился 21 февраля (по новому стилю) 1874 года в селении Уарча Гумистинского участка Сухумского военного отдела, как именовалась тогда в официальных бумагах Абхазия. Здесь жили его отец — простой абхазский крестьянин Иосиф (Урыс), дед Тыкуа, прадед Дгур и другие представители многочисленного в свое время рода Гулиа.

Сам Гулиа подробно, живо и красочно рассказал об основных событиях своей жизни, о том, в каких условиях формировался его характер и его поэтическое дарование.¹ Это дает возможность отказаться от изложения биографии поэта, основное внимание уделить его творчеству.

Круг интересов Д. И. Гулиа был необычайно широк. Среди написанного им есть художественная (в том числе и автобиографическая) проза и поэзия, историко-этнографические исследования, очерки и этюды, литературоведческие статьи, публицистика. И почти каждый из этих жанров его творчества имеет самостоятельное значение.

Путь Гулиа — это более полувека напряженной и интенсивной творческой работы. Переломный период его творчества падает на 1917—1920 годы — от Великой Октябрьской революции до установления Советской власти в Абхазии (март 1921 года). Этим определяются важнейшие этапы пути Гулиа — дореволюционный (1906—1920) и советский. Советский период культурно-просветительской и творческой работы поэта делится также на несколько этапов (два-

¹ См.: Д. И. Гулиа, Автобиография, с. 45—53 наст. изд. Далее Автобиография Гулиа цитируется в тексте без ссылок.

дцатые -- тридцатые годы, военный и послевоенный периоды), когда в связи с важнейшими историческими событиями, культурными и социальными преобразованиями в жизни страны происходили в творчестве Д. Гулиа определенные сдвиги и изменения идейного и жанрово-тематического плана.

В течение первого периода — от первого сборника его лирики (1912) до установления Советской власти в Абхазии (1921), то есть в течение целого десятилетия, Гулиа нераздельно царил в абхазской поэзии. Но и после, до конца жизни, он никогда не терял своего выдающегося места в абхазской литературе, хотя в ней уже появились новые яркие имена (С. Чанба, И. Когониа, Л. Квициниа, Л. Лабахуа, Б. Шинкуба, Ш. Цвижба, И. Тарба, А. Ласуриа, Ч. и Ал. Джонуа и др.).

Начало творческого пути Д. И. Гулиа связано с его всесторонней просветительской деятельностью, не прекращавшейся до конца его жизни

С раннего детства Гулиа был посвящен во все тонкости «абхазской науки» (апсуара), то есть сложного комплекса национальных традиций, обычаев, этикета; с юношеских лет он проникся любовью к богатствам устной народной поэзии, которые составили первый и важнейший животворный источник его творчества, его нравственного и эстетического роста. Эти годы были годами первых гулиевских университетов, давших ему в известном смысле не меньше для его духовного развития, чем все последующее книжное образование.

Прочувшись в Сухумской горской школе пять лет (три подготовительных отделения и два класса), Гулиа успешно заканчивает ее летом 1889 года, сдав восемь из десяти предметов на «отлично», а остальные два — на «хорошо».

Этой школе Гулиа многим обязан в овладении знаниями, тем более что в дальнейшем обстоятельства не способствовали получению им систематического образования.

Осенью 1889 года Гулиа поступает в Закавказскую учительскую семинарию (г. Гори). Но через пять месяцев заболевает тифом и, пролежав месяц в лазарете, едет домой для поправки здоровья. Матери уже не было в живых, вскоре умирает и отец, оставив на попечение Д. Гулиа четырехлетнюю сестру и двухлетнего брата.

Из семинарии Дмитрия Гулиа отчислили под предлогом вредного влияния на него местного климата. Попытки перевестись в 1890 году в Хонскую учительскую семинарию близ Кутаиси, натолкнувшись на тот же чиновничье-бездушный формализм и волокиту, также оказались напрасными (не помогла и жалоба на имя попечителя Кавказского учебного округа).

Таким образом, школьная учеба Гулиа, длившаяся неполных шесть лет и далекая от завершения, закончилась. Отныне, по его собственным словам, учителями Гулиа стали книги и сама жизнь. Началась долгая и непрерывная трудовая эпопея. Вначале он совмещал службу с учебой, с упорным трудом по самообразованию. Благодаря этому он успешно сдал экстерном экзамены и получил звание учителя народных школ, а через некоторое время — и звание преподавателя абхазского языка в средних учебных заведениях.

Гулиа не остался в долгу и перед своей *alma mater* — Сухумской горской школой. В течение многих лет он был преподавателем родного языка в ней и ее летописцем: ему принадлежит первая «История Горской школы», опубликованная в 1919 году в газете «Апсны» («Абхазия»).

Служба Гулиа была службой родному народу и его культуре. В 1891 году совместно с К. Д. Мачавариани, помогавшим ему «методическими советами (абхазского языка он не знал)», Гулиа закончил составление азбуки родного языка, а через год она вышла в свет. Авторы усовершенствовали азбуку, в частности упростили графику, ввели заглавные буквы, а также несколько недостававших ранее знаков. Все это сделало ее несравненно более удобной для практического пользования. «Вот с этих пор абхазы и начали читать книги на родном языке».

До конца своих дней Д. Гулиа не порывал связи с жизнью абхазской школы, с культурным строительством в Абхазии. В 1891 году семнадцатилетний юноша впервые переступил порог Кутолской начальной школы Очамчирского района, совмещая в своем лице ее смотрителя, строителя и преподавателя. Через некоторое время его переводят в соседнюю Тамышскую и Киндскую школу, во дворе которой до сих пор стоят деревья, посаженные на рубеже прошлого столетия и нынешнего руками Гулиа и его учеников.

Для всех окрестных трудовых крестьян он был ходатаем и заступником, который не только прививал любовь к родному языку, открывая в нем все новые и новые дотоле никем не увиденные красоты или составляя обиженным и оскорбленным всевозможные «прошения», способные «взорвать камень», но и учил их, как лучше жить и устраивать свое хозяйство, как освободиться от вредных обычаев (например, конокрадства, кровной мести и др.), как приобщаться к свету знаний и вести борьбу с угнетателями за свои жизненные интересы. Его стремлением помочь темному и суеверному абхазскому крестьянину, задавленному нуждой и несправием, было продиктовано написание таких брошюр, как «Болезни домашних птиц и их лечение», «Как выбрать здоровую рабочую лошадь», «Лечebник» и др.

Поэзия интересовала Д. Гулиа задолго до того, как состоялся его литературный дебют. Еще с девяностых годов прошлого века, после выхода его азбуки, Гулиа мало-помалу пробовал писать, сочинял, по его словам, «разные стишки, которые не имели никакого общественного значения». «Они безвозвратно погибли, и я не жалею об этом», — писал он в своей Автобиографии. Настоящая литературная деятельность Гулиа началась с середины первого десятилетия нашего века, когда он, используя фольклорные мотивы и поэтику фольклора, написал несколько стихотворений, получивших большой общественный резонанс.

Первый абхазский литератор, естественно, должен был широко использовать в своих поэтических созданиях богатое устно-поэтическое наследие родного народа, самобытное по тематике и образам. Из народного творчества, как своего главного арсенала, черпал он часто и мысли, и форму, и слова, постепенно добываясь творческого преломления в своих произведениях изобразительных средств и жанровых особенностей национального фольклора. Велика была роль фольклора в формировании не только гулиевского стиха, но и его поэмы и рассказа. Фольклорную окраску имеют и многие образы положительных героев, созданных Гулиа в досоветский и в последующие периоды.

Многие герои Гулиа той поры были как бы ожившими на страницах книги персонажами национального эпоса, отличающимися концентрацией разнообразных достоинств, а сюжеты его произведений были практически лишены конфликтных ситуаций. Это, впрочем, было совершенно естественно в ранний период становления абхазской реалистической поэзии и прозы, тесно связанной с устойчивой фольклорной традицией.

Другим важнейшим источником, питавшим поэтическое творчество Гулиа, явилась грузинская и особенно русская литература, которую он изучал с раннего детства непосредственно по оригиналам. Классические традиции этих литератур — гражданские, демократические, гуманистические — оказали большое влияние на его художественное развитие, на формирование его мировоззрения и мастерства. Его любимейшими писателями были Пушкин, Лермонтов и Гоголь, И. Чавчавадзе, А. Церетели и М. Гурнели. Абхазский фольклор, русская и грузинская литературы были и остались на всю жизнь неисчерпаемым источником творческого вдохновения Д. Гулиа.

Свои мысли о России и русской культуре первый абхазский поэт хорошо передал в замечательном стихотворении «Москва», написанном еще в 1907 году. Посещение города произвело на него неизгладимое впечатление. Он пишет о «матери городов», он восхищается

величием Кремля и другими памятниками русской славы, с благоговением вспоминает об изваянии на могиле бессмертного Гоголя с памятной надписью: «Горьким моим словом посмеюся».

В 1910 году Гулиа составил небольшой сборник своих стихотворений. Однако их напечатание затянулось на целых два года.

Издавать свои сочинения в Сухуми Гулиа не мог, потому что в Абхазии в то время не было типографии, в которой можно было бы печатать абхазские тексты. Абхазский шрифт с усларовских времен имелся только в Тифлисе (он был перевезен в Сухуми А. М. Чочуа только в 1919 году в связи с изданием газеты «Апсны»). В Тифлисской «типографии канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе» и был отпечатан первый сборник стихов Гулиа. Изданный «Обществом распространения просвещения среди абхазов», он увидел свет в 1912 году под названием «Стихотворения и частушки». Невзирая на острую материальную нужду, которая постоянно преследовала поэта, первые свои книжки он печатал на свой страх и риск и в основном на свои личные средства, если не считать мизерной суммы, полученной им в указанном «Обществе». Весь тираж — несколько сот экземпляров — он перевез к себе домой и раздавал их, разумеется бесплатно, крестьянам, своим гостям, посылал сельским учителям и школам.

Одновременно с книжкой стихов Гулиа в той же типографии в переводе на абхазский язык вышло Евангелие, одним из его переводчиков был Гулиа. Но, если можно так выразиться, настоящим «евангелием» для абхазов стал скромный с виду и тоненький сборник стихов Гулиа.

Его выход ознаменовал рождение абхазской литературы — событие, равного которому не было во всей истории культуры абхазского народа. Гулиа мог бы сказать словами первого русского печатника «чудотворца» Ивана Федорова: «Первее нача печатати ради братии моих и ближних моих». Само слово «стихотворение» — по-абхазски «ажвенираала», что в дословном переводе означает «стройнословие», — тогда же было введено им. Теперь оно известно каждому школьнику.

Выход в свет нескольких десятков стихотворений Д. Гулиа, написанных им в 1906—1912 годах, — важнейший этап в истории абхазской культуры. Его значение автор сам прекрасно выразил абхазским изречением, использованным в качестве эпиграфа-подзаголовка. Оно гласит: «Конь падет — останется поле, человек умрет — останется его слово».

Сборник открывается великолепным восьмистишием — задорным авторским обращением: «А ну-ка, моя книжка, не сдавайся!» Это оптимистическое напутствие звучит как призыв к труду, как уверен-

ность в силе и значении общественного печатного слова, в его благотворном влиянии на умы и сердца соотечественников, как надежда и вера в жизненность только что вышедшей книги, символизирующей собой национальную литературу вообще.

За первым важнейшим шагом последовали другие — стали появляться новые произведения Гулиа. В 1913 году вышло первое произведение абхазской любовной лирики «Переписка девушки и парня», в 1919-м — первый абхазский художественный рассказ «Под чужим небом» (1918), в 1919—1920 годах Гулиа часто публиковал свои стихи и статьи на страницах газеты «Апсны», которую редактировал.

Читатели встретили гулиевские стихи восторженно. Скоро они получили широкое распространение не только среди читающей, но и неграмотной публики. Их пели в народе как песни. Седобородые сказители нередко исполняли их на своих древних народных музыкальных инструментах, предваряя их словами: «Это сказано Дмитрием Гулиа», а влюбленные молодые люди без конца цитировали в своих письмах целые страницы любовной лирики поэта.

Тематика первого сборника стихотворений Гулиа разнообразна и поучительна. В нем представлены не только фольклорные мотивы и образы, хотя они занимают значительное место. Легенды, поэтически изложенные Гулиа, перекликаются с современностью, героическое прошлое с настоящим. Читателя привлекает изображение мыслей и чувств современников автора, живые картины сельской жизни (не лишенные, впрочем, некоторой идеализации); поэт воспевае красоту природы родного края, мирный труд земледельца, передает его думы, мечты, помыслы. К тому времени молодой автор не совсем освободился от влияния религиозно-мистических настроений и от элементов идеализации патриархального быта, но и тогда он воспринимал прошлое в лучших его традициях как противоположность капиталистическому миру разложения и погони за чистоганом.

Любимая тема раннего Гулиа — тема труда. Ей посвятил он много вдохновенных строк. Таково, например, стихотворение «День своего рожденья люди чтят...». Оно написано 21 февраля 1911 года — в день рождения поэта. В нем автор выступает как певец философии творческого труда, своеобразно выраженной в абхазской народной поговорке: «Жернова, хотя б в Каабу их возьмешь, зерно дробят». Иначе говоря, человек всегда и везде должен быть творцом: сеятелем, зодчим, песнопевцем. Это и долг и счастье. День рождения застает поэта не в праздном веселье, а в трудах: «Я множу труд на труд всегда, день ото дня... Сонм несвершенных дел всегда мой видит взор». В грядущем автор видит множество забот, «но, как всегда, пишу, но, как всегда, тружусь!».

Идейное содержание раннего творчества Гулиа можно было бы определить начальными строками одного из тогдашних его стихотворений, которые в дословном переводе гласят: «Добро да свершать вам, трудящиеся, горьким потом блага добывающие!..»

В начале своего пути Гулиа был не столько лириком, сколько социальным поэтом по преимуществу, поэтом гражданским, выразителем народных дум, певцом труда, просветителем-демократом, сатириком-обличителем общественных пороков. В те годы он не был совершенно свободен от влияния теории «единого потока» и противоречий, порожденных эпохой реакции, религиозно-идеалистических настроений в духе христианского учения, риторико-рассудочного дидактизма («Высшее учение», «Спокойствие», «Видение воскресшего», «Желание», «Владимир» и др.). В целом, однако, влияние таких настроений было незначительным и кратковременным. Социальные и героические мотивы — вот в чем непреходящая сила гулиевского творчества раннего периода.

В стихах и прозе раннего Гулиа отразились передовые демократические идеи о великом значении трудового воспитания личности, его вера в силу человеческого ума, знаний, просвещения, его любовь к книге и родному языку. Эти мысли им изложены, в частности, в статье «Образование, умственное развитие и физическое воспитание». ¹ «Не может быть по-настоящему свободным народ, который не стремится к образованию», ² — писал он в другой статье.

Большое воспитательное значение имела сатира Гулиа, которая была тесно связана с традициями любимой абхазами народной сатиры. Развивая эти традиции, поэт направлял острие своего пера против всего, что являлось помехой на пути возрождения народа, звал людей к свободному разумному труду, прививал ненависть к ворам, бездельникам, тунеядцам.

Таково, например, стихотворение «„Милое“ создание», в котором яркими красками нарисован социальный портрет представителя дореволюционного деградирующего абхазского дворянства во всей его неприглядности. Название стихотворения сугубо ироническое. Автор открыто и смело бичует бездушных и лживых людей, пустозветов и пустомелей, «милых» только с виду, а по существу лживых и подлых. В другом стихотворении он клеймит «живых мертвецов» — дармоедов и гордецов, «по глупости считающих труд за унижение» («Гуляка»). Повторяя после каждого куплета вопрос-обращение к читателям: «Друзья, кому, скажите, такая жизнь к лицу?», автор

¹ «Апсны», 1920, 20 сентября (на абхаз. яз.).

² Там же, 1919, 16 марта (на абхаз. яз.).

подчеркивает то чувство осуждения и презрения, которое вызывают у него подобные люди.

Характерной чертой сатиры Гулиа является ее злободневность и конкретная направленность против эксплуататоров и грабителей, против произвола царских чиновников и представителей местной знати, связь ее с окружающей действительностью и с настроениями народных масс. Определение реальных прототипов его сатирических стихотворений не составляло большого труда. Рассказывают, например, что однажды Гулиа пригласил в Тамышскую школу мудрого старца Османа Киут из соседнего села Киндги и прочитал ему в переполненном классе своего «Гуляку». Старый Осман слушал внимательно, оживленно смеялся, просил повторить, причем после каждого куплета, не задумываясь, называл по имени известных ему «гуляк», которые были, по его мнению, заслуженно разоблачены. «Это сказано про Чагу, а это не про Манча ли?» — говорил старик при шумном одобрении присутствующих.

Особо следует отметить стихи, в которых звучали мотивы политического протеста против насилия князей и дворян, отражалась вера автора в лучшее, светлое будущее.

К числу первых своих произведений, которые дали автору право именоваться литератором, сам Гулиа отнес такие стихи, как «„Милое“ создание» (1907) и «Ходжан Большой» (1910), получившие широкое общественное признание, без чего, как говорил Гулиа, нет поэта, а есть только сочинитель — рифмоплет. Стихотворение «Ходжан Большой» вызвало подозрение у окружных властей, начавших тайное расследование по нему, которое, однако, к счастью для автора, окончилось без особых последствий.

«Ходжан Большой» — это стихотворение, которое направлено против самовластного дикого барства, отнимающего у беззащитных крестьян не только труд и время, но и самую жизнь. В стихотворении «Ходжан Большой» бог выступает как некий обобщенный символ грядущего торжества народной правды, а само стихотворение воспринимается как негодующий протест против господствующей в мире социальной несправедливости. Существующее социальное зло будет побеждено, возмездие возможно и даже неизбежно — в этом заключается основная идея стихотворения. Само определение «большой», «великий» выглядит по меньшей мере ироничным по отношению к Ходжану — человеку с несметными богатствами и волчьим нравом, человеку, который вместе со своими семью сыновьями, такими же черными душой, как и он сам, разоряет сирот и вдов, сеет распри, ложь, вражду, обман. Но террор и насилие недолговечны. Ходжан дождался своей гибели, и автор, несколько не сожалея об этом,

заканчивает стихотворение словами: «В твоём саду бурьян большой, А над тобой курган большой». Увязка такой судьбы надменного насильника и грабителя с карой небес — «вступил он с богом в спор большой» — вполне может быть объяснена строгими цензурными условиями в эпоху жестокой столыпинской реакции (стихотворение было написано в 1910 году).

Есть у раннего Гулиа и другие произведения, которые тоже могли навлечь на себя подозрение властей. Например, «Лома и Буска» — по форме нечто среднее между басней и поэтическим рассказом о животных. Речь в нём идёт о двух могучих буйволах по кличке Лома и Буска. Удел их жалок — постоянные побой, проклятья, зиму и лето в упряжке, вечно они волокут тяжкий груз. Откуда им ждать облегчения, подмоги? Ответ, даваемый автором, вполне недвусмысленный, и он звучит как протест против рабской покорности судьбе:

Как быть? Потолкуйте с приятелем Бачей
И горе свое обсудите с ним вместе.
Дивится народ вашей силе огромной,
Зачем же терпеть вам удел подъяремный?

Многие древние легенды и сказания, отразившие лучшие черты народного характера и столетиями передававшиеся из уст в уста, обрели под пером Гулиа новую, литературную жизнь. Это, в частности, исторические предания о любви и чести, о традиционных, часто суровых заповедях высоко уважительного отношения детей к отцам, младших к старшим («В старину»). Это — легенда о богборце Абраскиле — абхазском Прометее, которого не заставил бы склониться даже бог.

Абраскил — борец за «истинное благо» родины и «покой человека под луной». Неповиновение «высшим силам» обошлось ему дорого. Но и заточенный в мрачном подземелье, он остался верен своим идеалам. Его независимость и непримиримая ненависть к врагам являются замечательным символом справедливой борьбы народа за свою свободу и независимость, за светлое будущее. В величественном образе этого неподкупного доброго гения нашла свое великопелное воплощение вековая народная мечта о счастье.

Гулиа обращался и ко многим другим фольклорным образам, олицетворяющим собой мужество, добро, справедливость. «Пистолет Эшсоу» можно назвать и большим сюжетным стихотворением, и маленькой поэмой. Внимание автора привлекли здесь старинные рыцарские взгляды и нравы абхазов. Поэма повествует о двух отважных дальских абхазах — братьях Эшсоу и Баталбее, сыновьях Дарыквы Маршан, поссорившихся из-за несравненной красавицы

Есмы-ханум. Портрет ее выдержан в традиционном для народной поэзии стиле: поэма написана в форме абхазских историко-героических песен. Автор выступает против коварной низости и подлости, воспевает мужество, выдержку, цельность человека высокой нравственной красоты.

Так безымянные народные творения приобретали в поэзии Гулна новое звучание и, окрыленные художественной мощью поэта, вновь возвращались творцу их — народу.

Исключительной популярностью в народе пользовалась «Переписка девушки и парня», открывающая собой второй стихотворный сборник Гулна (1913). Прежде всего следует отметить легкость, плавность, непосредственность ее поэтической речи (под названием «Любовное письмо» она положена на музыку абхазским композитором И. А. Лакербай). «Переписка. . .» — это песня о чистом чувстве любви и дружбы, лирический дуэт влюбленных молодых людей. Новаторской и смелой для абхазской литературы явилась не только сама форма «Переписки. . .», но и ее содержание (учитывая неразвитость жанра народных любовных песен в абхазском фольклоре и известную традиционную сдержанность абхазов в публичном выражении интимных чувств), что, впрочем, специально оговаривается в первой же строке, где юноша, начиная переписку, как бы извиняется за некоторое нарушение обычая.

Это произведение, открывшее страницы любовной лирики в абхазской поэзии, стало настолько популярным среди самых широких читательских кругов, особенно молодежи, что многие юноши и девушки переписывали его целиком и хранили у себя, как какой-то чудодейственный талисман, а влюбленные объяснялись между собой не иначе, как стихами, взятыми из «Переписки. . .».

Досюветская абхазская литература представлена не одними только стихами. За первыми шагами в поэзии последовали и первые опыты в области повествовательных жанров. И здесь первым был Д. Гулна — автор первого произведения абхазской художественной прозы. Его рассказ «Под чужим небом», опубликованный в 1919 году в газете «Апсны» (написан в 1918 году) и сразу же привлечший к себе внимание читателей своей реалистической манерой письма и серьезностью проблематики, по сей день остается одним из лучших в абхазской новеллистике. Тон рассказу задает эпиграф к нему, свидетельствующий о неразрывной связи автора с народом, о его высоком патриотическом чувстве; повествование отличается эмоциональной насыщенностью, глубоким проникновением автора в существо абхазского национального характера.

Основная идея рассказа — пробуждение классового самосозна-

ния крестьянства, опутанного цепкими пережитками патриархально-феодальной идеологии, — вполне соответствует сути всего дореволюционного творчества поэта. Она нашла свое необычайно яркое выражение в самом его названии, обобщающий символический смысл которого наводит на размышления о судьбе абхазского народа.

В рассказе, говоря словами самого автора, «описывалась несчастная судьба абхазского крестьянина» — страшная трагедия молодого горца, оказавшегося в условиях вопиющей социальной несправедливости «без вины виноватым». Герой рассказа — молодой крестьянин Елкан — молочный брат и безрассудный приспешник и клевет гнусного князя Алдыза, готовый отдать за последнего «все, даже жизнь», берет на себя преступление князя и приговаривается к ссылке в далекую, неведомую Сибирь. Блестяще достигнутая цель автора состояла, однако, не только в том, чтобы заклеймить и осудить подлый поступок одного бессовестного человека, а главным образом в том, чтобы показать социальный вред власти феодалов над крестьянами. Рассказ проникнут тревогой Д. Гулиа за судьбы своего народа, переживавшего горе и несчастье как под «чужим», так и под «своим» небом. Характерные для рассказа элементы романтической возвышенности и эпической идеализации, не нарушая верности автора суровой правде тогдашней действительности, придают ему яркий национальный колорит. Следует отметить также стремление автора добиться точной психологической характеристики героев и мастерство пейзажных зарисовок.

Одной из центральных и важнейших тем поэзии Д. Гулиа является тема родины, Абхазии. Гулиа первым открыл ей широкую дорогу в литературе. Чувством боли за печальную судьбу любимой Абхазии и ее народа пронизаны многие ранние стихотворения поэта, написанные то в элегических, то в протестующих тонах. Лучшим из них является стихотворение «Моя родина» (1920), проникнутое чувством глубочайшей сыновней любви и преданности, готовностью разделить со своей страной все трудности ее исторической судьбы. Стихотворение напоминает и о временах махаджирства (переселения в Турцию), которое стало для каждого абхаза символом безысходного горя, неутешных мук человека, потерявшего родину, оно напоминает о культурной и экономической отсталости дореволюционной Абхазии. Последние строки этого объяснения Д. Гулиа в любви своей родине:

Что тебе, свет мой, не мило?
Можешь довериться мне —

звучат искренно и взволнованно, говорят о настоящем патриотизме автора, не отделяющего своей судьбы от судьбы народа.

Вся сознательная жизнь Гулиа была неразрывно связана с Сухуми (по-абхазски — Аква). Здесь широко развернулась его кипучая многогранная деятельность народного учителя и просветителя, одного из самых видных представителей и ревнителей нарождавшейся абхазской культуры, признанных лидеров национального возрождения. Он изучает сам и учит других абхазскому языку, в частности преподает и отстаивает его в Горской школе, в реальном училище, женской гимназии, учительской семинарии, составляет учебники для абхазских школ, собирает и печатает произведения устного народного творчества, дерзновенно решается на то, на что не отваживался никто из абхазов (хотя были уже высокообразованные люди среди них), — писать стихи и прозу на родном языке, не жалеет своих скудных денег на их издание, редактирует газету, увлекается научной работой в области истории и филологии, занимается переводами.

Дмитрию Гулиа, работавшему одновременно в нескольких школах, заваленному ученическими тетрадами, лишенному свободного времени, внимания и помощи, приходилось очень тяжело. Значительно позднее, подводя итоги своей деятельности, Гулиа писал, что «мог бы сделать больше, если бы... всегда точно понимал, что важнее и что не требует отлагательства. Я, — признавался Гулиа, — расплескивал свою энергию, занимаясь то поэзией, то наукой. Может, было бы лучше, если бы целиком посвятил себя только литературе? Может быть. Когда человек что-либо начинает первым, он неизбежно растрачивает больше энергии и его деятельность неизбежно приобретает разносторонний характер. Это и хорошо и плохо». Следует подчеркнуть, однако, что в этой разносторонней деятельности осуществлялась постоянная и тесная связь художника с народом, и потому она была великим благом.

На революционные события в Петрограде в феврале 1917 года Д. Гулиа откликнулся стихотворением «Вперед!», в котором он восторженно приветствовал приближение эры свободы и равенства. Время изменилось, говорится в стихотворении, сошли черные тучи, засияло солнце, и оно разбудило всех, зло бессильно, победа за народом. Кончается стихотворение таким призывом:

Восстаньте, друзья! Вперед! Вперед!
К старому времени спиной становитесь,
Добрые дела стране подготовьте,
Не упускайте время и будьте всегда готовы!

(Подстрочный перевод)

После победы Октябрьской революции Абхазия в течение трех лет находилась под гнетом буржуазно-помещичьего режима меньшевиков, опиравшихся на штыки иностранных интервентов. Меньшевики не только не разрешили здесь ни одной социальной проблемы, но и проводили жестокую шовинистическую ассимиляторскую политику в отношении абхазского народа.

Но борьба за его возрождение не прекращалась. И родоначальник национального искусства художественного слова стал своего рода центром, вокруг которого собирались силы нарождавшейся литературы, причем почти все абхазские литераторы, следуя примеру своего учителя, начинали свой творческий путь с создания стихов по мотивам народной поэзии (С. Чанба, М. Хашба, И. Когониа и др.).

Известную роль в те годы сыграл организованный по инициативе Гулиа литературный кружок сухумских семинаристов, издававший в 1919 году рукописный литературно-художественный журнал с символическим названием «Утренняя звезда». Это был первый абхазский журнал. «Наши питомцы, — писал Гулиа, — читали свой журнал «Утренняя звезда», и с той поры я убедился, что мой труд не пропал даром, посев дал свои всходы. Я видел яркую утреннюю звезду, и надо полагать, что скоро станет светло».

Гулиа был душой и первой абхазской газеты «Апсны» («Абхазия»). Она выходила под его редакцией в 1919—1920 годах и сыграла большую положительную роль, в особенности в укреплении рядов нарождавшейся национальной литературы. Это была беспартийная демократическая газета, на страницах которой находили, однако, определенное отражение (не всегда, разумеется, последовательно и систематически) большевистские идеи и лозунги.

Являясь общественно-политическим и литературным органом, газета содействовала также распространению культуры среди населения, его политическому просвещению. Она содействовала также объединению абхазских писателей и пропаганде их произведений.

Глубокое возмущение вызывала у Гулиа жестокая шовинистически-ассимиляторская политика меньшевиков и их приспешников в Абхазии, что отчасти отразилось в стихотворении, написанном в самый разгар меньшевистского разгула в Абхазии (1919). В нем автор заклеил абхазского «интеллигента» под условным именем Назхара, который, научившись грамоте, готов отказаться от своей культуры и «не скажет ни слова по-абхазски».

Гулиа с возмущением писал о жалкой судьбе Горской школы при

меньшевиках, помещал в своей газете и другие резкие антимиеньшевистские материалы (например, статьи С. Чанба).

И хотя Д. И. Гулиа не был тогда марксистом, преувеличивал роль и значение просветительской деятельности в преобразовании жизни и не осознавал до конца реакционную политическую сущность организованного меньшевиками так называемого Абхазского народного совета, — одно он понимал очень ясно: справедливую ненависть народа к угнетателям и свою неразрывную связь с судьбой родины.

«Я не придерживался какой-нибудь определенной политической программы, но всем существом своим ненавидел князей и дворян, буквально грабивших народ», — писал он впоследствии об этом.

С самого начала творческой и просветительской деятельности Гулиа была очень близка горьковская концепция человека-героя, человека — творца своего счастья. Именно поэтому еще в 1920 году он писал:

Если б мог добро я напевом слов
приманить!
Об одном благе для людей готов
я твердить:
Чтоб, сроднясь в труде, мог бы дружный люд
ладно жить,
Чтоб с познанием он мог бы жаркий труд
дружно слить,
Если б зависть мне да незнанья зло
удалить,
Чтобы время всем навсегда пришло
не тужить!

Он не дрогнул ни перед своим одиночеством, ни перед недоверием, сомнениями, равнодушием, которые его окружали.

Новый век он начинал с надеждой и верой в лучшее будущее. И чутье не обмануло его: наступила эра Великого Октября, который первый абхазский писатель не мог не встретить доброжелательно. Позднее он писал, что ему «очень нравилось правильное разрешение земельной проблемы, нравился удар по помещикам и ленинское решение национального вопроса — жгучего вопроса всех времен».

Установление Советской власти в Абхазии открыло широкий путь к всестороннему национальному, экономическому, культурному и политическому возрождению. Но путь этот не был легким. Как писал известный абхазский государственный деятель Н. А. Лакоба, «страшно было «наследство», оставленное Советской власти царизмом

и меньшевиками. Ни одного предприятия. Бездорожье. Заросшие сорняками, заброшенные поля. Разоренные села. Обостренная меньшевиками международная вражда. Голод в городе и в деревне. Разгромленные курорты. Закрытые школы. Поголовная безграмотность, темнота, знахарство, предрассудки — вот что приняла Советская власть в Абхазии весной 1921 года». ¹

Предстояла напряженная работа. Но работа в новых условиях — в условиях Советской власти, которую весенним утром 4 марта 1921 года Гулна встретил радушно на своем трудовом посту в родном городе вместе со всем своим народом. Она не потребовала от поэта какой-либо заметной болезненной ломки, не вызвала духовного кризиса, а явилась органическим, естественным продолжением и дальнейшим высшим развитием тех добрых дел, которым он честно служил и до этого, той борьбы с социальным злом и несправедливостью, которую он вел. Только благодаря Советской власти могла развернуться многогранная деятельность Д. И. Гулна и других деятелей абхазской культуры. По образному выражению Константина Симонова, социалистическая революция так сказала Дмитрию Гулна: «Я пришла, твои мечты о будущем твоего народа могут исполниться. Но для этого тебе придется еще столько работать вместе со мной! Столько работать без оглядки и отдыха, что для этого может не хватить всех твоих сил и всей твоей жизни, даже если ты очень силен, а жизнь твоя будет очень долгой!» ²

И Гулна работал вместе с Советской властью. Работал всю свою долгую и содержательную жизнь, отдавая опыт и знания развитию социалистической культуры и литературы возродившегося к новой жизни абхазского народа. Он имел все основания сказать:

Вместе с Абхазией я стоял
У колыбели нового века,
Вместе с Абхазией благословлял
Ленна — мудрого человека. . .

(«Товарищу»)

Двадцатые и тридцатые годы были периодом интенсивной собирательской и научно-исследовательской работы Д. И. Гулна в различных областях абхазоведения. Об этом свидетельствуют, например, «Материалы по абхазской грамматике» (1927) и другие очерки и

¹ «Советская Абхазия», 1936, 4 марта.

² Константин Симонов, «Черты облика». — «Литературная газета», 1960, 12 апреля, с. 4.

исследования по абхазской филологии, этнографические этюды «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» (1926), «Культ козла у абхазов» (1928), исторический очерк «Сухум — не Диоскурия» (1934) и др.

Особо следует отметить гулиевскую «Историю Абхазии», изданную в Тбилиси Наркомпросом Абхазии (1925). Это была первая и во многом дерзновенная в силу ограниченности материалов и достигнутого к тому времени уровня научного абхазоведения попытка концептуального освещения древней и средневековой истории Абхазии на основе широкого использования доступных автору письменных источников, сравнительного сопоставления данных абхазского языка, топонимики, исторической географии, мифологии и этнографии абхазов. Книга представляет собой результат многолетней работы автора.

Приступая к написанию истории Абхазии, Д. Гулиа вправе был заявить в предисловии, что «этот ныне немногочисленный народ, с великим прошлым, до сего времени не имеет хотя бы краткой, но цельной связной истории» и что он «остается малоизвестным даже ученому миру России». Вместе с тем автор хорошо понимал стоявшие перед ним огромные трудности — отсутствие специалистов и необходимой литературы на месте, пробелы в историческом материале (в особенности в области археологии), неразработанность важнейших проблем. Все эти обстоятельства сильно ограничивали возможности решения поставленных задач.

Главную цель своего труда автор видел в том, чтобы «возбудить интерес к проблемам, связанным с историей прекраснейшей в мире, столь богатой красотоми природы страны и побудить научные круги обратить внимание на абхазоведение как на путь к решению ряда вопросов о прошлом не только Кавказа, но и всей Передней Азии».

В настоящее время ряд разделов книги устарел, в ней содержатся и некоторые неприемлемые положения. При всем том задачи, поставленные автором, во многом выполнены, и прежде всего в результате привлечения разнообразных фактических материалов, имеющих важное значение для разработки этногенетических вопросов и не потерявших своей ценности вплоть до наших дней. Д. Гулиа намеревался подготовить и второй том «Истории Абхазии», но осуществить этот свой замысел, как и предполагавшееся им написание «Географии Абхазии», он не успел.

Трудно назвать какую-либо область литературной и культурной жизни Советской Абхазии, в которой Д. Гулиа не принимал бы активного, а часто руководящего участия.

Он преподает абхазский язык и литературу в Сухумском педагогическом техникуме (так стала называться бывшая семинария), ведет курс лекций по абхазскому языку в Тбилисском государственном университете, куда выезжает на два года с семьей (1924—1926), составляет орфографию, ряд словарей, учебники и учебные пособия, один из которых — «Родная речь» для 2-го класса — является действующим и в наши дни. Гулиа руководит работой по внедрению абхазского языка как государственного в местные учреждения (наравне с русским и грузинским), организует первую абхазскую театральную труппу и разъезжает с подготовленными под его руководством агитационными постановками по деревням Абхазии, возглавляет учрежденную в 1925 году по инициативе академика Н. Я. Марра Академию абхазского языка и литературы (1928—1929), в 1931 году преобразованную в Абхазский институт языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР (институт носит ныне имя Д. И. Гулиа). Д. Гулиа, кандидат исторических наук (с 1937 года), непрерывно работал в этом институте в качестве старшего научного сотрудника со дня его основания до конца своей жизни; его перу принадлежит множество научных статей, исследований и материалов по различным вопросам абхазского языка и фольклора, истории и этнографии Абхазии. Одновременно он создает все новые художественные произведения — оригинальные и переводные — в поэзии, прозе и драматургии, проводит огромную работу по переводу на абхазский язык разнообразной литературы, в том числе ряда выдающихся произведений русской и грузинской классики.

Это не значит, что у поэта в эти годы не было никаких раздумий и затруднений, мешавших его творческой деятельности. По-видимому, не совсем легко было все правильно понять сразу и перестроиться по-новому человеку, прожившему в иных условиях целых полстолетия. К тому же не всегда он встречал понимание и поддержку. Так или иначе, около десяти лет он мало занимается литературной деятельностью, а его лира как бы утрачивает социальные мотивы. Может быть, некоторым снижением творческой активности Гулиа объясняется и то, что основоположника абхазской литературы не оказалось среди делегатов I съезда советских писателей. И все же это были в основном годы плодотворных раздумий и честных поисков своего места на фронтах гигантской культурной революции. И к началу тридцатых годов частичный отход от литературной работы был уже пройденным этапом. Наступает период нового нарастающего расцвета творческих сил и энергии Гулиа.

С победой Советской власти в Абхазии открылись широкие перспективы экономического и культурного возрождения страны, развития родного языка, национальной школы, печати, литературы и искусства. Стали пополняться ряды писательских кадров, возросла их творческая активность.

Идеологическая борьба, происходившая в Абхазии двадцатых — тридцатых годов, отражала острые классовые противоречия. В абхазской литературе это была в основном борьба с пережитками феодально-патриархальной идеологии, проявлениями местничества, элементами мистицизма. Одним из главных направлений развития абхазской литературы двадцатых годов было критическое изображение прошлого с революционных (правда, иногда слишком прямолинейных и даже вульгарно-социологических) позиций. Не настроения пессимизма и индивидуализма, не колебания и националистические «идейки», не выжидание, а, напротив, невиданный подъем творческой энергии и личное активное участие писателей в проведении важнейших политических мероприятий партии — вот что характеризует абхазскую литературу этих лет.

Важнейшими темами абхазской литературы двадцатых годов были родина и социалистическая революция, которая привела к уничтожению классового и национального угнетения, свободному развитию народов. В поэзии усиливается эпическое начало, а вместе с тем и интерес к новой тематике. Господствующими формами были политическая, гражданская, историко-революционная лирика, в которой нашел свое отражение пафос утверждения революции.

С середины двадцатых годов стали появляться абхазские литературно-критические и литературоведческие статьи и заметки. Д. Гулна и здесь был первым. Он предпринял попытку осмысления истории абхазской литературы, изучения и улучшения абхазского стихосложения. Этой цели была посвящена его статья «О том, как пишутся стихи по-абхазски» (1926).¹ Правда, в настоящее время интересна главным образом не теоретическая ее часть, а фактическое содержание. Автор сравнивает абхазское литературное стихотворчество с традициями народной поэзии, а также высказывает предположение о его близости к русскому стиху.

Начав с простого переложения фольклорных произведений и усвоения традиций критического реализма, Д. И. Гулна в советский

¹ «Апсны капш», 1926, 18 сентября (на абхаз. языке).

период (после некоторого раздумья в напряженных двадцатых годах) все более укрепляется на путях реализма социалистического.

Тридцатые годы были периодом бурного роста молодой абхазской литературы и, естественно, периодом исканий, подражаний, ошибок и неудач. Не так легко было избрать в поэзии свою самостоятельную тропу. Вокруг кипела новая жизнь, новое содержание советской поэзии требовало создания новых форм. Было много трудностей и мало традиций, опыта, знаний. Тем не менее становилось очевидным, что нельзя идти путем слепого подражания или механического перенесения в абхазскую поэзию достижений классиков братских литератур без учета специфики родного языка. Продолжать писать стихи почти исключительно в стиле народных песен также не имело смысла. Требовалось найти нечто новое. И успехи в этом направлении были достигнуты. Этот перелом, неразрывно связанный с общим развитием многонациональной советской литературы, характеризуется ростом политической зрелости писателей, повышением их интереса к острым проблемам современности. На передний план выдвигается задача отображения в литературе классовой борьбы, колхозного строительства, культурной революции, процесса преодоления консервативных обычаев, воспитания нового человека.

Произведения старейшего абхазского писателя, рисующие жизнь советской и дореволюционной Абхазии, наполнились новым, социалистическим содержанием. Об этом свидетельствует, в частности, сборник «Стихи, сатира, песни». Посвященный автором абхазской молодежи, этот сборник, дополненный и переработанный, выдержал два издания — в 1923 и 1928 годах. В него вошли старые и новые оригинальные поэтические произведения Гулиа (например: «Родина», «Абхазия», «Хотел бы я...», «Голубь и воробей», «Песни детей», «Модная девица», «Теперь уже счастлива я» и др.), переводы и подражания русским и грузинским мастерам (А. Церетели, И. Чавчавадзе и др.).

В тридцатых годах Гулиа работал в основном в прозе (роман «Камачич») и в области поэтического перевода, а также был занят, сверх служебных дел, подготовкой к переизданию своих избранных произведений¹ и составлением (совместно с Х. С. Бгажба) сборника «Абхазская народная поэзия» (1940).

Новых же оригинальных поэтических произведений было создано немного, и то, что написано в этом жанре, относится к малым фор-

¹ Д. И. Гулиа. Избранные произведения. Стихи, 1933; Д. И. Гулиа, Утренняя звезда, Избранные произведения, Сухуми, 1937 (на абхаз. яз.).

мам. Среди них мы находим веселые детские стихи («Детская песня», «Кудахтанье кур», «Табак», «Весна», «Птичка и голубь», «Муха и пчела» и др.), стихи о трудовом героизме и на патриотические темы.

В 1934 году вышли «Абхазские частушки» Д. Гулиа (под редакцией С. Я. Чанба и с иллюстрациями сына автора — Г. Гулиа). На обложке этого миниатюрного издания в качестве эпиграфа помещен куплет, который подчеркивает идейный смысл вошедших в сборник частушек: их острую политическую направленность против чуждых новому строю социальных элементов. Автор смело разоблачает банкротство («падение в грязь») антинародной деятельности напманов, нерадивых бездельников, противников колхозного строительства, чинуш и бюрократов, хапуг и расхитителей общественной социалистической собственности («Неумелый руководитель колхоза», «Распотчитель кооперативного добра» и др.).

Материалы, вошедшие в сборник, — это сюжетные юмористические и сатирические стихи и частушки, содержание которых отразило острые противоречия периода колхозного строительства в Абхазии, борьбу с противниками социалистического переустройства деревни: кулаками, служителями культа и др. Злободневные по теме, проникнутые своеобразным юмором и доходчивые, они получили широкое признание у читателей.

Частушки Гулиа писал с самого начала своей литературной деятельности, опираясь на богатые традиции национального фольклора. Первые гулиевские книжки назывались сборниками стихов и частушек (частушка по-абхазски «ахьдзиртвра», что означает отрицательную характеристику или, наоборот, восхваление добрых дел и качеств человека). В последней своей книге Гулиа, продолжая по-прежнему использовать традиции фольклорной поэтики, вместе с тем уже несколько отходит от них. Это выразилось не только в отказе от местного названия жанра частушки в пользу термина «частушка», но и в усвоении некоторых формальных особенностей русской частушки: каждая строфа этих поэтических миниатюр, состоящая из четверостиший, отличается завершенностью, широко встречаются поэтические параллелизмы: явления природы часто ассоциируются с событиями в социальной и политической жизни.

Одним из лучших произведений Д. Гулиа этого периода является поэма «Песнь об Абхазии». Это поэтический рассказ о прошлых бедствиях Абхазии, краткая история народа, изложенная чутким пером. Это гордый рассказ человека, увидевшего наконец свою родину в полном цвету и этим безмерно счастливого.

В двадцатых — тридцатых годах достигают значительного развития в абхазской литературе эпические жанры. Сдвиг к широкому изображению современной жизни, стремление показать всю ее сложность и противоречивость выразились в появлении больших социально-психологических произведений, в развитии жанров поэмы, повести и романа на материалах дореволюционной и новой, социалистической действительности.

Особняком во всей абхазской литературе тридцатых годов стоит крупнейшее произведение Д. Гулиа — роман «Камачич» (1933—1940). Это широкая эпическая картина, поистине художественная энциклопедия дореволюционной абхазской деревни. История смелой, волевой девушки-крестьянки Камачич, ищущей в мрачном мире спесивых князьков и жестоких дедовских обычаев свободы и счастья, с большой художественной силой изображена писателем-реалистом, глубоким знатоком народной жизни. Это произведение большого трагического звучания. Оно живописует страшную картину того, как феодально-капиталистический мир бесчеловечных татластанов (князь Татластан — отрицательный персонаж романа) подавлял, душил, уродовал человека, глушил его порывы, низводил до унижительного существования, отнимал надежду на самое простое человеческое счастье у семейного очага. В судьбе Камачич автор увидел поэзию чистых девичьих чувств, горечь жизненного потрясения, благородную жертвенность, крушение надежд женщины на личное счастье. В романе поражает насыщенность его фольклорными и этнографическими материалами, правдивость описаний, неторопливая обстоятельность, точное знание особенностей деревенского уклада, неистощимый гулиевский юмор, живописность изображения, богатый и сочный народный язык, чистый и ясный, доходчивый и бесхитростный.

По своим жанровым особенностям «Камачич» — это нечто среднее между романом в обычном смысле этого слова и циклом самостоятельных (или полусамостоятельных) новелл и рассказов, связанных между собой единой тематикой и образом главной героини.

Таким образом, борьба за коммунистическую идейность, за преодоление вредных пережитков прошлого в сознании людей была генеральной линией развития абхазской литературы двадцатых — тридцатых годов. Постепенно преодолевая механическое перенесение жанров и поэтики фольклора в письменную литературу, дидактизм и морализирование, схематизм и иллюстративность, слепое копирование чужого опыта, лучшие абхазские писатели шли своим путем,

создавая оригинальные реалистические произведения малой и большой формы. От популярных коротких сатирических частушек и рассказов литераторы шли к созданию эпических произведений, в том числе больших социально-психологических романов, посвященных прошлому Абхазии и социалистическому переустройству деревни.

В поэзии Гулиа второй половины тридцатых годов обращают внимание мотивы нерушимой дружбы советских народов (стихи о Тарасе Шевченко, Шота Руставели и др.), а также оборонно-патриотическая тематика («У озера Хасан»), поэтические произведения, гневно осуждающие поджигателей войны, призывающие к бдительности, борьбе за укрепление мира на земле.

Особая и в высшей степени важная область творческой деятельности Гулиа — его художественные переводы.

Первый народный поэт Абхазии поддерживал дружеские связи, имел памятные встречи со многими из выдающихся деятелей советской многонациональной литературы и искусства, науки и культуры — А. Толстым и Ш. Дадзиани, А. Фадеевым и М. Джавахишвили, Н. Марром и А. Шанидзе, К. Фединым и А. Исаакином, В. Шишковым и М. Рыльским, М. Бажаном и Г. Табидзе, Н. Тихоновым и П. Тычиной, К. Симоновым и др.

Гулиа стоял у самой колыбели абхазской переводной литературы, как один из ее главных зачинателей и создателей. Переводами он занимался до преклонного возраста. Только благодаря его неутомимому труду абхазские читатели смогли познакомиться с рядом выдающихся произведений русской, грузинской и других литератур. Как уже говорилось, еще до революции, будучи членом специальной переводческой комиссии, он принимал самое активное участие в осуществлении различных переводов.

С победой нового строя его работа в этой области приобретает еще более широкий размах. Абхазы впервые получают возможность читать переведенные Д. Гулиа стихи и другие произведения революционного содержания, пьесы для нарождавшегося национального театра, поэмы, связанные с жизнью Абхазии, и др.¹ В первые же дни установления Советской власти Гулиа (в соавторстве с С. Чанба) перевел на абхазский язык пролетарский гимн «Интернационал». С тех пор «Интернационал», созвучный во многом «Ма-

¹ Чтобы помочь рождающемуся абхазскому театру преодолеть острый репертуарный голод, Д. И. Гулиа еще в 1921 году перевел с русского и грузинского языков несколько небольших водевилей и пьесу «Да здравствует свобода!».

нифесту Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и ставший международным гимном рабочего класса, вошел в абхазскую литературу как один из ее замечательных памятников.

Особо следует отметить перевод созданной на абхазском материале прекрасной поэмы Ак. Церетели «Воспитатель». Гулиа осуществил такой конгениальный перевод этой поэмы, фабула которой заимствована из абхазского фольклора¹, что абхазский читатель воспринимает шедевр грузинской поэзии как жемчужину своей национальной духовной культуры. Гулиа принадлежат также переводы ряда произведений Пушкина, Лермонтова, Шевченко, И. Чавчавадзе, К. Хетагурова. Некоторые басни И. А. Крылова в переводе Гулиа являют собой также неподражаемые образцы абхазской переводной литературы (например, «Чиж и Голубь», «Зеркало и Обезьяна», «Мышь и Крыса» и др.).

Колоссальную творческую работу проделал Гулиа, чтобы перевести на абхазский язык такие бессмертные памятники поэтической культуры русского и грузинского народов, как «Слово о полку Игореве» (в соавторстве с М. Гочуа, 1938) и поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», перевод которой потребовал нескольких лет напряженного труда (1938—1941).

4

Великая Отечественная война явилась большим испытанием и для абхазской литературы. Многие писатели ушли на фронт. Из числа поэтов и прозаиков, с оружием в руках сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков, трое — Леварса Квициния, Степан Кучберия и Михаил Гочуа — погибли на фронте смертью храбрых.

В годы Великой Отечественной войны в абхазской литературе господствует военная тематика. Закладываются основы военно-патриотической литературы. Преимущественное развитие получают малые формы, хотя создаются и отдельные произведения эпических жанров.

В «мобильных» жанрах патриотической лирики выражались чувства, чаяния и помыслы советских людей, отстаивавших честь и свободу своей родины. Поэзия тех лет чутко воспринимала радости

¹ О. Чургулия, Грузино-абхазские литературно-культурные взаимосвязи в XIX веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тбилиси, 1972, с. 14.

и горести народа. Главнейшими темами литературы стали темы героизма и патриотизма, причем в обогащении этой тематики, в раскрытии и популяризации героического прошлого народа важную роль сыграли произведения абхазского фольклора.

С большим воодушевлением работал в годы войны патриарх абхазской литературы Д. Гулиа. «Я не мог сражаться с автоматом в руках, — писал он впоследствии, — но делал свое маленькое дело на литературном посту».

Лирика старейшего советского поэта не уставала звать к ратным и трудовым подвигам, воспевать беспримерный героизм народа. Замечательные военные стихи и песни Гулиа о героических делах советских людей на фронте и в тылу, об абхазских воинах, о родине и партии воодушевляли читателей на подвиги, воспитывали любовь к родине, ненависть к врагу.

В стихотворениях «Песнь о героях», «Наш Кавказ», «Защитнику нашей страны», «Вперед, на Запад», «Близок час расплаты» и многих других маститый поэт обращался к высоким патриотическим чувствам советских людей, призывал соотечественников расправиться с коварным и ненавистным врагом.

В известном цикле «Песнь о героях» идея беззаветного советского патриотизма находит свое воплощение в образах реальных участников войны. В пламенных словах воспел поэт славных сынов и дочерей абхазского народа, прославивших себя ратными подвигами, — полнтурака Александру Назадзе, летчиков Киазима Агрба и Михаила Язычба, пулеметчика Пианцу Чолокуа, снайпера Михаила Цушба. Особую популярность приобрела «Песня о герое из героев» (1943), вдохновленная светлым именем Героя Советского Союза Владимира Харазиа. Вот отрывок из этой песни, ставшей поистине всенародной:

В сече с врагами, в дыму и в огне,
Сил не щадя, он погиб на войне,
Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин! . .

И не забудет Абхазия
Светлое имя Харазиа.

В самый разгар тяжелых боев на всех фронтах Отечественной войны Гулиа выступил с патриотической поэмой «Песнь о народе» (1943), задуманной автором как монументальная эпическая песня о беспримерном подвиге народов СССР в годы войны и великой

силе их дружбы, о всепобеждающем значении ленинизма. В поэме, напоминающей собой героические и историко-героические песни абхазского фольклора, значительное место занимает тема защиты родного Кавказа. В ней отразились гнев и горе советского народа, боровшегося против фашистского нашествия. Героизм советских людей вдохновлял поэта.

В 1942 году отдельной книгой вышли гулиевские «Короткие рассказы». Наряду с рассказами бытового и мемуарного характера, автор здесь, как и в романе «Камачич», широко использовал фольклорные записи, кропотливо собиравшиеся им самим в течение всей жизни. Это своеобразные яркие зарисовки, посвященные различным сторонам жизни дореволюционной Абхазии, народные притчи, рисующие обычаи, быт и нравы старой Абхазии, живописующие характерные картины прошлого, высмеивающие светских и духовных князей, их высокомерие, бездушие, жадность, взяточничество, бюрократизм «высшего начальства», с одной стороны, и честность, трудолюбие, смекалку, находчивость людей из народа — с другой («Епископ и па́стух», «Хитрый адвокат» и мн. др.).

В творчестве абхазских писателей послевоенных лет отразились ведущие темы советской литературы этого периода — изображение героики войны и мирного созидательного труда, борьбы за мир и дружбу народов, создание образа советского человека, прошедшего суровую школу войны.

Исключения не составляла и поэзия. Большое развитие получила политическая лирика, остро и современно решавшая темы патриотизма и интернационализма, героики войны и борьбы за мир. Эти мотивы в той или иной степени были характерны для творчества всех абхазских поэтов. Наиболее значительные поэтические произведения этого периода созданы в жанре публицистической лирики и лиро-эпической поэмы, реалистически запечатлевшей коллизии и героике современности.

Характерно в этом отношении творчество Д. Гулиа, чье семидесятипятилетие было широко отмечено в 1949 году.¹ Старейший писатель нашей страны жил напряженной творческой жизнью и думами о судьбах абхазской литературы. «В труде крепчает сердце человека, а главное не в этом ли, друзья?» — восклицал поэт. В другом стихотворении он говорил: «Когда бездействуешь хотя

¹ Основные произведения Д. Гулиа этих лет вошли в сборник стихов и поэм, изданных в Москве в 1955 году: Д. Гулиа, Стихи, 1945—1955, М., 1955.

бы день один, — ты, значит, умер на день раньше срока!» («Юным друзьям»).

Многогранна и разнообразна по своей тематике лирика Д. Гулиа последнего периода его творчества. Несмотря на преклонный возраст, он писал новые и новые поэтические, драматические и публицистические произведения, выступал со статьями о роли и месте писателя в общественной жизни. В эти годы он создал произведения глубокого философского содержания, отличающиеся смелыми обобщениями, такие, например, как «Победа», «Море», «Пламенное слово», «Моя страна» и др.

Об одном из них — едва ли не самом признанном — хочется сказать особо. Отгремела война, победа стоила столькож жизней, наступил наконец желанный мир. И в победный день — 9 мая 1945 года — Гулиа пишет прекрасное стихотворение «К морю». Лирический герой — носитель невыразимого словами «восторга в груди». Между морской стихией и героем, человеком, в котором бьется «море радости», наблюдается гармоническая одухотворенная связь и взаимослиянность. «К морю» — одно из лучших произведений советской лирической поэзии, посвященных великой победе.

На зелень берега роса с небес ложится.
Понятно всё без слов. Уж близится рассвет.
С тобою мы друзья: ты — море без границы,
Я — море радости, границ которой нет!

Часто в творчестве Гулиа обыденные повседневные явления становятся символами большого обобщающего значения, отражающими напряженную силу авторских раздумий, в них неразделимо слиты мысли и чувства автора. Таково, например, стихотворение «Корабль пришел» (1946). Автор не ограничивается поэтическим описанием прибытия первого послевоенного корабля. Это событие становится провозвестником грядущего мира и счастья. Поэтому совсем не удивительно желание физического, если можно так сказать, общения со стальной громадой корабля. Это даже усиливает эмоциональное воздействие стихотворения на читателя:

Я погладил обшивку, прошелся ладонью по ней,
Прикоснулся к холодному борту горячей щекой —
Трепетало могучее сердце громады стальной.
И, не в силах живое волнение свое превозмочь,
Бились наши сердца в унисон в эту летнюю ночь.

Искренни и глубоко эмоциональны гулиевские стихи о дружбе, о любви («Новогоднее», «Друзья», «Другу», «Человек в горах», «Голубь», «Праздничный тост», «Весеннее настроение», «Стихи о любви»). Широко известен цикл стихов «Мой город», в котором автор опозитизировал героический труд своих сограждан, поделился своими раздумьями об исторических судьбах Сухуми и всей Абхазии, писал о чувстве гордости тем вкладом, который вносит его родной народ в общее дело коммунистического строительства.

Гулиа до конца своих дней сохранил юную отзывчивость души, оптимистическое мироощущение, стремление к духовному общению с подрастающим поколением, к передаче ему своего богатого жизненного опыта. Вот почему и на восьмом десятке лет, по-прежнему интересуясь актуальными проблемами воспитания молодежи, он продолжал писать для своих маленьких друзей. Поэту принадлежат лучшие в абхазской литературе стихи для детей. Многие из них переведены на русский язык С. Маршаком, В. Державиным, Г. Регистаном (цикл «В нашей деревне», «Смелый мальчик», «Дедушка и весна» и др.).

Образцом умения Гулиа раскрывать в маленьком факте нечто значительное, соединять крохотно-земное с необъятно-небесным является его стихотворение «Муравей». Что, казалось бы, может быть незаметнее и малосильнее, чем крошечный муравей? К тому же он поставлен в условия, при которых и великану было бы не легко: разразилась гроза, горят леса, море выходит из берегов, и человек, бесильный «овладеть стихией», склонился перед нею. Но не совсем. Он увидел муравья, который наперекор грозной стихии идет все время вперед. Стихотворение воспринимается как гимн великому и вечному жизнеутверждающему творческому труду:

Всё время он в труде — никто не замечает.
 Упорный труженик — никто его не знает.
 Гнездо ж растет. Смущенный я стою.
 Дорогу дал, склонившись, муравью.

Д. Гулиа находит новые художественные средства для выражения вечных тем. В одном из лучших его стихотворений «Олень» скульптурно и зримо нарисован поэтом образ оленя. Мы не только видим, но почти физически чувствуем его. Он стоит — это прекрасное творение природы — на скале как изваяние. Но он ранен и окружен. И в этой безысходной драматической ситуации ему остается лишь два

выхода — смерть или плен. И он, не задумываясь, выбирает смерть. Но самой смертью подтверждается бессмертие высокого нравственного начала, воплощенного в конкретном поступке:

Стоял он, красивый и рослый,
На круче у горной реки. . .
Рога — как трехлетние сосны,
А ноги, как лозы, тонки.

И пусть окружен он и ранен,
Но он на колени не пал —
Минуту живым изваянем
Олень перед нами стоял. . .

И люди, у бездны на грани,
В молчанье следили за ним,
Пока он не скрылся в тумане,
По-прежнему непобедим. . .

А мне захотелось сегодня
Поведать вам песню о том,
Что лучше погибнуть свободным,
Чем жить, оставаясь рабом.

Одним из лучших произведений всей советской поэзии является стихотворение Д. Гулиа о самом дорогом — о партии, переведенное на все литературные языки СССР:

Земля без солнца — мертвая планета,
Дыханье жизни — в солнечном тепле,
Нет без него ни воздуха, ни света, —
Без партии нет жизни на земле.

(«Партия»)

Говоря о творчестве Д. Гулиа конца сороковых — начала пятидесятых годов, К. Симонов справедливо писал: «Великая русская революция, принеся в его Абхазию именно то, чего ждал и о чем мечтал этот человек, оставила в его душе воспоминания такой силы, что стихи, написанные им уже в восемьдесят лет, на закате жизни, об этой революции и о Ленине, оказались одними из самых лучших стихов вообще, написанных об этом за последние годы, —

страстными, гордыми, полными благодарности за судьбу своего народа». ¹

Таким же смелым и страстным был Д. Гулиа и в воплощении современной деревенской тематики. Одним из первых в абхазской литературе он посвятил вдохновенные строки героическим делам тружеников послевоенного села. Это прежде всего лиро-эпическая поэма «Осень в деревне» (1946). Гулиа оставался лириком и в жанре поэмы. В поэме нет изображения острых коллизий и столкновений, вся она проникнута светлым лиризмом, «Осень в деревне» открыла большую тему «возвращения джигита домой» после окончания победоносной войны. «Осень в деревне» — это песня о радости мирного труда, о солдате Смеле, ставшем славным колхозным бригадиром и государственным деятелем, о его счастье с милой девушкой Хикур, которая все пять лет ждала его, хранила верность любимому. Большое значение имеют в поэме песни с чередующимся припевом из абхазского музыкального фольклора («Уарада-рада-ри! Ахахайра-рада-ра!»).

Выдающимся произведением абхазской литературы является автобиографическая лиро-эпическая поэма Д. Гулиа «Мой очаг» (1954). Она написана на редкость образным, кристально чистым языком. В ней автор, как и в поэме «Песнь об Абхазии», с большой художественной силой рассказывает о национальном бедствии абхазского народа — насильственном выселении абхазов, в том числе и самого автора, когда он был ребенком, вместе со всей его семьей, в султанскую Турцию в семидесятых годах прошлого столетия.

Потрясающие картины бедствий махаджиров — людей, обманом и силой переселяемых на чужбину, — сменяются не менее впечатляющими лирическими отступлениями, а образ родного очага, как прекрасное обобщение полной превратностей судьбы народа, несмотря на все испытания верного своей родине, все время остается в центре внимания читателя. В поэме речь идет в основном только об одной абхазской семье 1877—1878 «черных годов», но ее судьба воспринимается как «тяжкая повесть» о судьбе всего края. Это эмоциональное звучание поэмы определяется глубоко выстраданным чувством боли и озабоченности судьбой родины. Художественная интерпретация событий столетней давности определяется рожденными Великим Октябрем идеями исторической ответственности и дружбы советских народов.

¹ Константин Симонов, Черты облика. — «Литературная газета», 1960, 12 апреля.

Вот простая крестьянская семья — «гостеприимней нет». У доброго очага растет мальчик, как росли здесь его дед и деда дед. Здесь же «солдат бывалый, русский парень» Гриша Петров (по-абхазски Гиргуал). Он был другом очага, у которого абхазские напевы сменяла русская песня «Ревела буря, гром гремел». Но пришла война России с Турцией. Дом горит, гибнут люди, убит Петров, рушится очаг, на чужой окаянный корабль сгоняют беженцев, которые искали спасения, а нашли лишь смерть вдали от родины. Но подоспели русские люди, и они принесли спасение. Родные напевы и песня Гиргуала опять звучат над очагом, который уже не заставит бросить никакие войны, беды, грозы. Финал поэмы звучит радостным аккордом:

Жив мой очаг!
Огонь в нем не погас.
Жив мой очаг!
Его в тот горький час
разрушил враг, но друг для жизни спас.
Гори, очаг, для нас!

Гулиевский «очаг» — это символ родной Абхазии, это проникнутые болью и сыновней любовью думы поэта об исторических судьбах своей страны, своего народа. Поэма «Мой очаг» наполнена лирическими размышлениями автора о добре и зле, о борьбе со злом, об ответственности перед своим народом и перед историей, о подлинной дружбе и победе жизни над смертью, о неугасимости очага, находящегося в заботливых руках.

Как мы видим, в послевоенный период, когда неослабное внимание партии и правительства вдохновляло советских людей на новые творческие свершения во славу Родины, старейший писатель Абхазии переживал невиданный прилив сил и энергии, новый взлет духовного роста и возрождения. Все эти годы Д. Гулиа работал с большим творческим подъемом. Темы его поэзии актуальны и разнообразны. Война и мир, партия и народ, труд и радость победы, дружба и любовь, очаг и Родина, история и современность, человек и его счастье, его назначение, его слитность, сродство с живой природой и человечеством, со всей землей, сближение реальности и мечты стали основными мотивами послевоенной лирики Гулиа. Лирически чувствующий поэт стремится к максимальному самовыражению и одновременно к раскрытию исторических событий, к обнажению общественного содержания в малом, частном, индивидуальном, неповторимом. Личностное, эмоционально-взволнованное восприятие,

непринужденность поэтической речи и ассоциативность поэтического творчества позднего Гулиа определяются углублением его художественного мышления. Уходит в прошлое традиционный дидактизм и некоторая однозначность и прямолинейность образов: они не нужны большой поэзии с ее многосторонним изображением действительности.

Патриарх абхазской советской литературы вел непрерывную борьбу за торжество гуманистических идеалов, откликнулся на важнейшие события внутренней и международной жизни словами, идущими от всего сердца. Человек, его жизнь, его счастье — вот что больше всего волновало Д. Гулиа. Он писал в статье «Живой ленинизм»: «Если бы на одну сотую секунды мы... попытались рассматривать горе человека «с мировой точки зрения» и, не дай бог, принялись бы подсчитывать при этом проценты, то горе Анны Карениной оказалось бы горем одной двухмиллиардной частицы человечества и, может быть, с точки зрения статистики, малосущественным делом... Невозможно горе человека раскладывать по полочкам и взвешивать на весах. Горе есть горе...»¹

В каждом стихотворении Гулиа сквозь, казалось бы, житейски простые строчки ненавязчиво проступает мудрость многоопытного человека, отказывающегося вопреки всему стареть, видна добрая, открытая для всех человеческая душа, восхищающаяся всем прекрасным, что есть на свете, восстающая против темных сил вражды, невежества и несовершенства. «Я все могу» — так сказал этот сын маленького народа — певец и вдохновитель великого чувства слитности и единения народов.

В 1949 году появились «Призраки» Д. Гулиа — первая абхазская социально-психологическая драма. До тех пор, если не считать переводов и инсценировок, драматических произведений Гулиа не писал; поэтому может возникнуть вопрос: откуда взялась такая глубокая, полная противоречий, сложная драма? Но «Призраки» — не случайный эпизод в творческой биографии автора. Только Д. Гулиа — поэт и писатель большой культуры и огромного жизненного опыта, лучший знаток дореволюционной жизни абхазского крестьянства — мог написать такую драму, которая, будучи вполне оригинальной пьесой, учитывает и достижения и опыт мировой драматургии (Чехова, Ибсена и др.).

В ней нашла свое отражение эпоха дореволюционной Абхазии, показан полный распад и разложение семьи Гудыма — алчного и

¹ «Знамя», 1960, № 4, с. 13.

ненавистного крестьянам кулака, бессовестного и безжалостного стяжателя, готового на все, чтобы умножить свое богатство, присвоить чужое добро. Носителем передовых демократических идей выступает его сын Дауд. Этот молодой и красивый, но болезненный человек прожил тяжелую жизнь. Он исходил пешком весь свет, не раз сидел в тюрьме, но в условиях буржуазно-помещичьего строя нигде не нашел ни добра, ни справедливости, ни утешения. Правда, в скитаниях он многое увидел и познал, новые мысли теснятся в его голове, он пишет стихи, стал еще более непримиримым к социальной несправедливости. И все-таки он одинок и не видит выхода из невыносимого положения. Даже в родном доме, куда он вернулся как блудный сын, он кажется чужим. Его не понимают. Явно враждебен не только отец, для которого не существует ничего святого, кроме наживы, но и единоутробный брат, не брезгающий, как и отец, ничем и даже отнявший у Дауда его любимую жену. Не найдя успокоения и в своем собственном доме, Дауд порывает с родственниками и уходит глухой страшной ночью, чтобы вырваться из затхлой, удушливой атмосферы родного дома.

Мрачный мир хищных эксплуататоров, где человек человеку волк, где господствует жажда наживы, звериные инстинкты, эгоизм, фальшь и обман, где не могут жить честные люди, должен быть разрушен — таков идейный смысл драмы.

Немало интересных мыслей высказал Д. Гулна в последний период своей жизни о поэтах и поэзии, о цели и назначении искусства, о судьбах литератур малых народов, о писательском труде. В замечательном стихотворении «Лесоруб» он рассматривает свое служение литературе как напряженный труд во имя человека, во имя народа:

Поэт!

Приятна музыка твоя,

Похожая на пенье соловья,

На щебет птиц, на тонкий звон ручья. . .

Но во сто раз ты будешь мне дороже,
Войдешь в сердца, народу станешь люб,
Когда стихами людям путь проложишь,
Как проложил сквозь чашу лесоруб.

Д. Гулна всегда подчеркивал большое общественное значение художественного творчества. Вот стихотворение «Всё», конец которого звучит как наказ, как верная солдатская клятва, как девиз:

Всё для стихов,
Для мужественных строк —
Тех, что дойдут до сердца и ума...
Всё для стихов —
Таких, как жизнь сама!

В 1953 году в своей статье «О поэзии и поэтах» он писал: «Поэт становится настоящим поэтом лишь тогда, когда чувствует в себе общественного деятеля. Если стихи того или иного поэта еще не стали явлением общественным, а их автор не чувствует себя общественным деятелем в самом высоком смысле слова, это означает, что пока еще не родился настоящий поэт... Сущность поэзии, ее пафос заключается в ее общественном звучании, в том, за что она борется, насколько она нужна народу. Никто не станет спорить о том, хорошо или плохо поет соловей. Но кому же придет в голову назвать его песни поэзией? Подлинная поэзия начинается там, где торжествует и волнует наше сознание мысль, облеченная в прекрасную форму».¹

Такому высокому призванию гражданина и художника родоначальник абхазской литературы был верен до последних дней своей жизни.

Д. Гулиа верил — и это он убедительно доказал своим творчеством — в способность малых народов к созданию больших духовных ценностей. Ему всегда были чужды и непонятны взгляды слишком «левых» товарищей, рисовавших картину «мировой революции», в которой Абхазия — всего-навсего только капля. «У меня — не скрою — невольно выпадало перо из рук, — писал Гулиа. — Стоит ли трудиться ради капли, которая все равно испарится? Но жизнь показала, что стоит, что можно и должно работать во имя даже капли. Если хорошо потрудиться — она не испарится. Она устоит. Тем более если тебе помогают более многочисленные народы... Маленький народ может иметь большую литературу. Я в этом твердо убежден. Пример шестидесятитысячной Исландии говорит о многом. Учитывая, что в конце концов духовные ценности, созданные тем или иным народом, определяют их место и роль в истории, я призываю своих коллег, особенно представителей небольших народов, сделать все возможное для создания большого искусства, большой литературы».

Творчество самого Д. Гулиа и его большой всесоюзный резонанс является ярким подтверждением несостоятельности иных нигили-

¹ Д м и т р и й Г у л и а, Избранные произведения, М., 1958, с. 482.

стических взглядов: поэт маленького народа, писавший только на родном языке, стал одним из виднейших деятелей многонациональной советской литературы, книги его с интересом читаются во всех уголках нашей необъятной Родины.

В пятидесятых годах, еще при жизни автора, было начато издание первого собрания сочинений Д. Гулиа в четырех томах на языке оригинала (1956—1962). В те же годы вышли отдельные сочинения и избранные произведения народного поэта Абхазии на русском, грузинском и других языках Советского Союза,¹ а некоторые его произведения — и за пределами нашей страны. Его стихотворения «Партия» советские люди читают на 74 языках.

Незадолго до своей смерти Д. Гулиа писал: «Целью моей жизни было увидеть абхазскую литературу, выросшую из пеленок. Я это увидел. Ничего бы этого не было, если бы не помощь нашей Советской власти, Коммунистической партии».

Абхазская литература, зачинателем которой был Д. Гулиа и в которой его идейно-художественное наследие занимает выдающееся место, давно выросла из пеленок и вступила теперь на большую дорогу всестороннего развития. Она является живой растущей ветвью многонациональной советской литературы.

Абхазская литература развивалась и росла трудами Самсона Чанба и Иуа Когонна, Михаила Лакербай и Леонтия Лабахуа. Много сделали для возвышения родной литературы покойные Алексей Ласурна, Леварса Квициниа, Кназим Агумаа. Далеко за пределы Абхазии шагнули книги народного поэта Баграта Шинкуба, Ивана Папаскири, Ивана Тарба. Абхазская литература пополнилась талантливыми стихами, рассказами, повестями, романами, пьесами Мушни Хашба и Чичико Джонуа, Алексея Гогуа, Шалвы Цвижба, Мушни Ласурна и Джумы Ахуба, Алексея Джонуа и Платона Бебна, Кумфа Ломиа и мн. др. Десятки поэтических и прозаических книг, выходящих ежегодно в издательстве «Алашара», абхазские газеты и литературные журналы свидетельствуют о росте и творческом здоровье абхазской советской культуры.

Гулиа совершил большой подвиг — создал абхазскую литературу и был ее главой на протяжении всей своей долгой и прекрасной жизни. В его произведениях как бы вновь ожил древний язык, которому иные недоброжелатели предрекали близкий конец, была за-

¹ Д. м. Гу л и а, Избранные произведения, Перевод с абхазского, М., 1953; Д. м. Гу л и а, Стихи, 1945—1955, Авторизованный перевод с абхазского, М., 1955; Д. м. Гу л и а, Избранные произведения, М., 1958; Д. м. Гу л и а, Камачич, Перевод с абхазского А. Дроздова, М., 1961; Д. м. Гу л и а, Избранное, Тбилиси, 1957, и др.

ложена надежная основа для расцвета национальной культуры. Родная литература — это окно, через которое абхазский народ, его прошлое и настоящее стали видны, близки и понятны всем народам нашей страны и широким кругам зарубежных читателей.

Гулиа — это целый мир, исключительное явление в истории абхазской культуры. Размышляя над тем, что этот мужественный человек, сын простого крестьянина, является зачинателем многих добрых дел, я вспоминаю его передовую статью для первого номера первой абхазской газеты, написанную весной 1919 года. Там он образно сравнивал значение этого органа в культурном развитии абхазов с гигантским прыжком благородного оленя. Многогранная деятельность самого Гулиа напоминает собой подобный же скачок в развитии всей абхазской культуры.

Народам Кавказа издавна знаком тип писателя-ученого. Таким был, например, великий певец бедноты Коста Хетагуров. Таков и Гулиа. Занятия филологией и путешествия по историческим дорогам Абхазии привели Гулиа к лучшему познанию характера и интересов своего народа, которому он всегда служил честно и преданно, как солдат.

Оценка значения деятельности Гулиа с самого начала была единодушной. Соплеменники уже давно называли его своим Ломоносовым, своей национальной гордостью и знаменем, в народе складывали о нем бесхитростные, но полные благодарности песни. Одна из них начинается так (подстрочный перевод):

Как снег, бела твоя голова,
Как горный родник, слова твои чисты. . .

Дело Гулиа, ставшее широко известным далеко за пределами Абхазии, приводило в восхищение многих выдающихся деятелей культуры. Академик Н. Я. Марр писал о нем: «. . .беспорный факт, что до сегодняшнего дня никто в таком масштабе, как Гулиа, не интересовался одновременно прошлыми судьбами и настоящим бытом Абхазии, ни один ученый, ни в Европе, ни на Кавказе». ¹ Патриарх грузинской литературы Ш. Н. Дадиани, назвавший Д. Гулиа «орлом абхазской поэзии», писал, что Гулиа «напоминает горную реку, которая вырвалась из своих каменистых стен и принесла в долину народу жизнь и счастье, тепло и свет», ² — а Галактион Табидзе

¹ Цит. по кн.: Г. Д. Гулиа, Дмитрий Гулиа, М., 1962, с. 161.

² Ш а л в а Д а д и а н и, Орел абхазской поэзии (К 85-летию со дня рождения Д. И. Гулиа). — «Заря Востока», 1959, 22 февраля.

характеризовал его «кумиром нетленного мира», чьи «поэзии мудрой простые слова... запомнят потомки». ¹ Н. С. Тихонов сказал, что Гулиа — человек с «мучительной и удивительной жизнью» — является «великим просветителем абхазского народа». ²

Поэт, как сказал А. Блок, «величина неизменная, могут устареть его язык, его приемы, но сущность его дела не устаревает». ³

Никогда не устаревает сущность дела Дмитрия Гулиа — не устаревает до тех пор, пока живет и развивается абхазский народ, его искусство, его культура.

Ш. Инал-Ипа

¹ «Советская Абхазия», 1973, 13 октября.

² Николай Тихонов, Страницы воспоминаний. Беседы в Стране души. — «Знамя», 1964, № 1, с. 59.

³ Александр Блок. Собр. соч., т. 6, М.—Л., 1962, с. 160.

АВТОБИОГРАФИЯ

Мои родители были простые абхазские крестьяне. Жили они в селе Уарча Гумистинского участка (Абхазия), примерно на том самом месте, где происходит действие горьковского рассказа «Рождение человека» (на правом берегу бурного Кодора). И до сих пор, проезжая мимо тех мест, я вижу остатки нашего очага. Мы, уарчанские гулиевцы, если можно так выразиться, замыкали южный фланг абхазских гулиевцев, непрерывной цепью населявших воистину райский берег от села Эшера (северо-западнее Сухума) до Килашура и далее — до Гулрипша и Уарча. Гулиевцы живут в селе Эшера и сейчас. Однако большая их часть была вынуждена выселиться в царские времена в Турецкую империю, и теперь их потомки рассеяны по Ближнему Востоку.

Вот я невольно и коснулся самого больного места истории абхазского народа. Как известно, проникновение русского царизма в глубину Кавказских гор особенно усилилось в прошлом веке. Наиболее дальновидные правители различных народов Кавказа добровольно присоединялись к России. Это избавляло их от смертельной опасности, исходившей со стороны Турции и Ирана. Такую политику проводил в конце своей жизни и абхазский владетельный князь Келеш Чачба, убитый агентом турецкого султана Асланом Чачба — старшим сыном Келеша (1808).

Царское правительство проводило на Кавказе типичную колониаторскую политику. Однако лучшие люди России сделали очень много для сближения культур России и Кавказа. Именно в тот период многие народы Кавказа впервые получили свою письменность, основателем которой был такой выдающийся ученый, как Услар.

Печатается по кн.: «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. 1, М., 1959, с. 364.

В Абхазии, как и в других горских княжествах, русский царизм открыто шел на сговор с местными князьями и дворянами и во всех случаях опирался на них. Но некоторые земельные реформы, являвшиеся следствием общероссийской реформы 1861 года, вызвали недовольство большинства абхазских князей и дворян. В связи с этим во второй половине прошлого века туркофильские настроения значительно усилились. Все это привело к массовым выселениям горцев в Турцию. Они поддались прямому наущению местных князей и дворян. Выселение происходило подчас насильно, при попустительстве царских властей, желавших избавиться от «беспокойного» населения. Последнее выселение произошло во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Пришлось покинуть родное село и семье Урыса Гулна — моего отца.

Некий дворянин Маан привел к нам во двор турецких аскеров — солдат. «Эти не желают выселяться», — сказал он. Аскеры сожгли наш дом, а семью погнали к морю, где стоял на рейде турецкий пароход. Мне тогда было года четыре. Я нес в руке игрушечную фелюгу и держался за руку моей бабушки Фындык. Это событие с полной достоверностью описано мною в поэме «Мой очаг».

Словом, мы очутились на турецком берегу в ужасающем положении — без жилья, без еды. Абхазцы, которые прибыли в Турцию раньше нас и кое-как устроились, приютили махаджиров — переселенцев. Помогали нам и турецкие рыбаки.

Чтобы быть поближе к Абхазии, мой отец решил переехать в Батум. Там умерли мои младшие брат и сестра. С каждым днем мы все больше тосковали по родным местам. Многие из махаджиров тайно возвращались в Абхазию. И отец тоже решил вернуться.

И снова помогли простые турецкие рыбаки. Они по бурному морю переправили нас в Абхазию. Когда мы подплывали к берегам Абхазии, пограничная стража открыла огонь, и мы едва спаслись. Дождавшись ночи — холодные и голодные — мы пристали к берегу недалеко от реки Ингура и распрощались с рыбаками.

Отцу не разрешили поселиться на прежнем месте, и он выбрал участок на левом берегу Кодора, прямо против старого дома.

Моя мать Ребиа, урожденная Барганджиа, была кроткой рассудительной женщиной, много возилась по хозяйству, и ей некогда было заниматься мной, ибо были дети и поменьше (моя сестра Екатерина и брат Иван). Воспитывала меня бабушка, которая жила с нами же. Это была крепкого здоровья, исключительно волевая женщина. Голос у нее был звонкий и властный. Но я ее не боялся. Куда она — туда и я. (Ей было более ста лет.)

Отец мой целиком доверил хозяйство жене и своим братьям. Это был речистый и остроумный человек. Очень часто его приглашали на третейские суды и всякие сходы, где он любил и умел держать речи. По тем временам и абхазским понятиям он был общественным деятелем.

Но где бы он ни бывал, по возвращении домой на досуге собирал свою семью, сажал меня рядом с собою и обстоятельно рассказывал обо всем случившемся. Говорил он долго, ярко рисовал все подробности, смешил нас прибаутками и шутками. При этом он почему-то всегда обращался ко мне.

«Слушай и не забывай», — говорил отец.

Пришла пора идти в школу. Тогда мне минуло восемь лет (родился я в 1874 году 21 февраля по новому стилю). После долгих пересудов отдали в учение местному священнику. Он меня выучил письму и чтению. Года через три отец настоял на том, чтобы я поступил в Сухумскую горскую школу, специально открытую для абхазских детей в 1863 году.

Три года подряд отец возил меня в Сухум. Смотритель школы находил всевозможные предлоги, и меня не принимали. Эти мытарства я описал в очерке «Три школы». Наконец я поступил в школу, которую и кончил (два класса и три подготовительных отделения).

Учась в Горской школе, я близко познакомился с новым смотрителем Давидом Мачавариани. Это был образованный, большой души человек. Между прочим, он и преподаватель Давид Аджамов записывали с моих слов абхазские сказки и сказки эти печатали в «Материалах по описанию местностей и племен Кавказа».

Я был небольшого роста, хорошего, я бы даже сказал — цветущего, здоровья. Знавшие меня старики говорили, что был я необычайно подвижен и энергичен. Действительно, играя в «аймцакячара» — особая абхазская игра, разрешающая бить мяч ногой и брать его руками, — я неизменно приносил победу своей команде. Очень легко перепрыгивал через каменную ограду, высотой почти в сажень. Приятно вспомнить об этом сейчас, когда мне трудно преодолеть препятствие даже в двадцать сантиметров. . .

Мне советовали продолжать учение. Но куда ехать? Было решено послать меня в Гори, в Закавказскую учительскую семинарию. Перед отъездом в семинарию смотритель снизил мне отметку по пению: вместо «пятерки» поставил «четыре». Я огорчился тому, что я не круглый «пятерочник». А оказалось, что смотритель поступил как опытный психолог.

Присхав в семинарию, я застал там множество подростков, среди которых встречались и усатые. В первый день отсеялась половина — по состоянию здоровья. Далее следовал экзамен по пению. Я отличался в церковном хоре, и это испытание не очень-то пугало меня.

Когда я пропел «до-ре-ми-фа-соль-ля-си» и «си-ля-соль» и так далее, — председатель комиссии, какой-то усатый дядя с орденами, покачал головой...

«Спой „Отче наш“», — сказал он.

Выслушав «Отче наш», он опять покачал головой, косясь на мои отметки.

Потом он проговорил, обращаясь к остальным членам комиссии:

«Странная эта четверка. Гулия достоин пяти с плюсом. Смотритель школы, как видно, слишком взыскательный. Думаю, что и по остальным предметам этот юноша преуспевает не хуже, чем по пению».

Начало было ободряющим. Я действительно преуспел и по остальным предметам, и меня приняли в семинарию. Здесь я проучился четыре месяца, заболел тифом, и меня отчислили, как было сказано в приказе, ввиду того, что «местный климат явно не подходит для слушателя Дмитрия Гулия». Моя школьная учеба закончилась. Мои учителями стали книги и жизнь.

Вскоре после этого умерла моя мать. «Испанка» унесла бабушку и отца. Я их похоронил на левом берегу Кодора под большим деревом и стал главой семейства: мне предстояло воспитать сестру и брата.

Вернувшись в Сухум, я встретил сочувственное отношение к моей беде со стороны преподавателей Горской школы и ее смотрителя, с которым, несмотря на большую разницу в возрасте, мы подружились.

Давид Мачавариани подал мне мысль составить абхазскую азбуку. Это было в 1890 году. Со своей стороны он обещал помочь методическими советами (абхазского языка он не знал). Но прежде чем садиться за составление азбуки, надо было решить вопрос с алфавитом, ибо усларовский и бартоломеевский алфавиты были практически неприемлемы.

Азбуку мы закончили в 1891 году, а через год она вышла в свет. Вот с этой поры абхазцы и начали читать книги на родном языке.

После выхода азбуки я работал то преподавателем в сельских школах, то переводчиком в Сухуме и Очамчирах. Сочинял разные стишки, которые не имели никакого общественного значения. Они безвозвратно погибли, и я не жалею об этом.

Надо сказать, что писал я тогда, в общем, мало. Зато принимал участие в общественной жизни, путешествовал по стране, изучал быт и язык.

В то время я разъезжал на коне, одевался в черкеску и был вооружен, что называется, до зубов — кинжал, шашка, револьвер и большое число зарядов, рассованных по карманам.

Я не придерживался какой-нибудь определенной политической программы, но всем существом своим ненавидел князей и дворян, буквально грабивших народ.

Первое десятилетие нашего века я посвятил переводам главным образом церковных книг. Как член переводческой комиссии, немало труда вложил в евангелие на абхазском языке. Стараясь по возможности быть точными, мы привлекли к своей работе тексты: греческие, древнеславянские, русские, грузинские. Мне кажется, что, с точки зрения языка и точности текста, перевод удался. Этот огромный труд, разумеется, не очень-то заметил абхазский народ, равнодушный к христианству, — впрочем, так же, как и к магометанству.

Моя настоящая литературная деятельность началась со второй половины первого десятилетия нашего века, когда я написал несколько стихотворений, получивших большой резонанс в народе. К ним я причисляю, в первую очередь, стихи «Какое милое создание» и «Ходжан Большой». (Стихотворение «Ходжан Большой» вызвало подозрение властей, началось тайное следствие, которое, к счастью, окончилось для меня хорошо.) В 1912 году в Тифлисе вышел первый сборник стихов на абхазском языке, а в 1913-м — второй.

Первая мировая война застала меня в Сухуме. Политическая жизнь Российской империи год от году все больше накалялась. Жить становилось все труднее. Я работал в нескольких школах, проверял до двухсот тетрадей за вечер и только после этого мог заниматься литературой и историей (я собирал материалы для будущей «Истории Абхази»).

Я искал вокруг моральной поддержки и с трудом находил ее. Книги издавал на собственные деньги, к которым прибавлялись небольшие суммы, отпускаемые «Обществом распространения грамоты среди абхазцев». Книги раздавал бесплатно своим знакомым и гостям. Со стороны властей я встречал каменное равнодушие или сугубую подозрительность.

В тот период я познакомился с академиком Н. Я. Марром. Он интересовался абхазским языком, и на этой почве, я бы сказал, мы с ним сдружились. Одно время в разговорах со мной он в известной мере разделял идею африканского (египетского) происхождения

абхазцев. Затем увлекся языковыми связями абхазцев с испанскими басками. Спустя некоторое время развивал предположение относительно скифского (северного) происхождения абхазцев. Это был увлекающийся, горячий, глубоко и разносторонне образованный человек. Предложенный им алфавит, принятый во многих республиках Кавказа, мной был категорически отвергнут. Это резко охладило наши взаимоотношения. Абхазское правительство ввело алфавит Марра. Однако жизнь показала, что в этом споре Марр был неправ — его алфавит просуществовал всего несколько лет и исчез . .

Должен отметить, что довольно частая смена алфавитов в 30-х годах нанесла огромный ущерб абхазской культуре. Теперь этот вопрос решен окончательно. Мы вернулись к старому алфавиту на русской основе, имеющему большую традицию. Это произошло в 1954 году. . .

Октябрьскую революцию я встретил доброжелательно, хотя, пожалуй, не очень точно представлял себе ее цели. Мне очень нравилось правильное разрешение земельной проблемы, нравился удар по помещикам и ленинское решение национального вопроса — жгучего вопроса всех времен. В то время я написал несколько стихотворений, проникнутых верой в будущее (например, «Вперед»).

В 1918 году мне довелось побывать на Кубани, где пылала гражданская война. В качестве одного из представителей абхазского народа я просил хлеба для населения. В Абхазию было отгружено несколько вагонов, но сам я не скоро выбрался оттуда. С большим трудом при содействии кубанских большевиков я прибыл в Сухум, где встретил в чрезвычайно тяжелом положении детей и жену (был голод).

В Абхазии вплоть до 4 марта 1921 года господствовали меньшевики. В газете «Апсны» — первой абхазской газете, редактором которой я состоял, — было напечатано немало статей и заметок, в которых так или иначе критиковалась политика меньшевиков в школьном вопросе. В 1918 году я написал рассказ «Под чужим небом», в котором описывалась несчастная судьба абхазского крестьянина. По-прежнему продолжая преподавать в нескольких школах, я по ночам писал «Историю Абхазии» и стихи.

В 1921 году, уже при Советской власти, была организована первая абхазская театральная труппа, для которой я срочно перевел с русского и грузинского несколько водевилей и маленькую пьесу «Да здравствует свобода!». В работе мне помогала моя жена. К слову хотелось бы заметить, как важно для писателя иметь хорошую жену-друга. Я бы не написал и сотой доли, если бы не Елена Андреевна — женщина, готовая на самопожертвование, когда дело

касается литературы, искусства. Гастроли труппы в абхазских селах превратились в замечательный праздник.

Одним из первых абхазских литераторов был Самсон Чанба. О нем мне доводилось писать еще в газете «Апсны». Вслед за ним появился наш талантливый поэт Иуа Когониа и целый ряд молодых. При Сухумской учительской семинарии работал литературный кружок.

В советское время развитие литературы пошло бурно, и в настоящее время Союз писателей Абхазии насчитывает до сорока членов, среди которых такие поэты, как Баграт Шинкуба, Алексей Ласурна, Иван Тарба, Кишал Чачхална, А. и Ч. Джонуа, Кумф Ломиа и другие. Неплохой «урожай»! И я рад, что я уже не один на литературном поле. Я доволен также, что мне удалось привить любовь к литературе моему сыну Георгию и дочери Татьяне, избравшим литературную деятельность. . .

Вернемся, однако, к 20-м годам.

В 1924 году я выехал с семьей в Тифлис, где преподавал абхазский язык в университете.

В 1925 году я издал первый том «Истории Абхазии», в которой доказывается египетское происхождение абхазцев. На этой теории я не настаиваю теперь, но уверен, что в книге немало полезных материалов по истории и этнографии Абхазии.

В 1926 году я возвращаюсь в Абхазию, где мне поручается работа по внедрению абхазского языка в местные учреждения (наравне с русским и грузинским). В 1929 году я возглавил абхазскую Академию языка и литературы. Академия, в частности, организовала запись абхазских песен и издание их в Москве. Главная и замечательная заслуга в этом деле принадлежит композитору Константину Ковачу. Плодотворным было участие в музыкальных экспедициях Кондратия Дзидзариа.

В 30-х годах расцветает абхазский театр. Вокруг него появляются драматурги. Растет численно и качественно абхазская интеллигенция. Я перехожу на работу в Научно-исследовательский институт абхазского языка, истории и литературы, где состою и по сей день.

Огромным испытанием для нашей страны была Отечественная война. Я потерял своего сына, Владимира, инженера, чьи способности возбуждали в его друзьях много надежд. Я не мог сражаться с автоматом в руках, но делал свое маленькое дело на литературном посту.

Абхазская литература потеряла талантливого поэта Леварсу Квициниа, погибшего в Белоруссии. Поэт Киазим Агумаа сражался в Брянских лесах и умер от полученных травм после войны. . .

... Я прожил немало лет. Когда пишутся эти строки, мне исполнилось восемьдесят четыре с половиной года (без одного месяца).

В 1955 году я был принят в ряды Коммунистической партии.

За время литературной деятельности у меня были памятные встречи с А. Толстым, А. Фадеевым, А. Исаакианом, В. Шишковым, М. Рыльским, М. Бажаном, П. Тычиной, М. Джавахишвили, Г. Табидзе, Н. Тихоновым, К. Фединым и многими другими. Естественно возникает вопрос: доволен ли я пройденным путем? Достаточно ли я сделал для народа?

Без всякой рисовки могу сказать: работой своей я доволен, поскольку все, что делал, делал искренне. Но мог бы сделать больше, если бы я всегда точно понимал, что важнее и что не требует отлагательств. Я распылял свою энергию, занимаясь то поэзией, то наукой. Может, было бы лучше, если бы целиком посвятил себя только литературе? Может быть. Когда человек что-либо начинает первым, он неизбежно растрчивает больше энергии, и его деятельность неизбежно приобретает разносторонний характер. Это и хорошо и плохо.

Мешало мне порой и еще одно обстоятельство. Когда мне слишком «левые» абхазские товарищи рисовали картину «мирской революции», в которой Абхазия всего-навсего малозначащая капля, у меня — не скрою — невольно выпадало перо из рук. Стоит ли трудиться ради капли, которая все равно испарится? Но жизнь показала, что стоит, что можно и должно работать во имя даже капли. Если хорошо потрудиться — она не испарится. Она устоит. Тем более если тебе помогают более многочисленные народы.

Далее. Маленький народ может иметь большую литературу. Я в этом твердо убежден. Пример шестидесятитысячной Исландии говорит о многом. Учитывая, что в конце концов духовные ценности, созданные тем или иным народом, определяют их место и роль в истории, я призываю своих коллег, особенно представителей небольших народов, сделать все возможное для создания большого искусства, большой литературы. Тут я должен особо оговорить роль формы произведений, писательского мастерства, которые все еще находятся на невысоком уровне. Когда я читаю произведения некоторых современных писателей, мне кажется, что я нахожусь в XIX веке. Это очень плохо. Отпечаток нашего времени, времени искусственных спутников Земли и атомной энергии, должен чувствоваться и в литературе, а не только в технике.

Абхазский народ перенес в прошлом много невзгод. В VIII—IX веках нашей эры он создал сильное царство, влиявшее на дела всего Кавказа. Позже, в средние века, Абхазия стала маленьким

княжеством. В годы турецкого владычества абхазцы стояли на грани полного уничтожения. Переселения в прошлом веке обескровили страну. Советская власть буквально оживила нас. Теперь есть все возможности для развития хозяйства и культуры. Этими широкими возможностями надо воспользоваться полностью.

Я пишу очень коротко. Всего не скажешь в небольшой статье. Думаю, что в моих стихах и прозе можно найти все то, что отсутствует здесь. В конце концов литератор — это его творчество. Каждый, кто заинтересуется моей скромной личностью, я отсылаю к моим произведениям.

Июнь 1958
Агудзгра

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Всю жизнь свою в труде,
как горная вода,
он знать не знает, где
плоды его труда.
Ему бы отдохнуть,
но, тратя столько сил,
он не окончил путь
и рук не опустил.
Он верен навсегда
призванию своему.
Пасть духом — никогда
нет времени ему.

1906

2. «МИЛОЕ» СОЗДАНИЕ

На гулянье он верхом выезжает в полном блеске,
Гордо выпятивши грудь в ладно скроенной черкеске.
Глаз чужих небрежный взгляд причинит ему страданье.
Он ведь жаждет услышать: «Что за милое создание!»

Прикрывает грубый нрав он искусством краснобая.
Ловко льстит и складно лжет, стройный стан в дугу
сгибаая.

Собеседника в душе он готов осыпать бранью.
Как не подивиться тут лицемерному созданию?

Он танцует и поет и бренчит на ачамгуре.
На других свалить вину он умеет, брови хмуря,
И с достоинством большим слово молвить в назиданье. . .
Право, что ни говори, это — лживое созданье!

Научиться ничему не дает ему зазнайство.
Уважает он разбой, презирая труд, хозяйство.
Попросить стыдится он, краже сыщет оправданье.
И твердят со всех сторон: «Что за скверное созданье!»

Добротою не богат, не отмечен благородством,
Он вдову ограбить рад, поглумиться над сиротством.
Слезы тронут ли его? Нипочем ему рыданье!
Это — злое существо, бессердечное созданье.

Сам — тупица, ничьему не внимает наставленью.
Прославляет он разбой и своей гордится ленью.
Путает добро и зло голова его баранья.
Никогда я не встречал столь бесстыдного созданья!

Вещь у друга украдет, не гнушаясь темным дельцем,
Да ему же и продаст, потешаясь над владельцем.
Погостив в его дому, сделал подлость на прощанье.
Трудно сразу распознать это низкое созданье.

Как он ласков натошак! До чего надменен сытый!
Перед нужными людьми он юлит, как пес побитый.
У него в глазах мольба, восхищенье, ожиданье.
Вон из кожи лезет он — двоедушное созданье!

За глаза друзей чернит, без стыда о них судача,
И ласкается к тому, у кого в дому удача.
От несчастных прочь бежит. Разве есть в нем
состраданье?
Всех обманет и предаст вероломное созданье.

Воедино в нем слились плутовство и зубоскальство.
Если б знал он, до чего всем претит его бахвальство!
Облик истинный его вызывает восклицанье:
«Лучше б не жило совсем это подлое созданье!»

1907

3. МОСКВА

Славлю стены твои и мосты,
и скрещенья дорог на заставах.
Богатырскою поступью ты
шла из глуби времен величавых.

Исполинские башни Кремля,
словно вечные сторожевые,
смотрят в небо, надежно храня
всемирную славу России.

Я услышу — на времени зов
отзовется Царь-колокол звоном. . .
Ты, Москва, словно мать городов!
Я пришел к тебе с низким поклоном,

чтоб огромного неба заря
алым краем меня осеняла
у Данилова монастыря,
где одна затаилась могила. . .

Средь крестов, усыпальниц и плит,
среди божественного захолустья
здесь на мраморе надпись горит:
«Горьким словом моим посмеюся».

Свесив гордые кудри, стоит
монумент у Москвы на ладони.
«Слух о нем» по России летит,
а Москва его славу хранит,
пред которой склоняюсь в поклоне.

1907

4. ГУЛЯКА

Он, верьте, не пропустит поминок или свадьбы.
Ему лишь бить в ладоши да песни распевать бы!
Всю землю обойдите от края и до края —
Отыщете едва ли подобного лентяя.

Друзья, кому, скажите, такая жизнь к лицу?
Конечно, тунеядцу, бездельнику, глупцу.

Поет «Азár», «Амёрту», в ладоши бьет и пляшет.
Взгляните, как он лихо платком на скачках машет,
Покуда, зазевавшись, не рухнет под копыта. . .
И снова — ногу в стремя, хоть в кровь рука разбита.

Друзья, кому, скажите, такая жизнь к лицу?
Отпетому гуляке, живому мертвецу!

По глупости считает он труд за униженье,
Снискать бездельем хочет почет и уваженье.
Враги над ним глумятся злорадно и жестоко,
Друзьям его досадно глядеть на лежебоку.

Друзья, кому, скажите, такая жизнь к лицу?
Конечно, дармоеду, ленивцу, гордецу.

Достоинство утратив, слоняется без толку. . .
Черкеску истрепал он, коню набил он холку.
Назойливый, развязный, хвастливый по натуре,
До седины дожил он, бесстыдно балагурия.

На это умудрится не всякий молодец,
А только забулдыга, пропившийся вконец!

1969

5. ЛОМА И БУСКА

Сроднились навеки с арбою абхазской
Покорные буйволы Буска и Лома.
Двух старых животных ни кормом, ни лаской
Совсем не балуют хозяева дома.
Могучие буйволы силой и статью
Как будто сродни благородному туру,
Но жалкий удел их — побои, проклятья,
Ярмо растирает им до крови шкуру.
С тяжелой поклажей дорогою пыльной
Плетутся, полдневным измучены жаром.

Невзгоды, и время, и труд непосильный
Рога источили двум буйволам старым.
Поверьте, несладко приходится Буске.
Не лучше живется и бедному Ломе:
То бранью хозяин осыплет на спуске,
То вытянет злобно кнутом на подъеме.
Два буйвола — зиму и лето в упряжке.
С годами еще безответней, покорней,
Безропотней груз волокут они тяжкий.
Награда на старости лет — живодерня.
Того и гляди, по ткварчельской дороге
К Багыру несчастных животных погонят.
Откуда им ждать облегченья, подмоги?
Кого их страданье безмолвное тронет?
Эй, Буска и Лома, с тропинки горячей
Сверните, в прохладную тину залезьте!
Как быть? Потолкуйте с приятелем Бачей
И горе свое обсудите с ним вместе.
Дивится народ вашей силе огромной,
Зачем же терпеть вам удел подъяремный?

1909

6. ЗМЕЯ, ЛАСТОЧКА И ЖУК

(Легенда)

Змея иной была когда-то.
На четырех ногах она
Паслась в лугах, как скот рогатый,
Травой питаюсь дотемна.

Зато полакомиться ночью
Мясцом она тайком могла, —
Ведь и тогда коварней прочих
Змея лукавая была!

Когда же плод познания с древа,
По просьбе Сатаны, сорвать
Она уговорила Еву,
Господь изволил приказать,

Чтобы отныне извивалась
Она без ног в пыли дорог
И чем-нибудь одним питалась
Во весь ей отведенный срок.

Но чем? А может, кем?! — об этом
Не знала ангельская рать.
К Змее решили за ответом
Жука и Ласточку послать.

Змее нетрудно догадаться,
За что она осуждена! . .
«Я человечиною питаться
Хочу!» — воскликнула она.

Весь путь обратный обсуждали
Жук с Ласточкой Змеи ответ.
Они о людях горевали,
Которых ждало столько бед.

И Ласточка была бы рада
Солгать, чтобы людей спасти,
Но Жук твердил: «Я против! . . Надо
Всю правду богу донести!»

Тогда к нему без промедленья
Рванулась Ласточка и вмиг
Одним стремительным движеньем
«Правдивый» вырвала язык.

И, к ангелам влетев в светелку,
Им доложила, что Змея
Отныне ест лягушек только.
А Жук жужжал: «Не верьте! . . Я. . .»

Но ангелы не понимали,
О чем жужжит, волнуясь, он,
И в путь обратный их послали
Сказать, что утвержден закон.

Жука увидев, вмиг смекнула
Змея, что Ласточка ее

Перехитрила, обманула . . .
И, бешенство вложив свое

В прыжок, она стрелой метнулась
За Ласточкою вверх, но та
От смерти ловко увернулась,
Лишь перья потеряв хвоста.

С тех пор, своей лишившись прыти,
Змея должна лягушек есть,
И Жук, что на людей в обиде,
К ним любит в волосы залезть.

Среди людских жилищ летая,
Вьет ласточка свое жилье,
И человек, змею встречая,
Тяжелой палкой бьет ее.

1910

7

Счастлив тот, кто может всё сказать,
что за годы на душе скопилось,
кто умеет в жизни увязать
мудрость, осуждение и милость.

Кто за правду ратует всегда,
невзирая на чины и званья,
чья к несправедливости вражда
так достойна доброго признанья.

Счастлив почитаемый людьми,
приобретший добрую известность
не за силу, а за свет любви,
за отвагу и за человечность.

Счастлив тот, кто молодости дар
не растратил кое-как впустую,
кто в других будил чудесный жар,
говоря: я истину взыскую!

Кто достойным в молодости был,
но еще достойней стал под старость,
кто не только близких возлюбил —
но любовь для мира в ком осталась.

Счастлив чтивший и отца и мать,
к мудрецам ходивший за советом,
истину умевший указать
всем заблудшим, кто нуждался в этом!

1910

8

Никто из нас в судьбе земной,
и даже тот, кто жизнь итожит,
сказать: «Да, все довольны мной», —
увы, никто сказать не может.

Один самодовольством сыт,
но презираем, как Иуда,
другой забыл и честь и стыд —
и это по душе кому-то.

Кого-то избежать хотят
за то, что скажет, как отрубит.
Другие на него глядят
и эту прямоту в нем любят.

Иной, чтоб рассмешить народ,
старается не без успеха,
но кто-то плюнет и пройдет,
кому сегодня не до смеха.

Всё, что так горько для одних,
то для кого-то слаще дыни,
а то, что сладко для иных,
то для других горчей полыни.

Кто плачет из-за пустяков,
тот от намека рассмеется. . .

Твой близкий от случайных слов
вдруг, огорчась, в себе замкнется.

Никто из нас в судьбе земной,
и даже тот, кто жизнь итожит,
сказать: «Да, все довольны мной», —
увы, никто сказать не может.

1910

9. ЧЕЛОВЕК

Будь ты юноша или старик,
ты, читающий этот стих,
я прошу тебя об одном:
если ты наделен умом
иль богатством — помни вовек:
кто б ты ни был: ты — человек.

Будь хоть князем, даже — царем,
не замкнись в величье своем,
чтут тебя — пекись обо всех. . .
Кто б ты ни был: ты — человек.

Коль судьба обманет тебя
или, скажем, вдруг разлюбя,
кто-то близкий тебя отверг —
твердо помни: ты — человек.

К людям зла в душе не храни,
духом робкого — не оттолкни,
пусть смелей глядит из-под век —
помни, что и он — человек!

1910

10. ВИНО ОБНАЖАЕТ ПОРОКИ

Кто соблазняется вином —
становится на миг счастливым,
но забывает об ином:
хмель делает язык болтливым.

Кто много говорит и пьет,
тот много путает в беседе.
А тот, кто лишнее несет, —
того глупцом зовут соседи.

1910

11. ХОДЖАН БОЛЬШОЙ

Мне нравится Ходжан Большой:
Хозяйство, дом, чулан большой,
Битком набит карман большой,
Сам спесью обуян большой.

Овец в отарах — ввек не счесть.
Зерна в амбарах — век не съесть.
Ходжан в безделье видит честь,
Оно не может надоесть.

У каждого еду и кров
Ходжан Большой отнять готов.
Он разорил сирот и вдов
И обездолил бедняков.

Друг с другом стравливать крестьян
Умеет наш Большой Ходжан.
Великий спорщик и смутьян,
Он сеет ложь, вражду, обман.

Ходжана распри веселят.
Ходжан кровопролитью рад.
Он погребальный чтит обряд —
Поминки пир ему сулят.

Семь сыновей Ходжан Большой
Взрастил, и все черны душой.
В отца и старший и меньшей.
Их ремесло — грабеж, разбой.

У молодых обычай крут:
Над встречным чинят самосуд.
Перечить им не вздумай — тут
И вовсе голову снесут!

А иные по-иному повествуют иногда:
Абраскил ушел на волю, не разыщешь и следа...
Но, отвыкшего от света, стерегла его беда:
Абраскил ослеп — и в горы удалился навсегда.

1910

13. УМ, ЗНАНЬЕ, СИЛА

Ум — хозяин, знание — гость.
Смысла нету жить им врозь.
Ум — опора, крыша — знание,
Кто разрушит жизни зданье?

Сила без ума — слепа.
Разрушать — ее судьба.
Если нет ума у знанья —
Невозможно созиданье.

1910

14. В СТАРИНУ

Отослал сына князь к дальним родственникам
в дом.
Так и рос у них сын и не виделся с отцом.

Паренек подрастал, он уже мужчиной стал,
Но ни разу отца за все годы не видал.

Началась война. Сын, как лев, понесся в бой.
Он был смел, он был храбр, презирал он смерть
и боль.

Все дивились ему и хвалили молодца,
Только пуля в бою отыскала храбреца.

Принесли его в дом, где он жил и рос досель,
Умирающего, положили на постель

И послали гонца, чтобы ехал старый князь
Посмотреть на сынка в первый и последний раз.

Прискакал старый князь, и, услыша шум в дверях,
Сын проворно вскочил, боевой надел наряд,

Чтоб никто не сказал, что, прослывши молодцом,
Он-де слабость свою проявил перед отцом.

Он набил газыри, сжал оружие в руках,
Прислонился к стене, еле стоя на ногах,

Замер, вытянулся, от страданья сам не свой. . .
Старый князь покачал поседевшей головой.

«Был бы толк из него, да парнишка не жилец», —
Молвил князь и ушел. Лишь тогда, когда отец

Вышел из дому прочь, — взор у юноши угас,
Рухнул он на постель и скончался в тот же час.

Вот какие дела приключались в старину.
А теперь о таких что-то я не вспомяну.

1910

15. ПИСТОЛЕТ ЭШСОУ

Дни, когда случилось это, минули давным-давно.
Но из тысячи преданий я хочу всего одно
Вам напомнить, вам поведать, лад старинный воскрешая.
Все собрать их — то задача слишком для меня большая.

Жизнь была необычайна в те былые времена,
Или, может быть, такую представляется она.
Кто расскажет, что за страсти наших прадедов
сжигали,
Что они нам завещали, что с собой в могилу взяли?

Не напомнишь, не поддержишь те предания-огни —
Канут в Лету, в неизвестность, позабудутся они.
Вот одна из тех историй, что случались в дни былые.
Пусть она, как дальний светоч, освещает остальные.

Много малых сел стояло вдоль теснин Цабал и Дал,
А вокруг на горных склонах труд крестьянский
процветал.

Кукурузу и пшеницу приносили людям нивы,
Только не единым хлебом наши предки были живы.

Крепки телом и душою, молодцы как на подбор,
Не обидел бог смекалкой, руки тверды, глаз остер.
Ни одной, бывало, серне не уйти от пули меткой,
И кружить над ними праздно лунь осмеливался редко.

Испокон веков считался род Маршан у них в князьях,
Под девизом «Будь бесстрашен!» он не знал, что значит
страх,
Лучше всех владел оружием, первым будучи по праву,
Верный слову и отважный, он был честью их и славой.

Вырастил Маршан Дарыква двух погодков-сыновей.
Младший был Маршан Эшсоу, старший Маршан
Баталбей.

Оба смельчаки-красавцы, вечно вместе, вечно рядом,
Но враги. А что печальней, если брат враждует
с братом.

Что ужаснее на свете, чем враги — родная кровь.
Баталбей и Эшсоу перессорила любовь
К дочке Халыбея Чачба и сестре Гиаргуала,
Красота ее обоим в глубину сердец запала.

И никто не смел вмешаться. Знали и Цабал и Дал —
Не гулять тому по свету, кто бы с ними спорить стал
За невесту Есмы Чачба, родственницу Дадиани,
Чьей красе не сыщешь равной и в самом святом писанье.

Пели ей хвалу как первой из красавиц всей Апсны.
Как длинны и пышны косы, как глаза ее черны!
Средь ровесниц ее не было стройней и гибче станом,
И молва о ней бежала до турецкого султана.

Сколько гордого достоинства она в себе несла,
И заслуженная слава ее день за днем росла, —

Украшение рода Чачба и любимица отцова
И причина распри между Баталбеем и Эшсоу.

За любовь ее сражаясь, брату брат не уступал,
Брат, едва завидя брата, ненавистью закипал.
И в ее и в отчем доме лезвие вражды точилось,
И в походе на чужбине, где всё это приключилось.

Наше войско с гор сходило под огнем врага шальным.
Баталбей спускался первым, а Эшсоу шел за ним.
Злая мысль пришла к Эшсоу: «Вот и время, вот и место!
Выстрел в спину Баталбею — и она моя невеста!»

Взводит пистолет Эшсоу, нажимает на курок,
Кремни шелкают, но порох, видно, от росы подмок.
Раз — осечка, два — осечка! Сзади шум слыша, поднял
Баталбей глаза на брата с пистолетом — и всё понял.

Понял Баталбей, но слова не промолвил Баталбей.
Он простил, а это редко кто сумеет из людей.
Нужно мужество и твердость крепче старого булата,
Нужно, в спор вступая с братом, всё равно любить
в нем брата.

Поздно вечером отряд остановился на привал.
Старший брат на берег речки младшего к себе позвал.
Подошел к нему Эшсоу и уткнулся взглядом в воду.
«Дай сюда твое оружие!» Пистолет Эшсоу отдал.

«А вот был бы то не я, а кто другой? И что тогда?
Весь наш род стыдом-позором ты покрыл бы навсегда, —
Баталбей промолвил брату и швырнул оружие в речку. —
На, возьми вот мой. Уж он-то никогда не даст осечки.»

И тогда Маршан Эшсоу отступился от княжны.
А для этого не меньшие достоинства нужны.
Баталбею Есмы Чачба стала верною подругой,
И в народе говорили: «Бог создал их друг для друга».

1910

День своего рожденья люди чтят —
 Душой стремятся ввысь, премного веселясь,
 Бескрылые, как будто бы летят
 И, даже без гитар, идти готовы в пляс.
 Как свечки светятся — попробуй их задуть!
 Дню радуются? Нет! Ведь дни всегда одни.
 И радуют людей совсем не дни,
 Но счастье этих дней. Ведь в этом суть!
 Оно, светлейшее, пришло на вас смотреть.
 Танцуйте же, друзья! Ваш долг — плясать и петь.
 И мне рожденья день вновь встретить удалось,
 День понедельничный... Как будто добр денек!
 Застал меня в трудах. Немало дел нашлось.
 Того он и хотел. Иного ждать не мог.
 Ведь жернова, хотя б в Каабу их возьмешь,
 Зерно дробят. Вот точно так и я —
 Я множу труд на труд всегда, день ото дня,
 По правде говоря, лишь этого и ждешь!
 Не пожалел бы сжечь я, точно сор,
 Дни, не принесшие мне радости большой.
 Сонм несвершенных дел всегда мой видит взор,
 За недоделанное я скорблю душой.
 Хоть горе не убьет, но всё ж держусь с трудом.
 А день сегодняшней, он хмурится, ворчит,
 Стремится припугнуть каким-то новым днем, —
 Мол, этот день еще сильнее огорчит:
 «С грядущим не спеши! Ведь в будущие дни
 Тот Некто явится, хватающий людей, —
 Назад не возвращаются они!»
 Спасибо, день! Я понимаю, день!
 Грядущее страшит? Ты так сказал о нем?
 Предупреждаешь? Что же, поучай!
 Но всё же и тебя спрошу я кой о чем,
 И — заклинаю — честно отвечай:
 Ты, день сегодняшней, что для меня принес?
 От дней минувших что я получил?
 Пусть бы тебе совсем прийти не удалось,
 Пусть ливень бы тебя в пути остановил!
 Все беспокожны вы, все тяжки для меня,
 И день не хочется мне отличить от дня.

Вновь будет тяжело! Но ведь конец придет!
Грядущего я вовсе не боюсь.
Что видел я от вас? Лишь множество забот!
Но, как всегда, пишу, но, как всегда, тружусь!

21 февраля 1911

17

Знатье, не пошедшее в дела,
Нива, что зерна не принесла, —
Не одно ль и то же?

Сытый да ленивый меринок
И сноха, копящая жирок, —
До чего похожи.

Слишком вольной дочери отец,
Одиночка — в поле не боец —
До чего похожи.

Всадник на строптивом скакуне,
Муж при изменяющей жене —
До чего похожи.

1912

18. ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Подражание Кольцову

Рдела, светая,
Тишь зарева.
Туча густая
Мглилась, взлетая.

Взмыла над нами
С гулом, с ветрами.
Встало вратами
Радуги пламя.

Молнией ало
Даль засверкала...
Ливень примчало,
Загрохотало.

Луг орошающий,
Травы рождающий,
Сад пробуждающий —
Вот он, желанный!

Стадо питающий,
Злак наливающий,
Всё освежающий
Дождь долгожданный!

1912

19. ПЕСЕНКА

Люблю, люблю,
Люблю тебя!
Тобой живу,
Умру любя.

На скакуне, на скакуне
С тобой умчимся мы в ночи.
Ты свечку выстави в окне.
Я за тобой приду. Молчи.

Условный знак я дам тебе.
Условный знак не позабудь.
Хозяйкой будь в моей судьбе,
В моем дому хозяйкой будь...

Но если любишь ты меня,
Зачем бежать ночной порой?
Не лучше ли средь бела дня
Прийти самой?

1912

1

СЫНУ

В старости отца и мать
Одеялом, мой сын, не стыдись укрывать,
Дело матери и дело отца
Не ленись, мой сын, довести до конца.
А смерть к ним придет, мой сын, не забудь
Достойно отправить в последний путь.

2

ДОЧЕРИ

Не стоит отца и мать
Непослушаньем, дочь моя, огорчать,
Не тараторь до вечерних зорь,
Со стариками, моя дочь, не спорь,
Седин стариковских ты не позорь,
Готовь себя, дочка, к жизни большой,
Будь ты телом чиста и чиста душой.

1912

22

Кто удачно женат —
Без богатства богат,
Несомненно богат.
Нечего спешить ему
На пирушку-пир в дому,
Дома праздник бесконечный,
Легкий труд и смех беспечный.
Почему же легок труд?
Потому что в лад живут,
В лад живут — и хорошо!
В лад живут — чего еще?!
Словом, жизнь — сплошная Пасха
Даже в самой бедной пацхе...

Кто на ведьме женат —
Тот познал при жизни ад:
Сон его похож на стон.
Нелюдим и мрачен он,
Словно только с похорон.
Помоги ему, аллах, —
Каторжнику в кандалах!

1912

23. ПЕРЕПИСКА ДЕВУШКИ И ПАРНЯ

1. ДЕВУШКЕ ОТ ПАРНЯ

У абхазов не принято это,
но себя не могу превозмочь:
ты — источник прекрасного света,
ясный день мой и темная ночь!
Брови тонкие, словно два лука,
ты — и месяц и солнце само!
Ты — моя дорогая голубка,
я тебе посылаю письмо.
Ты — папирус, ты — золота слиток,
ты — мой стройный и нежный тростник!
Свет лучащийся глаз твоих милых,
как стрела, в мое сердце проник.
Речь твоя — это речки журчанье,
эти звуки я слышу во сне. . .
Длиннокосая! Ты — обаянье!
Я молю — будь поближе ко мне.
Ты уже обо всем догадалась,
с полуслова меня поняла. . .
Твоих щечек припухшая алость
власть тебе надо мною дала.
Не дай бог, коль признание это
вдруг обидит тебя невзначай.
Трепещу в ожиданье ответа —
так не медли, скорей отвечай!

2. ПАРНЮ ОТ ДЕВУШКИ

Светик мой, ты очень мил,
но напрасно утомил
ты себя письмом прекрасным,
слишком нежным,
слишком страстным.
Что ты мучаешь себя?
Неужели для тебя
никого на целом свете
нет прекраснее меня?
Но я чувствую, что есть
в этом многословье лесть!
Ты, наверно, не впервые
говоришь слова такие.
Сколько девичьих сердец
ты разбил, лукавый льстец?
Девушки так просто верят
тем, кто ловко лицемерит.
Но такая похвала
много хуже, чем хула.
Слишком сладко говорящий —
на сердце обман таящий,
зря старался ты, мой свет, —
вот и весь тебе ответ!

3. ДЕВУШКЕ ОТ ПАРНЯ

Ты меня рассекла пополам,
нет, не саблей — насмешкой жестокой.
Свои чувства доверив словам,
я ошибся в тебе, черноокой!
Человека насмешкой убить
для тебя — это дело простое.
Я к гадалкам не стану ходить:
всё, что мелют гадалки, — пустое! —
что коса шелковиста твоя,
что добры твои нежные руки. . .
Сердце-камень в груди у тебя.
Ты меня обрекаешь на муки.
Ты горда. Непомерно горда.

Значит, нет для меня исцеленья!
Где надежда? Ужель навсегда
ты отвергла мои объяснения?
Посмотри в поднебесную высь,
поучись у нее милосердью.
Пощади мою бедную жизнь!
Я — невольник, опутанный сетью!
Укроти же гордыню свою,
пощади самолюбье мужнины.
Со словами,
что я говорю,
согласись,
не гневись без причины!

4. ПАРНЮ ОТ ДЕВУШКИ

Пусть же все твои болезни
станут болями моими!
Что в твоём письме о лести
мысли не было в помине —
поняла...
Но причинила
невзначай тебе страданье, —
так меня ошеломило
слишком пылкое признание.
Все мои слова случайно
вырвались —
и тут же стало
мне обидно и печально,
что я правды не сказала.
Я запуталась в сомненьях,
от которых ум зависим...
Не усердствуй в откровеньях,
не пиши мне больше писем!
Я сама себе послушна.
Проходи, дружок, стороной.
Но считать меня не нужно
глупой, взбалмошной девчонкой.

5. ДЕВУШКЕ ОТ ПАРНЯ

Я твоим опечален письмом.
Ты во всем разобралась, как надо.
Подсластила начало.
Потом
в твоём сердце возникла досада.
А в конце ты опять,
как в тот раз,
не боясь всемогущего бога,
мне опять объявила отказ —
поступила недобро и строго.
Больше писем тебе не пишу,
коли сердце твоё не сдаётся.
Я отвергнут, и я ухожу.
На тебе этот грех остаётся.
Значит, ты презираешь меня.
Значит, я — небольшая утрата
для тебя...
Будь же счастлива! — Я
ухожу.
Ты во всем виновата.
Так прощай и меня позабудь.
Мы друг друга уже не тревожим...
Я желаю, чтоб счастьем хорошим
был отмечен твой жизненный путь.

6. ПАРНЮ ОТ ДЕВУШКИ

Вот уж целую неделю
ожиданием живу
и собою не владею
ни во сне, ни наяву.
То всю ночь с боку на бок
я кручусь, а сна всё нет...
Может быть, мне было надо
дать тебе другой ответ?
Кажется, что ты ночами
на меня глядишь из тьмы.
А когда засну в печали —
о тебе приснятся сны.

Я схожу с ума, быть может,
ночью ожидаю дня,
день влачится и тревожит
и не радует меня.
Значит, я должна признаться,
что ты дорог мне, поверь!
Но не вздумай отказаться
от меня, дружок, теперь!
Я не вынесу разлуки
и зачакну без тебя.
Я бы все твои недуги
взять хотела на себя.
Порешим, что я отныне
разделю твою судьбу.
Отрекаюсь от гордыни,
от тебя решенья жду.
Не держи в душе обиду
и не вспоминай о ней.
Не показывая виду,
властвуй над судьбой своей.
Буду с этих пор хранима
я возлюбленным, тобой.
Ты — раним, и я — ранима.
Мы обручены судьбой.
Я дарю тебе без спора
все заветные мечты.
Ты один — моя опора,
и мое дыханье — ты.
Не суди за злые речи —
я сужу себя сама.
Вот и всё. До скорой встречи.
Жду ответного письма.

7. ДЕВУШКЕ ОТ ПАРНЯ

Слава богу!
Счет кончен обидам,
что терзали большее огня.
Слава богу,
что взглядом открытым
ты сумела взглянуть на меня.

Ты меня истерзала порядком —
столько слов мою душу прожгло!
Но теперь под приветливым взглядом,
словно льдинка, растаяло зло.
Но теперь ты к добру повернулась,
мне, сгоревшему чуть не дотла,
показала свой лик,
улыбнулась,
и считай, что от смерти спасла.
Я тебе обещаю, плутовке,
что не буду укором корить. . .
Не мешало бы сроки помолвки
нам заранее обговорить.
Чтобы не было тени сомненья,
дай же волю хорошим словам,
чтоб не просто обман утешенья,
а любовь помогала сердцам!
Пусть же время вовек не остудит
наше будущее торжество.
Пусть свидетелем слов моих будет
сам господь и святые его!

8. ПАРНЮ ОТ ДЕВУШКИ

Разве можно так терзать?
Бить лежачего не надо!
Всё, что было, вспоминать —
раздувать огонь разлада.
Я уже в руках твоих —
позабудь твои обиды
и не вспоминай о них,
коль они слезами смыты.
Не пиши обидных слов —
я виною истомилась. . .
Коль помиловать готов —
я тебе сдаюсь на милость.
Слов моей неправоты
ты никак не забываешь. . .
Буду делать всё, что ты,
мой любимый, пожелаешь, —

нынче, завтра и вовек,
и клянусь, что это правда...
А помолвимся в четверг,
ну а если хочешь — завтра!

1913

24. ГОРЫ ЦВЕТУТ...

Горы цветут,
Долины цветут,
Рощи цветут.
Когда же ты расцветешь,
Любимый край?

Разбужены поля,
Разбужены леса,
Разбужены народы.
Когда же проснешься ты,
Любимый край?

Гляди вокруг: разбужены народы.
Они шумят, как в половодье воды.
Так что же медлишь ты,
Любимый край?

1919

25. МОЯ РОДИНА

Милая родина, что ты
смотришь с печалью такой —
иль потеряла кого-то,
кто был любимым тобой?

Или о тех, кто оставил
гнезда свои, ты грустишь?
За морем след их растаял...
Ты не туда ли глядишь?

Или о том загрустила,
что прозябаешь во тьме?
Что тебе, свет мой, не мило? . .
Можешь довериться мне.

1920

26

Если б мог добро я напевом слов
приманить!
Об одном благом для людей готов
я твердить:
Чтоб, сроднясь в труде, мог бы дружный люд
ладно жить,
Чтоб с познанием он мог бы жаркий труд
дружно слить,
Если б зависть мне да незнания зло
удалить,
Чтобы время всем навсегда пришло
не тужить!

1920

27. ВЕСНА

Вслед за красною зарей
Солнце встало над землей
Глянуть на колхозный труд,
При котором все поют.

На луга выводят скот,
Там уже трава что мед.
И цветут деревья — все
Сплошь в сверкающей росе.

1932

28. ОСЕНЬ

Длиннее стали ночи,
Путь солнца всё короче,
Сад желтую листву
Роняет на траву.

Сад смолк и притаился,
Со всей красой протислся.
Плоды он отдал нам,
А всю листву — ветрам.

Амбары загружаем
Богатым урожаем,
Что снял со щедрых нив
Наш дружный коллектив.

1932

29. ГОРОД ГОРИ

Давно я молод был,
Учился здесь и жил.
Гляжу на этот город —
И вновь я сердцем молод.

Смотрю на этот дом —
Ведь я учился в нем.
Дивлюсь ему, как чуду,
И век не позабуду.

1938

30. ДЖАМБУЛ

Одета в иней борода.
Ты прожил многие года,
Но неизменен ты всегда:
Ведь это так, Джамбул!

Твой клик — как голос птиц весной,
У акапкапа клик такой.
Ты стар, но молод голос твой:
То — добрый знак, Джамбул!

Твой стих свободный бьет, как ключ,
Любовью к родине могуч.
Пусть будет он цветущ, кипуч,
Как милый край, Джамбул!

Разя врагов страны своей,
Ты медоносен для друзей:
Весь юный жар любви своей
Им отдавай, Джамбул!

Народа песнь в тебе жива,
Свободна, как народ, нова,
Непобедимые слова
Тебе даны, Джамбул!

Ты гляди да лучше примечай,
Как растим наш общий урожай!

До звезды сегодня каждый встал,
И никто не скажет, что устал.

С пахотой покончено у нас,
Огороды зелены сейчас.

Потрудились мы у табаков,
Ранние очистив, прополов.

На соревнованье выходи, —
Кто в работе будет впереди?

Только, светлый сторож высоты,
Лучше с нами не тягайся ты,

Потому что все мы знаем тут:
Дело славы и геройства — труд!»

Так сказали люди. И тогда
Устыдилась ранняя звезда:

«Нет, тягаться с вами мне невмочь:
Рады вы трудиться день и ночь...»

Я хочу лишь труд ваш озарить,
До восхода солнца вам светить!»

1939

33. ВЕЛИКИЙ ТАРАС

На плодородной родной Украине,
В знойной степи, в прикаспийской пустыне,
Где бы ты ни был — ночью и днем
Думал ты думу всю жизнь об одном.

Перед тетрадью иль перед мольбертом,
В круге друзей, в одиночестве смертном
Или далеким этапом гоним —
Всюду ты жил вдохновеньем одним.

Мучился. Страждал. Глядел непокорно.
Но к светлой цели стремился упорно.
Не угасал в тебе дух огневой,
Как загоревшийся дуб вековой.

Муки свои ты делил с земляками,
Спины согнувшими под батогами,
Об Украине свободной мечтал
И от мечты своей не отступал...

Глянь! Украина твоя, расцветая,
Песни поет — и от края до края
Имя твое народ произносит,
Розы на мрамор надгробья приносит.

Нынче ты — гордость родной Украины.
Время велело, чтоб стали едины
Дело и слово — народ и поэт
В грохоте строек, в шуме побед.

Глянь на страну с берегов Приднепровья —
Имя твое произносят с любовью:
«Нет, ты не умер, великий Тарас!
Ты вместе с нами. Ты среди нас!»

В горной Абхазии вещие строки
Дети читают, как жизни уроки.
Слово твое переводят, любя,
Чествуют и вспоминают тебя!

1939

34. НАШ КАВКАЗ

Ты, покрытый снегами, как символом славы,
Мы гордимся тобою — твои сыновья.
Словно войны в шлемах, вздымаются главы
Белоснежных вершин над чертой бытия.

Ты, вскормивший столь сильных и телом и духом
Абраскила-героя и братьев его.
Передал их могущество детям и внукам
И продолжил в праправнуках их естество.

Сколько всяких врагов на тебя посягали,
Сколько раз закипали в ущельях бои!
Но у врат твоих войны насмерть стояли,
Вражья кровь омывала вершины твои.

А не их ли потомки клянутся отчизне,
Что в тревожные ночи и черные дни,
Состязаясь с прапрадедами в героизме,
Оградят твои снежные горы они.

Так сомкнемся рядами, питомцы Кавказа,
Поклянемся стране, что врага разобьем,
Пусть он чует пришествие смертного часа,
Чтобы в мире развеялась память о нем!

1942

35. ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНЬ О ГЕРОЯХ»

А. НАЗАДЗИА

*Гвардии капитану А. Назадзиа,
отважной дочери абхазского народа,
погибшей при форсировании Дона.*

Великой славы достойно
Имя женщины-воина,
Не пожалевшей жизни
Ради своей отчизны.

Женщина-героиня!
На вражеские твердыни,
Мстя за погибших, в бой
Живые шли за тобой.

Хрупкое сердце женщины
Не дрогнуло в огне войны.
Именем твоим увенчана
Слава нашей Апсны.

1943

36. ПЕСНЯ О ГЕРОЕ ИЗ ГЕРОЕВ

Воин отважный, герой и храбрец,
Верный товарищ, бесстрашный боец,
Сын твой любимый, Абхазия, —
Смелый Владимир Харазиа.

Танки фашистские ночью и днем
В прах обращал беспощадным огнем.
Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин!

Стал для врагов он смертельной чумой...
Только назад не вернется домой
Сын твой любимый, Абхазия, —
Доблестный витязь Харазиа.

В сече с врагами, в дыму и в огне,
Сил не щадя, он погиб на войне,
Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин!

Имя героя запомнит страна,
Песни о доблести сложит она,
И не забудет Абхазия
Светлое имя Харазиа.

1943

37. ВПЕРЕД НА ЗАПАД!

С заката пришел к нам фашистский солдат,
Так пусть и закатится он на закат.
Пусть будет крепка у героев рука.
На Запад! На Запад! Гоните врага!

По дымным степям, обожженным войной,
Несутся бураны морозной стеной.
Но не остановят героев снега.
На Запад! На Запад! Крушите врага!

В лесах — непролазных снегов белизна.
Звонит первозданная в них тишина.
И все-таки месть партизанов — близка.
На Запад! На Запад! Сметайте врага!

Над линией фронта метели гудят.
И низкие тучи над нею висят.
Но рвутся орлы наши сквозь облака.
На Запад! На Запад! Сбивайте врага!

Героев взрастила геройская рать.
И в мире нет силы ее задержать.
Но зверь, что в крови, только ранен пока.
На Запад! На Запад! Добейте врага!

Вперед, дорогие Отчизны сыны.
В берлоге добейте отродье войны.
Покончить с фашизмом пора на века.
На Запад! На Запад! Развейте врага!

1943

38. В УЩЕЛЬЕ

Там, где сырые облака за скалы задевают,
Где слабостей своих орлы минутных не скрывают,
Один старинный друг мой жил,
Почтенный старец древний,
Чью десять лет не посещал я горную деревню.

Шел долго я. С холма на холм. То в гору, то под гору.
Уже поблизости вершин снега открылись взору.
Уже внизу неслись ручьи, шумели водопады.
И было трудному пути и небу сердце радо.

С улыбкой светлою меня друг встретил на пороге.
И усадил на место он почетное с дороги.
Сел рядом. Заструилась речь, легка, подобно чуду.
И я приник к его словам, как страждущий к сосуду.

«Что нового у вас?!» — спросил он, завершив беседу.
Я стал рассказывать ему про близкую победу.
О всех последних новостях. О радостях и горе...
И вдруг увидел у него лукавинку во взоре.

И мне он номер протянул сегодняшней газеты,
Где, между прочим, прочитал я сам про всё про это.
Так через десять гор крутых,
Сквозь тьму ущелий тесных,
Опередил меня, как вихрь,
Бумажный этот вестник!

1944

39. К МОРЮ

Стоял на берегу в глубоком я молчанье.
Спокойно было ты, о море, и бело.
Подобно облаку, шло от тебя дыханье,
Струящее, как пар, молочный пар, тепло.

Мы были вместе. Глаз друг с друга не спускали.
Казалось, веки ты открыло лишь сейчас,
Всю ночь я бодрствовал, и ты всю ночь
не спало, —

Победа эта радовала нас!

Да, мы не спали оба этой ночью...
Как два немых, с тобою мы глядим.
Шевелишься слегка, сказать ты что-то хочешь...
К чему слова, когда восторг в груди?!

На зелень берега роса с небес ложится.
Понятно всё без слов. Уж близится рассвет.
С тобою мы друзья: ты — море без границы,
Я — море радости, границ которой нет!

9 мая 1945

40. ПОБЕДА

Явился мир в наш мир просторный.
Как, долгожданный, светел он! —
Прозрачны воды. Воздух горный
Лесной прохладой напоен.

Войной измученное тело
Теперь-то сможет отдохнуть.
И сердце, что окаменело,
Как прежде согревает грудь.

И руки-труженики снова
К тебе протянуты, земля.
И пахари, еще в суровых
Шинелях, двинулись в поля.

На просветленных лицах блики --
То небо радуется им,
Им, победителям простым
Невиданной войны великой!

1945

41. МИР

Что может быть прекрасней в мире,
Чем без тревоги — в мире жить,
Растить семью в своей квартире
И грамоте детей учить,

Из них готова пашу смену,
Которая отчизну-мать
В труде прославит непременно,
А надо — будет защищать!

1945

42. МУРАВЕЙ

В лесу дремучем ветры зашумели,
Дубы, как старые скамейки, закрипели,
Порою молния крушила лес
И поднимался грохот до небес.
Гнал буйный ветер с шумом листьев ворох,
И застилала пыль, взметенная, просторы,
Она закрыла тучей небосклон,
Склонился я, той силой поражен.

Бурлило море, слившись с небосводом,
Дно обнажили ввысь взметнувшиеся воды,
Как буйвол бешеный, волна ревела там
И в берег билась с пеною у рта,
И пенистые брызги вверх летели, —
И солнце потому, казалось, зашипело.
И, диву давшись, молча, сам не свой,
Склонился я перед стихией той.

И крошка муравей мне на глаза попался.
Он грохота, казалось, не пугался,
И с ношею огромной поперек тропы
Он полз вперед.
Всё время он в труде — никто не замечает.
Упорный труженик — никто его не знает.
Гнездо ж растет. Смущенный я стою.
Дорогу дал, склонившись, муравью.

1945

43. КОРАБЛЬ ПРИШЕЛ

Что за темная ночь: поглядишь — и не видишь ни зги.
Стихли грозные битвы, и сломлены наши враги.
И среди нерушимой, глубокой ночной тишины
Я люблюсь мерцаньем едва различимой волны.

В этот миг возникает и меркнет загадочный свет —
То зажжется во тьме непроглядной, то вновь его нет.
Отраженные морем, трепещут и гаснут огни, —
Нелегко догадаться, откуда возникли они.

После долгих тревог мне доводится только сейчас
Видеть столько знакомых, беспечно светящихся глаз, —
В нашу южную бухту веселый вошел пароход,
Он сняет, избавлен от множества бед и невзгод.

Подымаясь и падая, к берегу мчатся валы;
Озаряя волну, пароход появился из мглы,
Вздуроражил окрестности резким и долгим гудком, —
Этот голос веселый всему побережью знаком.

Он стоит у причала, двоясь и колеблясь в воде,
И сигнальный фонарик подобен высокой звезде.
Как давно я не видел такого свеченья огней!
Я погладил обшивку, прошелся ладонью по ней,

Прикоснулся к холодному борту горячей щекой —
Трепетало могучее сердце громады стальной.
И, не в силах живое волненье свое превозмочь,
Бились наши сердца в унисон в эту летнюю ночь.

44. ГОРЫ И МОРЕ

Покачиваясь в легком челноке,
Закидывая сети на просторе,
Седой рыбак с рассветом вышел в море.
Его мечты парили вдалеке.
К вершинам снежным был прикован взор:
«Нет в мире ничего прекрасней гор!»

Охотник жил высоко в шалаше.
Под облаками громоздились кручи.
Но, видя сверху блеск волн могучей,
Он говорил: «Мне море по душе!»
Морская гладь охотника влекла
Сияньем светло-синего стекла.

А я лелею давнюю мечту:
Найти в короткой песне отраженья
Кавказских гор, и волн морских движенье,
Простор, и глубину, и высоту. . .
Так возникает песня на лету.

1947

45. НА МОРЕ

Дорожка серебряная легла
На темно-зеленое море,
Но волны ее в осколки стекла
Превратили в яростном споре.

Но всё же она опять ожила,
Легла от края до края
И море надвое рассекла,
Живым серебром играя.

Светящийся, зыбкий и гибкий путь
Лежит над равниной плоской;
Взволнованная морская грудь
Украшена узкой полоской.

Волна поднимается в полный рост
И рьяно о берег бьется,
Но этот непрочный и шаткий мост
Разбить ей не удастся.

1947

46—48. ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ ОБ ОКТЯБРЕ»

1

«АВРОРА»

Ни громы, ни молнии так потрясти не могли
И сушу, и воды, и самое сердце земли.
Был выстрел с «Аврары» сильней, чем раскат
громовой.

Он грянул внезапно над городом и над Невой,
Он был для трудящихся голосом правды живой.

И с невских суровых, одетых в гранит берегов
Рванулись балтийцы, штурмуя гнездовье врагов.
Восстание вспыхнуло. Ветер свободы подул
Из грозных, направленных в сторону Зимнего дул.
Страницу событий он яростно перевернул.

Хотя в Петрограде стояла осенняя ночь,
Рабочие знали, что темень отброшена прочь,
Что кончился гнет и настала другая пора.
С винтовочным треском слилось громовое «ура»,
И ранний рассвет озарил изваянье Петра.

Усиленный эхом, звучал орудийный удар;
Блеснув над Невой, он разжег небывалый пожар.
Борьба продолжалась, но в Зимнем потухли огни.
Настали суровые, неповторимые дни.
Бессмертной страницей в историю входят они.

Проникнута мыслью, блистательна и горяча,
Народ поднимала призывная речь Ильича,
И Партии слово дошло до несчетных сердец.
Неволе и гнету пришел долгожданный конец.

1947

ЛЕНИН

Когда Россия, пламенем объята,
Проснулась и в движение пришла,
А те, кто угнетал ее когда-то,
Еще грозили ей из-за угла, —

Как ясный свет, враждебный лжи и мраку,
Раздался голос Ильича.
Народ лавиной двинулся в атаку
И палачей пошел рубить сплеча.

От жизни жалкой, нищей и убогой
Стремясь на веки вечные уйти,
Пошла Россия ленинской дорогой
И не свернула с мудрого пути.

Не потускнели в памяти поныне
Сигнал «Авроры», пламя над рекой,
Ильич на бронированной машине
С протянутой в грядущее рукой.

Прочней, чем вечный камень Мавзолея,
Любовь к нему в любом из нас жива.
Рубиновым созвездием алея,
Над всей вселенной высится Москва.

Лучами светлой правды сквозь потемки
Сияли наши острые штыки,
И не забудут никогда потомки
Простертой к счастью ленинской руки.

1947

БАЛЛАДА О СПАСЕННОМ ПАСТУХЕ

Кто сочтет водовороты Бзыбь-реки,
Что грохочет по ущелью среди гор? ..
Вот взошел пастух на зыбкие мостки
И глядит на воду быстрою в упор.

Вспоминает он, как пламя занялось
Над хибарою, что князем сожжена,
Как последних со двора сводили коз...
Князь безжалостен, и власть его сильна...

«Перед князем я слабее комара.
Может, с жизнью расставаться мне пора...
Камнем в воду — и прощай моя тоска;
Под волнами смерть найду на дне глухом!..»

Но шагает незнакомец по мосткам, —
Он следит на берегу за пастухом.

— Рыбы много ли в реке?
— Как в сотнях рек.
— Деньги, что ли, уронил?
— Давно их нет.
— В чем же дело? —

А пастух в ответ:

— Друг, какой ты любопытный человек!
Может, лучше... — И на воду показал,
Прочертив дугу по воздуху, пастух.
Незнакомец посмотрел ему в глаза —
В них такое, что опасно молвить вслух...
И сказал он очень тихо:

— Дорогой,

Время попусту не стоит тратить нам.
Разве можно горевать над Бзыбь-рекой,
Если мир сегодня треснул пополам!..
С этой вестью городами послан я
К вам сюда, где тропы горные круты:
Власть — Советам,
Мир — народам.

А земля —

А земля таким хозяевам, как ты!.. —
И стоит пастух, со лба стирает пот:
То поймет его слова, то не поймет.

— К светлым дням привел страну рабочий класс!
Всех князей своих к чертям прогнал народ... —

И стоит пастух, с него не сводит глаз:
То поймет его слова, то не поймет.

Сел опять пастух на зыбкие мостки,
Долго смотрит на кипенье Бзыбь-реки. . .
А как встал пастух — совсем другой пастух:
На такого б не хватило прежних двух.
И глядит он, и шагает он не так:
Горы слушают его могучий шаг! . .

Сосчитать у нас с тобой не хватит сил,
Сколько жизней дорогих от смерти спас,
Сколько заново для жизни воскресил
Золотого Октября великий час!

Если мы с тобой и живы и сильны,
Если есть у нас и песни и цветы,
Если веселы и молоды, как ты,
Если внуками, как я, окружены,

То за это всей душой любой из нас
Прославляет Октября великий час.

1952

49. НАША СТАНЦИЯ

В скалах, как жилище птицы,
наша станция таится.
Ветер мечется вокруг,
свищет, словно горный дух.

Мы сходились на открытые
как на пир, как на событие.
У кого рука легка? —
пала честь на старика.

Раньше он колот лучину,
а теперь нажал рукой
кнопку — и залил долину
светом, борющимся с тьмой.

Раньше были ночи долги.
Снег валился. Выли волки.
А теперь турбины в ряд
мерным рокотом гудят.

Люди со времен Сасрыквы
слали господа молитвы,
чтоб при свете и в тепле
жить счастливо на земле.

Как два брата — свет и счастье.
Скройся, мрак, и сгинь, ненастье,
свету вознесем хвалу!

Горы дремлют величаво,
только ночь лишилась права
погружать село во мглу!

1949

50. НАС СЛЫШИТ ЦЕЛЫЙ МИР

Лишь только заблестит рассвета первый луч,
Я слышу голос. Говорит столица.
Родимый голос тот, и ласков и могуч,
Сквозь мглу пространств сюда, ко мне, стремится.

Тот голос мне советы подает,
Вперед и ввысь идти мне помогая.
Столицу вижу я. Она встает
Перед глазами ясно, как живая.

Людей миллионы, где бы ни были они,
Услышат голос тот, знакомый и родимый, —
Повсюду зреет мощь, куда ты ни взгляни,
Везде велик в борьбе народ непобедимый.

В горах, в песках, на берегах морских,
На кромке вечных льдов, в полях, где зреет колос.
Где только люди есть, — звучит везде для них
Москвы родной и мужественный голос.

Нас слышит целый мир! Мир понимает нас!
Простые люди нам везде всем сердцем
внемлют —

Все, кто у горнов трудится сейчас,
И пахарь, обрабатывая землю.

А в час, когда земля в ночной тиши лежит
И сонмы звезд горят над морем и над сушей,
Ты думаешь, что спит Москва? Не спит!
Со всей землею говорит! Послушай!

1949

51. ПЛАМЕННОЕ СЛОВО

У нас нет слова более родного,
И в сказках вы не слышали о нем,
Оно горячее, как пламя, это слово,
Произнесенное большевиком.

Оно как знамя над землей несется,
Закалено в огне великих битв,
В горах высоких эхом отдается,
В степях широких ветром шелестит.

Сквозь гору пробивается тоннелем,
Укладывает новые пути,
Чтобы быстрее человека к цели,
Высокой и сияющей, вести.

В глуби материков и в океане синем
Оно преобразуется в труды,
И голая земля, песчаная пустыня
Послушно одеваются в сады.

Как вестник счастья это слово мчится,
Победных крыл его неукротим полет,
Оно в сердца товарищей стучится
И к светлым подвигам зовет.

Оно ошеломленную природу
Кладет к ногам твоим, о человек!
И крепнет гордость наша год от году.
И мощь труда утверждена навек.

У нас нет слова более родного,
И в сказках вы не слышали о нем,
Оно горячее, как пламя, это слово,
Произнесенное большевиком.

1949

52. ЮНЫМ ДРУЗЬЯМ

Юноша! Перед тобой лежит
Широкий путь, огромный, светлый, ясный,
И счастье каждый день тебе сулит,
Коль ты его не проживешь напрасно.

Но если бесполезно по пути
Хоть день один, хоть час один убудет,
Никто тебе потери не простит,
Никто такой ошибки не забудет.

Мы знаем тех, кто в старости привык,
В прохожих вызывая раздраженье,
Кричать на перекрестках: «Я — старик!
И значит, я достоин уваженья!»

И, жалкие седины теребя,
Как тот старик, ты жалобно заноешь;
Ты, время потеряв, себя
В своем бездействии похоронил давно уж.

И молодой, и старый гражданин,
Живи, трудись в своей стране широкой!
Когда бездействуешь хотя бы день один —
Ты, значит, умер на день раньше срока!

Ты жизнь свою на годы не дели
И, долгий путь делами измеряя,
За счастье вечное своей родной земли
Отдай всю жизнь — вот цель твоя прямая!

1949

53. ПЕСНЯ ПАСТУХА

Я в горах побывал, где играл на свирели пастух,
Эта песня простая мне тешила сердце и слух.

Вот он свой ачарпын осторожно подносит ко рту,
И чудесная песня стремится набрать высоту.

Ветерок пастуху подпевает, листвою шурша.
Как свежо, и прохладно, и тихо в тени шалаша!

В деревянную кружку старик наливает вино.
На свету загораясь, играет и рдеет оно.

Виноградом и сыром старик угощает меня.
Он поет, и в глазах его столько живого огня!

Черноглазый подпасок вблизи разжигает костер,
И мальчишеский взгляд не по-детски пытлив и остер.

Тонкорунные овцы на горном пасутся лугу.
«Для желанного гостя я песню одну берегу, —

Он сказал, улыбаясь, и трубку набил табаком. —
Видишь солнечный край? Он тебе с колыбели знаком.

Весь в плодах и цветах, он похож на сияющий сад.
А давно ли враги выползали из волчьих засад,

Предавая огню наши пастбища и города?
И гудели леса, и окрасилась кровью вода.

Нашим светлым садам не видать бы вовеки весны,
Если б не были волею партии мы сплочены.

Погляди-ка отсюда на наше родное село,
Как оно расцвело. Там и ночью осенней светло.

Издалека по трубам в деревню доходит вода.
Отовсюду нам вести приносят туда провода.

Двухэтажная школа стоит у подножья горы,
И оттуда доносится радостный смех детворы.

Семерых сыновей на своем воспитал я веку.
Сколько радости светлой приносят они старику!

Старший сын — председатель Совета в соседнем селе,
А второй — агроном искушенный в своем ремесле.

Третий сын мой — писатель. Он песни слагает, как ты,
А четвертый парит в небесах, не страшась высоты.

Пятый сын мой — лесничий. Шестой у меня — садовод.
Ароматным его апельсинам дивится народ.

Бороздит неустанно морские просторы седьмой.
Повидаться с отцом приезжает он в горы, домой».

1949

54. ТОВАРИЩУ

Семьдесят пять мне стукнуло, брат,
Время пришло подводить итоги.
Сотни морщин на лице лежат,
Будто пройденные дороги.

Вместе с Абхазией я стоял
У колыбели нового века,
Вместе с Абхазией благословлял
Ленина — мудрого человека. . .

Я видел, как народов семья
К счастью шла за большевиками,
Как выпрямляли мои друзья
Спины, сгорбленные веками.

Я видел, как, накалив металл,
В работе проворней и крепче став,
Рабочий впервые в жизни ковал
Судьбу своего отечества.

Я видел, как, силы свои сплотив,
Чтоб строить общее счастье,
Односельчане шли в коллектив
По зову Советской власти. . .

Видел я и страдания людей,
И сам я хлебнул немало,
Когда под пятою кровавых зверей
Земля, как живая, стонала.

Когда обливалось сердце мое
Невыплаканными слезами. . .
Зато и победу, величье ее
Я видел своими глазами. . .

Семьдесят пять мне стукнуло, брат,
Время пришло подводить итоги.
Сотни морщин на лице лежат,
Будто пройденные дороги.

Повсюду дружеская рука
Меня поддерживает с участием.
И всё же болит душа старика,
И разрывается сердце на части.

И всё же ночами тревожно я
Думаю, как непроста эпоха.
Думаю о далеких краях,
Где еще людям живется плохо. . .

Люди, я верю: настанет час,
Вы найдете дорогу к правде.
Будет Октябрьский рассвет и у вас,
Такой же, как был у нас в Петрограде.

Мы соберемся в кругу одном,
Руки пожмем, как сосед соседу.
Пусть дружба и мир на шаре земном
Отпразднуют над войною победу.

1949

55. РОЖДЕНИЕ ГОРЫ

Трудящиеся Сухуми озеленили
и благоустроили гору в черте
города, сделав ее местом про-
гулок.

В маленькой кофейне — как в жаровне. . .
В маленькой — большие господа:
Князь, купец, барышник и чиновник
Жадной сворой втиснулись сюда.

Деловые кратки разговоры,
И купец, покуда кофе пил,
Кончил сделку ловкую и гору
На корню у города купил.

Он сказал, что мало интереса,
Мало прока людям от горы,
Что гора — она покрыта лесом,
А в лесу, понятно, комары.

Благодетель города родного,
Хоть сейчас избавить он готов
Гору от лесистого покрова,
Город, стало быть, — от комаров.

Умиление сладкое на лицах:
До чего душа его добра! . .
Хмуро в море светлое глядится
Хмурая сухумская гора. . .

Застучал топор на горных склонах,
Долетел деревьев стон глухой.
Нет горы и гордой и зеленой —
Стала голой, темной и сухой.

А вокруг, как прежде, слышно пенье
Комаров в предутренней тиши. . .
А купец по-прежнему в кофейне
Кофе пьет. Считает барыши.

Высятся гора в немой печали...
Синь вверху... Вверху — полет орла.
И гора рыдала бы ночами,
Если бы горою не была.

Но другие наступили даты.
Комсомольцы на гору пришли.
Зазвенели острые лопаты,
Подняли засохший пласт земли.

Ты прими, гора, от нас подарки:
Пальму юга, севера сосну.
Путь в цветах, и праздничный и яркий,
По горе уходит в вышину.

Наверху огням веселым тесно,
От созвездий отступает мгла.
И гора сказала б: «Я воскресла!» —
Если б говорить она могла.

Вся в листве, обновую гордится,
Смотрит в море, юная навек...
Ну, не так ли в зеркало глядится
Молодой счастливый человек?!

1951

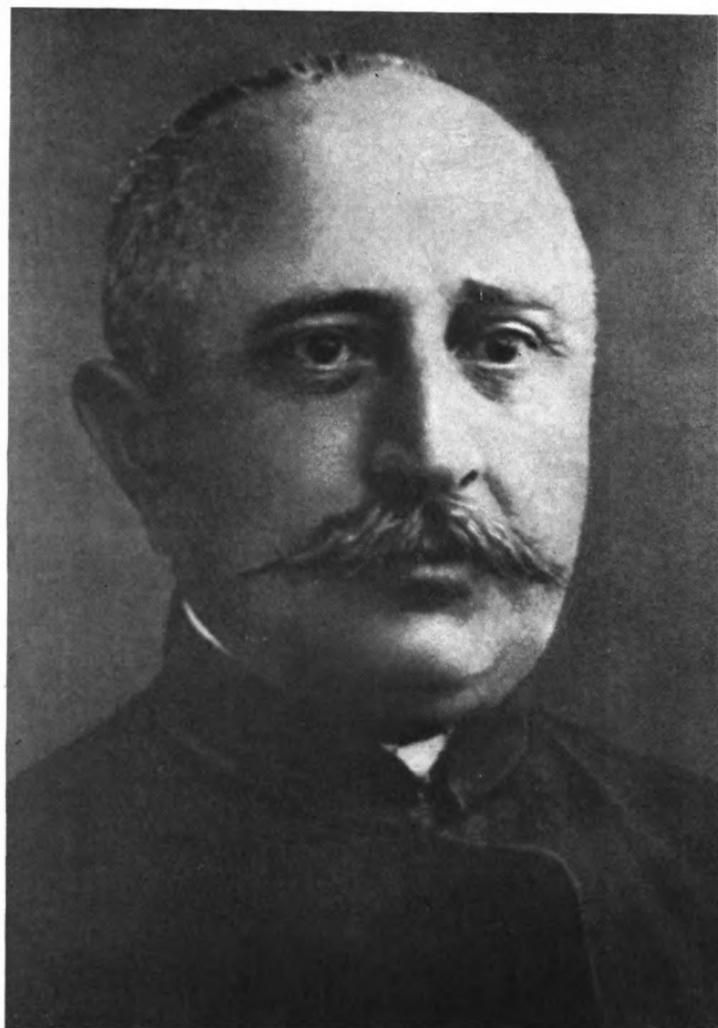
56. НОВОГОДНЕЕ

1

Я клянусь: обычай славный —
Пить вино под Новый год,
Поднимать бокал заздравный
За друзей, за весь народ!

В старину какие тосты?
Чтоб хоть раз наелся вдосталь,
Чтоб здоровьем был неплох,
Чтобы вол, дай бог, не сдох.

Пить — так только за соседа,
Лишь к соседу — на беседу;
Словно за его межей
Мир чужой.

А сегодня все мы в сборе;
Вся страна — одна семья.
Пью вино на Черноморье
За своих братьев я.

Волгари, нальем бокалы,
Чокнемся издавека,
Чтоб огнями засияла
Волга-матушка река!

Я желаю украинцам,
Чтоб увидел мир скорей
Море света, что раскинется
Над Каховкою моей!

Я желаю вам, таджики,
Чтоб под солнцем цвел ваш край,
Чтоб невиданно великим
Был бы хлопка урожай!

Волга-Дон! . . Пример хороший:
Так сроднились две реки,
Что водой не разольешь их. . .
Пью за дружбу, казаки!

Сибиряк, просторов житель!
Бурным рекам дай приказ:
«Не теките как хотите,
А как выгодно для нас! . .»

Труженики за кордоном!
Пью бокал за вас до дна,
Чтобы в вечности бездонной
Напрочь сгинула война.

О врагах мы говорим:
«Счастья столько будет им,
Сколько капель я оставил
В том бокале с дном сухим!»

Я клянусь: обычай славный
Пить вино под Новый год!
Всех друзей мой тост заздравный
Погостить у нас зовет.

2

Ты видишь, я сед. И под вечер
Мне давит на плечи недуг...
Чего бы хотел я? Отвечу:
И много и мало, мой друг.

Хотел бы ковшом-исполином
Ворочать громады земли,
Чтоб волжским великим плотинам
Они основаньем легли.

Хотел бы с геологом рядом
Пройти Каракумы пешком
С пытливо нацеленным взглядом,
С тяжелым заплечным мешком.

Хотел бы увидеть в Рустави
Сияние жарких огней
И клокотание стали
Во чреве уральских печей.

Хотел бы землей Украины
До самого Крыма шагать,
Друзьям-ленинградцам машины
Для строек помочь собирать.

И каждую верную руку
Сердечно пожать на пути,
И с вами, товарищи внуки,
До дней коммунизма дойти.

Как видишь, и много и мало...
Но, как у друзей повелось,
Ты вспомни меня за бокалом,
Желая, чтоб это сбылось!

8

Помню новогодний день грозовый,
Никогда мне не забыть о нем:
Бились волны моря с гулким зовом,
Вспененные вражеским огнем.

Горизонт был тучами окован...
Сам себя я спрашивал тогда:
«Что за гром грохочет? И каков он,
Подлый враг, явившийся сюда?..»

Десять лет прошло с тех пор... И что же?
Я опять стою на берегу.
Где ж тот враг, что море зря тревожил?
И помину нет тому врагу!

Горизонта синяя граница...
Я упорно вдаль смотрю опять.
Разглядеть бы — кто это стремится
Наше море снова взволновать?

Взгляд его каков и цвет волос?
И во что одет он? Лоб и нос
У него какие? Или нет
Человечьих у него примет?

Пусть врагам ответ мой будет ведом:
Годы пролетят — останусь тут,
А враги сегодняшние следом
За врагами прежними пойдут.

Десять лет назад одних мы били,
А другие помнят пусть сейчас:

Мы уже не те, что прежде были,
Мы еще сильнее в десять раз.

Вот рука — рука большевика,
Ты попробуй, как она крепка!

Декабрь 1951

57. ПАРТИЯ

Пускай природа силою своею
Сдвигает грозно кручи гор седых. . .
Но партия во много раз сильнее:
Она и рушит и возводит их.

Пускай природа собственной властью
Моря в тысячелетья создает. . .
Но партия — гораздо лучший мастер:
Проходит год — и море в берег бьет.

Вот над землей сияет солнце, грея
Просторы мира в ясный день весны. . .
А партия во много раз светлее:
Ее огнем сердца озарены.

Вселенная огромна. . . Синь сквозная,
Дорога неизведанных миров,
Она уходит вдаль, границ своих не зная,
Она — как наша к партии любовь.

Земля без солнца — мертвая планета,
Дыханье жизни — в солнечном тепле,
Нет без него ни воздуха, ни света, —
Без партии нет жизни на земле.

1952

58. ЗАЩИТНИКУ НАШЕЙ СТРАНЫ

Еще дымились камни Сталинграда,
И пыль еще улечься не могла,
Еще повсюду — щебень и зола,
И только-только смолкла канонада...
В тот день у Волги нас судьба свела.

Твоя рука обмотана бинтом...
Ты очень торопился в путь куда-то.
И я едва успел спросить о том,
В каком районе ранило солдата.
«Спешу, дружище, догонять войну.
Сегодня бой грохочет на Дону».

Неведомым твое осталось имя,
Ты попрощался — и исчез из глаз...
Кто твой отец? И жив ли он сейчас?
И почему знакомыми, родными
Мне показались вдруг твои черты?..

В семнадцатом году, в начале века,
В дни Октября я видел человека,
Которого напоминаешь ты.
Он Зимний в Петрограде штурмовал,
И обликом, и духом схож с тобою,
Совсем как ты, он смело воевал,
Был ранен в руку — не ушел из боя.

Как ты, спешил из лазарета снова
К друзьям, что шли сквозь грозы и пургу,
Неся с собою три могучих слова:
«Вперед!»
И «Смерть врагу!»

Не твой отец ли это был, солдат?
А может, это был твой старший брат?

Вторая встреча с ним произошла
В горах, на Черноморском побережье.
Двадцатый год. Солдат в шинели прежней,
Рука уже, как видно, зажила.

Он нежно поднял горского мальчонку
И целовал, как сына своего,
Отдав голодной матери его
Паек солдатский — ломтик хлеба тонкий.

И я спросил у воина тогда:
«Ведь это вы — я ошибусь едва ли —
С друзьями вместе Зимний штурмом брали
И ранены той ночью были?»
— «Да!»
— «И все-таки громили юнкеров?»
— «Да!»
— «Так значит, точно — вы и есть Петров!»

Он головою покачал в ответ:
«Ошиблись! У меня другое имя. . .»
Так сходны оба судьбами своими,
Что думаешь: различья вовсе нет.
И кажется — у этого, второго,
Шинель Петрова и усы Петрова,
Походка та же, взгляд и та же доброта
У самых глаз в морщинках разлита.

. . .И вот на днях на улице Москвы
Рабочего я встретил пожилого.
Вгляделся — он! Я узнаю Петрова
И говорю: «Скажите, это вы —
Петров, который Зимний штурмовал
И вел людей в атаку за собою,
Был ранен в руку — не покинул боя,
В огне войны победу добывал,
Шел напрямик сквозь грозы и пургу
И повторял: «Вперед!»
И «Смерть врагу!»

Не вы ль однажды горского мальчонку
Ласкали, словно сына своего,
Отдав голодной матери его
Паек солдатский — хлеба ломтик тонкий? . .
Да, это вы. . . Узнал по цвету глаз,
Хоть годы сильно изменили вас!»

«Я не Петров, — рабочий мне ответил. —
Но Зимний брал и на Кавказе был,
В голодный год с людьми свой хлеб делил.
И как страна, как весь родной народ,
Я говорю: «Вперед!
Всегда вперед! ..»

Народной силе в мире нет преград!
Она взяла высоты счастья с боя,
Отстроила над Волгой Сталинград,
Она теперь — могущественней втрое. . .
Солдат страны — ты гвардии солдат,
Сын родины, отвагою богатой.
Мы строим мир. Идет за рядом ряд —
Народной силе в мире нет преград!

Мы знаем слово гордое: «Вперед!» —
И мы клянемся:
Если будет надо,
Солдат вперед за коммунизм пойдет.
И смерть врагу! И никакой пощады!

Мы строим мир у мира на виду,
Несем земле обилie и радость —
И тот безусый воин-сталинградец,
И тот Петров в семнадцатом году,
И тот солдат, что хлебом стал делиться,
И тот рабочий, что живет в столице.

Ветрами боевыми опаленный,
Да славится советский наш солдат —
За наш Октябрь, за подвиг Первой Конной,
За битву под Москвой, за Сталинград.
За мой Кавказ, за Крым, за Украину.
За все освобожденные края
Любимого защитника и сына
Сегодня славит Родина моя!

1952

1

ТЕНЬ

Я закрыл глаза на миг...
Вот из мглы столетий многих
Город, маленький, убогий,
Тенью тусклою возник.

Налетал с морских дорог
Недруг, рыскавший по свету,
И топтал он землю эту,
Только вытоптать не смог.

И века без перемен
Здесь текли рекою длинной...
Ну, кому нужны руины,
Город-прах и город-тлен?..

Нет, не город — просто тень...
Но в надежде поживиться
Шел сюда из-за границы
Всякий люд, кому не лень.

Византиец лес забрал,
Эллин — мед почти что даром;
Человеческим товаром
Турок бойко торговал.

Весь в грязи, из года в год
Город жил... Кому он нужен,
Кто за ним смотрел бы хуже,
Чем вот этот пришлый сброд?

Я закрыл глаза на миг...
Вот из мглы столетий многих
Город, маленький, убогий,
Тенью тусклою возник...

ЖЕЛТАЯ СМЕРТЬ

Пятнадцатый год... А как будто сейчас,
Я помню. Сосед на пороге у нас
Кричит, умоляет спасти:
«На помощь!.. Мой буйвол в болоте увяз,
Отсюда шагах в десяти!..»

Второй наш сосед, задыхаясь, бежит:
«На помощь!.. Мой сын в лихорадке лежит,
Опора и счастье мое!..
Он бредит в жару и на свет не глядит!..»
Мы входим к больному в жилье.

Он мечется, желтый, худой, как скелет,
И хрипом предсмертным сменяется бред.
Огнем лихорадка сожгла,
И в доме копейки для доктора нет, —
Желтая смерть пришла!

Писало начальство в тот памятный год
Про «желтую гибель» и «город болот»...
А море шумело волной,
А солнце светило с лазурных высот,
Земле улыбаясь родной.

ГОД ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

На заре сюда вошли солдаты
В серых шлемах, каждый со звездой...
И боец, усталый, бородатый,
Напоить просил его водой.

По двору, из дальнего похода,
Сапоги тяжелые пылят...
Пил солдат из медной кружки воду,
Черствым хлебом закусил солдат.

И сказал: «Весна, а будто лето.
Значит, солнце щедрое у вас. . .
Городок, видать по всем приметам,
Для хорошей жизни в самый раз».

Прошагали годы чередою. . .
Жив ли он, мой добрый друг и брат,
В островерхом шлеме со звездой,
Славный революции солдат?

Кто он был: мудрец или кудесник,
Тот, что слов десяток произнес?
Те слова запомнились, как в песне,
И, как в сказке, каждое сбылось.

Он поднялся, город мой, и быстро
В рост пошел: душа его жива! . . .
Точными словами коммуниста
Были те солдатские слова.

Вот и помню: шел солдат когда-то,
Напоить просил его водой.
Пил из кружки. Был простым солдатом,
В островерхом шлеме со звездой.

4

ГОРОДСКОЙ САД

Старый рынок, а вокруг трясина;
Комары и мухи злы как черти. . .
Летом пыль деревья заносила,
А зимою — грязь аршином мерьте. . .

Но однажды в памятную дату
Я услышал, как гудят машины,
Я услышал, как звенят лопаты,
Я увидел — люди заспешили. . .

И на гиблом месте горожане
По-хозяйски начали работу;

Из лесу деревья приезжали,
И асфальт заковывал болото.

С берегов благословенной Рицы
Кедр явился, сосны шли с Гумисты.
Розы потянулись вереницей
И в саду рассыпались цветисто.

Струями ударили фонтаны,
Словно родники на горной круче...
И казалось, цвел тут постоянно
Светлый сад, зеленый и пахучий.

В этом деле и моя лопата,
Пусть немного, всё же виновата.

5

ЦВЕТЫ НА УЛИЦАХ

Вот здесь дорогу яма обрывала:
Пройдет лишь тот, кто прыгнет не боясь...
И в самом центре города, бывало,
Прохожий, поскользнувшись, падал в грязь.

Вот место окаянное, где буйвол
Увяз в болоте, так и не спасли...
А я смотрю и радуюсь: как буйно
Тут нынче олеандры расцвели!

Цветы, цветы!.. Здесь тысячи найдешь их:
Багряных, синих, желтых, голубых,
Лиловых, белых — нежных и хороших,
Как детвора, веселых и живых.

Вот эту розу посадил рабочий,
Вот те цветы сажала молодежь...
Есть где-то тут и мой цветок средь прочих,
Но я не вижу...

Он с другими схож.

ДРУЗЬЯ

Иду по бульвару. И вдруг якут
 Говорит мне с улыбкой: «Друг,
 Я отлично здоровье поправил тут,
 Увезу в Заполярье юг! . . .»

А в море, плывущего на боку,
 Москвича качает прибой. . .
 Гостям из Вильнюса, из Баку
 Гость из Киева машет рукой.

Вот монгол попросил огня:
 «Хороший у вас табак! . . .»
 Вот узбек окликнул меня:
 «Из Ташкента привет, земляк! . . .»

И мне удивительно хорошо:
 Отовсюду сошлись друзья!
 Иду — здороваюсь с латышом,
 Жму руку уральцу я.

И радуюсь братьям моим родным,
 И счастье растет вдвойне:
 Значит, город мой полюбился им,
 Далеким, но близким мне!

С друзьями радостью жизнь полна,
 Для друзей ничего не жаль.
 Хватит фруктов на всех, цветов и вина, —
 Пожалуйста, приезжай! . . .

1952

65. ДРУГУ

Я забрался жить к луне поближе,
 Ты — в долине. . .

Голову склоня,
 Я тебя частенько утром вижу,
 Ты, поднявши голову, — меня.

Предок мой, заспорив беспричинно,
Твоего кинжалом поразил.
Прадед твой, едва лишь стал мужчиной,
Моего в отместку застрелил.

Много лет аулы среди гор
Кровью разрешали давний спор.

Ты живешь среди долин поныне,
Мой аул — почти что у луны.
Ты мне улыбаешься в долине,
Я тебе киваю с вышины.

Спорим, чья бригада победила,
Где просторней школа, ярче свет...
Если в чем помочь необходимо —
Вот тебе рука моя в ответ!

Не разнять сплоченных наших рук —
Где б ты ни был, я с тобою, друг!

1952

66. ПРИЗНАНИЕ

Дороги мне эти горные кряжи,
Яркое солнце, синяя высь...
Может, без них меня не было б даже;
В жизни смогу ли без них обойтись?

Но если родина мне поручает
Жить и работать в широкой степи —
Значит, я друга в степи повстречаю,
Значит, в дорогу коня торопи!

Если мне скажет народ, что в пустыне
Нужен я больше, чем в отчем дому, —
Будут короткими сборы простые,
Скоро в пустыне друзей обниму.

Так же и ты. — Моментальные сборы,
Надо так надо — отправишься в путь.
Родина скажет — поднимешься в горы;
Гость, в моем доме хозяином будь!

Руки народов сомкнулись в пожатье,
Партией нашей каждый согрет.
Светлая родина! Как передать ей
Гор величавых сердечный привет!

1952

67. ЧЕЛОВЕК В ГОРАХ

Сколько ни таилось бы упругой
Силы в мышцах, мужества в крови,
По горам нельзя идти без друга —
Верного товарища зови!

Вот скала отвесною стеною,
В твердый камень еле входит крюк. . .
Ты спокоен. Сердце — как стальное:
Рядом — друг!

Ты над бездной. Так звезда порою
На краю горы повиснет вдруг. . .
Кажется, что смерть не за горою.
Нет, неправда! Рядом — верный друг.

Ты в лесу. И может так случиться:
Под ногою гулко треснет сук.
И кабан к тебе из чащи мчится. . .
Но с тобою рядом смелый друг.

Наконец вершина! Голубое
Небо расстилается вокруг.
Счастье в сердце вырастает вдвое
Оттого, что рядом счастлив друг.

Путь в горах по кручам и обрывам,
Но легко с товарищем идти. . .

Так каким же должен быть счастливым
Тот, кому с народом по пути!

В строй единый с верными друзьями
Локоть к локтю станем я и ты.
И пускай дороги перед нами,
Как в горах, круты, —

Знаю я, что мы придем к вершинам:
Светлый путь в грядущее ведет!..
В каждом сердце счастье нерушимо
Оттого, что счастлив весь народ.

1952

68. ГОЛУБЬ

Когда разгонит сны рассвет,
Я вспоминаю сквозь дремоту
Смешные игры детских лет,
На птиц занятную охоту.

Добудешь горсточку зерна
И решето с веревкой длинной...
Простая штука, но она
Была ловушкой голубиной.

И в клетку нес я голубей,
И закрывал за ними дверцу...
Я ощущал в руке своей
На волю рвущееся сердце.

Для пленных птиц дороги нет
В простор с другими голубями...
Друзья по играм детских лет,
Сейчас я молча ссорюсь с вами!

Когда бы детство мне вернуть,
То к солнцу вешнему в зените
Я голубям открыл бы путь:
«Летите, голуби, летите!

Во все концы, во все края
Несите счастье по дорогам! . . .»
Когда б мальчишкой был я,
Сегодня я бы их не трогал.

Со мной вполне согласен внук
(Хоть с белым голубем проститься
Мальчишке жалко) . . . Он из рук
На волю выпускает птицу.

И голубь взвился в синеву,
Нежданной волей окрыленный,
И восхищенно вслед ему
Глядит мой внук с земли зеленой.

Как этот голубь дорог мне!
В нем мира видится победа.
И звонко бьются наравне
Два сердца — мальчика и деда.

Когда б я стал мальчишкой вдруг,
Я б всё глядел, как голубь вьется . . .
Рассветных дум обширен круг;
О детстве вспомнишь — и взгрустнется.

Сказать ли внуку моему,
Что обижал я эту птицу? . . .
Зато сегодня есть кому
Всерьез за голубя вступиться.

Летит, кружит в небесной шири
Крылатый символ мира в мире! . .

1952

69. ОЛЕНЬ

Стоял он, красивый и рослый,
На круче у горной реки . . .
Рога — как трехлетние сосны,
А ноги, как лозы, тонки.

И пусть окружен он и ранен,
Но он на колени не пал —
Минуто живым изваяньем
Олень перед нами стоял.

Под кручей туманы клубятся
И пропасть лежит, как в дыму...
Он сделал, что мог. И ему
Теперь — погибать или сдаться.

Казалось, он должен смириться, —
Охотник живым заберет...
Но, ринувшись в пропасть, вперед,
Он стал на мгновение птицей.

И люди, у бездны на грани,
В молчанье следили за ним,
Пока он не скрылся в тумане,
По-прежнему непобедим...

А мне захотелось сегодня
Поведать вам песню о том,
Что лучше погибнуть свободным,
Чем жить, оставаясь рабом.

1952

70. В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Вот он! Черты знакомого лица.
Его я видел много-много раз.
Где? Там, в горах Абхазии, у нас,
На Волге, на Днестре, и на Неве,
И в Ленинграде, и в Москве.
Вот человек! Повсюду он со мной,
Душе и сердцу близкий и родной!
И возле гроба Ильича
Я замедляю шаг, шепча:

«Товарищ Ленин! Если б встал ты вдруг
Да посмотрел, какая жизнь вокруг,

Да увидал бы, как Москва растёт,
Как вся земля советская цветёт!

Товарищ Ленин! Выросла страна,
Теперь неузнаваема она —
Всё стало так, как завещал нам ты,
В явь воплощаются твои мечты!

Придя к тебе, как сын высоких гор,
С которых виден вольный наш простор,
Свидетельствую я перед тобой,
Что прежде даже в песне ни в одной
Не грезили о жизни мы такой!

Ярчайший свет сияет на горах,
Доступных прежде лишь одним орлам;
Идут машины нынче даже там,
Где лазала лишь горная коза!
Так много школ сегодня даже там,
Где люди книг не видели в глаза!»

И я на Ленина смотрю,
И Ленину я говорю:

«Взгляни на нас! Как путники в горах,
Идем всё выше! Партия ведёт,
Находит самый верный путь, —
Без усталы мы движемся вперед.

Товарищ Ленин! Крепкий мы народ,
Мы не устанем! Партия ведёт,
И мужеством сердца у нас полны,
И мы друзьям своим всегда верны».

На площадь Красную я выхожу...
Я снова полон силой молодой;
Могуча грудь, как будто выше стал,
И тяжесть лет слетела с плеч долой.
И надо мною ясный небосвод,
Над головою — вольных птиц полёт.

И мне легко, как будто я в горах,
Мне хорошо, как будто я в степях,
В широких плодороднейших степях,
Что новою водой орошены!
Мне хорошо в горах и на полях
Советской мощной, радостной страны!

Январь 1953

71. ПРАЗДНИЧНЫЙ ТОСТ

Друзья мои! Есть право у седого —
Сказать вам всем приветственное слово,
Встречая с вами светлый Новый год.
Мы вместе собрались семьей единой,
Наш стол — от Бреста и до Сахалина,
От южных гор до северных широт.
Со мною рядом новогодней ночью —
Мой брат москвич и брат дальневосточник,
Мой брат казах и украинец брат...
Бокалы наши весело звенят!
И первый тост, что поднят ныне тут,
За нашу гордость — за рабочий люд,
За вдохновенье, вложенное в труд!
За вас, крестьяне! За поля страны,
За пашни, что от пота солоны;
За всё, что создал сильными руками
Наш человек на радостной земле:
В деревне дальней и в твоём селе,
В низинах и в горах под облаками.
За наши книги, за героев их,
За школы и за наших дорогих
Людей науки, деятелей сцены!
И за поэтов — чтобы каждый стих
Биение людских сердец постиг
И душу волновал бы неизменно.
Звучал бы нам — как в роще соловей,
В полете был бы сокола храбрей!
Да здравствует советский наш народ
И время, устремленное вперед!
За партию мой тост — за жизнь и свет,
За нерушимый строй Советской власти!

Дай бог, чтоб жили много славных лет
Народу-победителю на счастье
Те, кто мое отечество вперед
Путем побед ведет из года в год.
За партию, друзья, мы сдвинем чаши
И за правительство родное наше!
За будущее наше — за твоих
Детей и внуков, мой народ любимый!
Они — рассвет. Весна приходит с ними,
И счастье добывается для них.

За наших женщин — дочерей народа,
За красоту души их золотой!
Пусть всё сильнее любят год от года
Нас, если мы любви достойны той.

И для врагов есть слово у меня:
Им светлого вовек не видеть дня!

Я знаю: многословие — порок
Для толумбаша, даже для седого.

И, речь свою заканчивая в срок,
Я пью за Человека! За простого
Работника планеты! За того,
Кто разделяет наше торжество.

Тут место есть для всех племен и рас.
И тот, кто честен, нашим другом признан.
И счастья чаша — общая у нас,
И нам сияет солнце коммунизма.

С победной песней Новый год идет
По горным кряжам, по степям и пущам.
Да здравствует наш светлый день грядущий,
Да здравствует товарищ Новый год!

1953

1

У МОРЯ

Закатным заревом расцвечен
Обыкновенный летний вечер,
И слышится неторопливый,
Обыкновенный шум прилива.

И, как обычно, часом поздним
Над миром небо стало звездным,
И, озаряя всё вокруг,
Луна явилась — старый друг.

И уж конечно, под луною,
Вон там, где в берег бьет волна,
Всю ночь сидят, обнявшись, двое:
Он и она.

Как пылко юноша влюблен! . .
Она на ласки отвечает,
Она луны не замечает,
И ярких звезд не видит он.

И даже мерный гул прибоя
Ни ей не слышен, ни ему. . .
А впрочем, может, им обоим
Луна и море ни к чему?

Нельзя же мир, что полон счастьем,
Делить на составные части,
Когда любви предела нету,
Когда она — на всю планету! . .

Когда, собою знаменуя
Ту страсть, что горячей огня,
Лишь поцелуи, поцелуи
Вселенную заполонят!

В глазах влюбленных счастья свет;
Предела молодости нет! . .
А в стороне стоял поэт. . .

Смущенный странностью картины,
Он звуки правильно и чинно
Из вялой лиры извлекал
И думал, голову ломал:

«Что поцелуи могут значить
И небо в тысячах огней?
И какова любви задача —
Ведь должен, так или иначе,
Какой-то смысл таиться в ней?
Со всех возможных точек зренья
Как расценить в стихотворенье
Тот факт, что ночь напропалую
Растрочена на поцелуи,
Как увязать учебу, труд
Со всем, что происходит тут?»

И жаркий шепот милой с милым
Он превратил в отчет сухой;
Любовь простую оскорбил он
Высокопарною строкой.
А ночь, как сказка, длится, длится,
Мигают звезды-озорницы,
Роняя золото лучей,
А с молодыми сладу нету:
Целуются назло поэту
Всё горячей и горячей. . .

Трудясь той ночью над стихами,
Зарифмовать сумел поэт
И плеск волны, и звездный свет —
Всё, кроме жаркого дыханья
Двух любящих. Они в ночи —
Промолвить страшно! — целовались.
Всё описал. Одну лишь малость —
Сердцебиенье —
Исключил.

ДЖИГИТ

Жил джигит, говорят, на абхазской земле,
 Очень храбрым он был, говорят.
 И красавицу девушку в нашем селе
 Тот джигит полюбил, говорят.
 Он искал для себя чистокровных коней,
 Чтоб понравиться ей, говорят.
 С каждым боем, чтоб в славе предстать перед ней,
 Становился храбрее, говорят.

Хоть под черной черкескою сердце стучит,
 От волнения воспламенясь,
 Скромно, как подобает, держался джигит,
 Прикоснуться к любимой боясь.

Кто про эту любовь, кроме девушки, знал?
 Сам джигит да один из друзей. . .
 И о том, что любимый сражен наповал,
 Было попросту сказано ей.

Только брови ее незаметно сошлись,
 Был в глазах ее странный покой.
 Но до гроба она повторяла всю жизнь
 Имя друга с глубокой тоской.
 Говорят, что различной бывает любовь,
 Что бывает она и такой. . .

СОН

Жил юноша. И как-то раз во сне
 Поцеловал он девушку несмело.
 И сам не свой ходил он месяц целый,
 Он целый месяц счастлив был вполне.
 Когда же он впервые наяву
 Поцеловал подругу неумело,
 Он целый год ходил счастливым, смелым,
 И мужество в тот год пришло к нему.

Потом увидел юноша во сне,
 Что девушка его поцеловала.

76. О ЛЕНИНЕ

Безмолвно застыли седые вершины,
В ущелии дышит пурга...
Январские ветры пути запустили,
И след на путях отпечатали шины,
И горы одеты в снега.
Под нами —
Долины в просторах морозных,
Над нами —
Снежинок летящие звезды...

Сегодня мой внук обратился с вопросом,
Прочтя календарный листок.
(За школьную парту впервые под осень
Он сел, «мужичок с ноготок».)

Уютно забравшись ко мне на колени,
Он просит меня:
«Расскажи.
Вот здесь, под портретом, написано: «Ле-нин»...
Кем был он? Что делал? Где жил?»

«Он был человеком, как все мы, но больше
В глазах у него доброты.
Он был человеком, как все мы, но больше
В нем мудрости и простоты,
Но больше
В нем смелости, воли и силы,
Но больше
В нем солнечной радости было.
И взором орлиным
Сквозь годы, сквозь тучи
Он видел всех дальше,
Он видел всех лучше.

Он с нами трудился, он жил вместе с нами,
И нас научил он мечтать...
И часто с такими, как ты, малышами
Любил в разговоры вступать,
Всегда находя для мальчишки любого

Хорошее,
Нужное,
Верное слово.

Сказал он, чтоб строили новые школы
Везде, и у нас среди скал,
Чтоб так же, как город, сияньем веселым
Поселок в горах засверкал.
Всем сердцем желал он, чтоб к нам на вершины
Пришли бы помощники наши — машины.

Он множество знал языков и наречий,
Но лучше всего он постиг
Взволнованный голос сердец человеческих —
Чудесный и трудный язык.
Он всех на земле понимал.
Оттого
Трудящийся мир понимает его.

Нам партию Ленин оставил родную —
Всё ярче сиянье знамен! —
С народом единую, духом стальную,
Великую сердцем, как он. . .»

И пристально смотрит
С недетским волнением
Мой внук в Ильичевы глаза.
«Я буду, как Ленин. . . Я буду, как Ленин. . .» —
Мальчонка негромко сказал.

Безмолвно застыли седые вершины,
В ущелии дышит пурга. . .
Январские ветры пути запушили,
И след на путях отпечатали шины,
И горы одеты в снега.
Под нами —
Долины в просторах морозных,
Над нами —
Снежинок летящие звезды. . .

1954

77. ЖЕЛАНИЕ

Когда к рассвету молодой поэт
Над непослушной строчкой изнемог,
Хотел бы стать я рядом, дать совет,
Сказать ему: «Не унывай, сынок!»
Я был бы рад, когда б ему помог.

Когда солдат раздумьями томим:
Нелегко путь и далека родня, —
Я был бы счастлив поделиться с ним,
Отдав тепло, что в сердце у меня,
И заслонить, коль надо, от огня.

Всю жизнь свою как воин и поэт
Служить народу — выше счастья нет!

1954

78. В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ

Тома с тиснением золотым,
Новинки на прилавке.
Стоим мы с другом, молодым
Поэтом, в книжной лавке.

С обидой томик свой берет
Мой друг, поэт абхазский:
«Тираж не тот, формат не тот,
Не те, хоть крепко переплет,
На переплете краски».

Купив, сует в карман пальто,
Ворчит, как пустомеля:
Мол, вот, смотри, издать и то,
Как надо, не сумели.
И тут уж я смолчать не мог,
И я сказал ему: «Сынок,
Твой труд здесь на виду.

Об этом я не мог мечтать,
Когда решил стихи издать

В двенадцатом году
Для тех, кто ковырял сохой
Свою полоску в поле.
Издать на заработок свой,
Учительствуя в школе.
Я весь тираж на этой вот
На собственной спине
Снес в дом. И ждал, когда зайдет
Случайный гость ко мне.
Зайдет, не скажет ничего,
Качает головой,
Пока я книгу для него
Несу из кладовой.
Там сырость с книжечек моих
Мое стирала имя.
И мыши, обнаружив их,
Одни питались ими.
И я, с семейством раз в году
Пыль с книг сметая яро,
Не только не имел в виду —
Не верил в гонорары.
Я счастлив был любой из книг
Делиться с новым другом
За то, что он букварь постиг,
Освоил чтение чудом».

Не знаю, верит ли тому
Мой друг, поэт абхазский.
Рассказ мой кажется ему,
Должно быть, страшной сказкой.

А продавщица кипы книг
Кладет к одной одна:
Не залежались в кладовых,
Не смаковали мыши их,
И золотом — среди других
И наши имена.

1954

79. ЗНАМЯ

Когда вступает знамя в бой,
Оно вперед стремится
Быстрее, чем огонь степной
Или в полете птица.

Солдат, свершая подвиг свой,
С тяжелым древком сросся.
И шелк летит над головой
Солдата-знаменосца.

Но знаменосец ранен вдруг.
Смертельно. И тогда-то,
Позвав своих, глядит вокруг,
Чтоб знамя из ослабших рук
Взяла рука солдата.

Поэт! Не так ли счастлив ты,
Свершив свой подвиг, зная:
Друзья при штурме высоты
Твое поддержат знамя?
Ты пал.
Оно ведет вперед
В труде и в битве твой народ.

1954

80—82. О ПОЭЗИИ

1

ЛЕСОРУБ

В лесной чаще распевают птицы.
Прислушаешься — как не удивиться:
Одна зальется смехом озорным,
Другая вторит голосом грудным.
И далеко летит во все края
Мелодия солиста-соловья.
Тут робкий щебет, там — напев свирели,
Разбойный свист, лирические трели,

Тревожный клекот, звон ручья в апреле —
Всё музыкаю кажется, друзья.

Но вдруг в оркестре, что гремит вокруг,
Возник могучий, самый главный звук.
Рубя сосну, обрушивая дуб,
Дорогу пробивает лесоруб.

Его связать пытаются лианы,
Его колючки ранят постоянно,
А он идет, прокладывая путь,
Где ты, поэт, пройдешь когда-нибудь...
Звук топора, веселый стук — люблю!
Упрямый труд рабочих рук — люблю!

Поэт!

Приятна музыка твоя,
Похожая на пенье соловья,
На щебет птиц, на тонкий звон ручья...

Но во сто раз ты будешь мне дороже,
Войдешь в сердца, народу станешь люб,
Когда стихами людям путь проложишь,
Как проложил сквозь чащу лесоруб.

2

РЕКА

Могуча, широка и глубока,
В долине горной катится река,
Обломки скал обтачивает ровно,
Как перышки, несет и крутит бревна.
Вплавь не решишься, не осилишь вброд...

И я подумал, удивленья полный:
Откуда мощь свою она берет?
Откуда этот блеск и эти волны?

Я у подножья обомшелых скал
Береговую тропку отыскал.
И тропкой той, над пенистым потоком,
Не торопясь, пошел к его истокам.

И что ж увидел я? Из-под камней
Бьет струйка...
Но играет сила в ней.
Прозрачный ручеек течет, не тает —
Земля щедра, земля его питает.

И я сказал: «Учись у той реки,
У ручейка, что с гор бежит лощиной.
Поэзии народной родники,
Как родники в горах, неистошимы.

Как ручейком рожденная река,
Поэзия народа глубока.

8

ВСЁ

Чуть слышный шепот, поцелуев звук,
Злость ревности, тоска любовных мук,
Святая верность, рук твоих кольцо,
Измены искаженное лицо,
Смешное слово, музыки напев,
И месть врагу, и ненависть, и гнев,
Бессонница усталых матерей,
Бессмертные дела богатырей,
Великих революций торжество,
Победный путь народа моего,
Землетрясения судорожный миг,
В тиши журчащий маленький родник,
Истории бездонной глубина,
И светлого грядущего весна,
И жизнь в цвету, и смертный крик во мгле,
И нерушимый мир на всей земле,
И марш колонн, и широта дорог —
Всё для стихов,
Для мужественных строк —
Тех, что дойдут до сердца и ума...
Всё для стихов —
Таких, как жизнь сама!

1954

83. ДУМАЯ О ЛЕНИНЕ

Вот уж сорок без малого лет миновало:
Это эра.
Ей имя — советское время.
Эти годы стоят за спиной, словно скалы;
И земля подо мной — как скала,
И заря над землею светла.
Вновь сегодня, исполненный мыслью одной
О великом вожде нашем — Ленине,
Я в грядущие вглядываюсь годы. . .
Он туда
Призывает нас, вечно живой,
Он вперед заставляет смотреть поколения!
И тогда — не о смерти моя мысль, не о старости,
А о жизни, о юных сердцах,
Что не знают унынья, не знают усталости,
О прекрасных, здоровых ростках
Нашей новой весны, где веселье царит,
Где труда вдохновенного солнце горит!
Это Ленин бессмертный встает, как живой,
И в будущее указывает рукой.

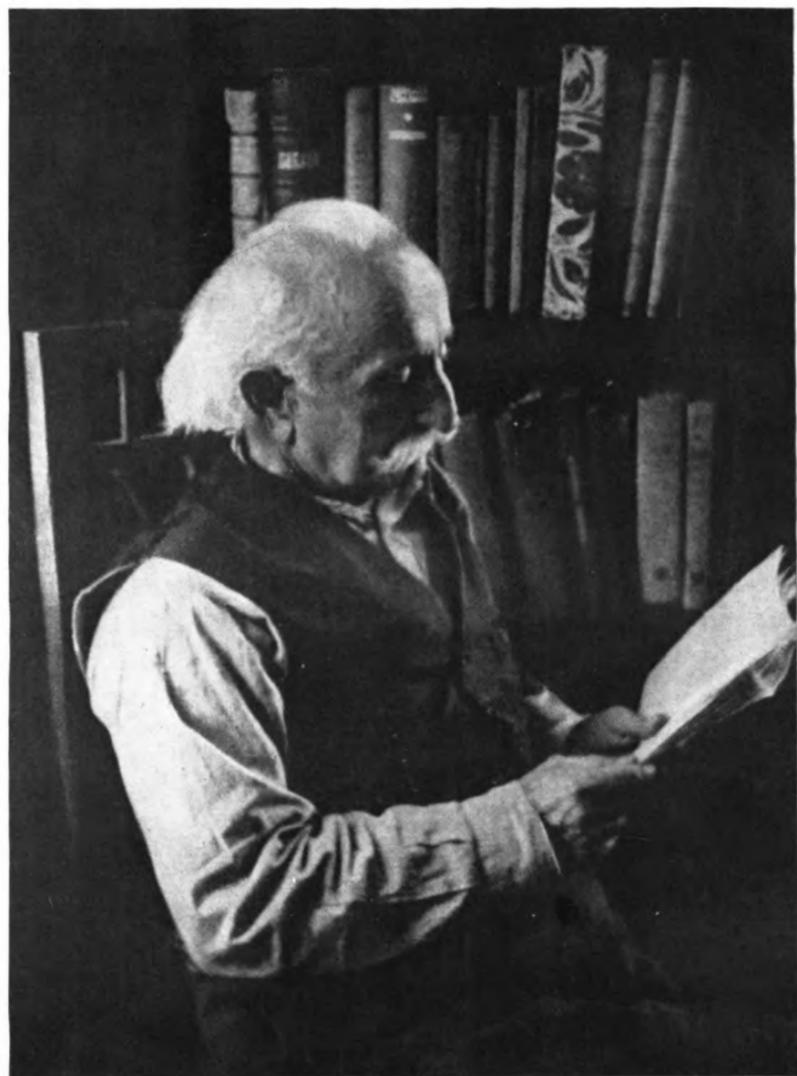
Мы с порывом руки его гордым сжились,
Неразрывны мы с ним на всю жизнь.

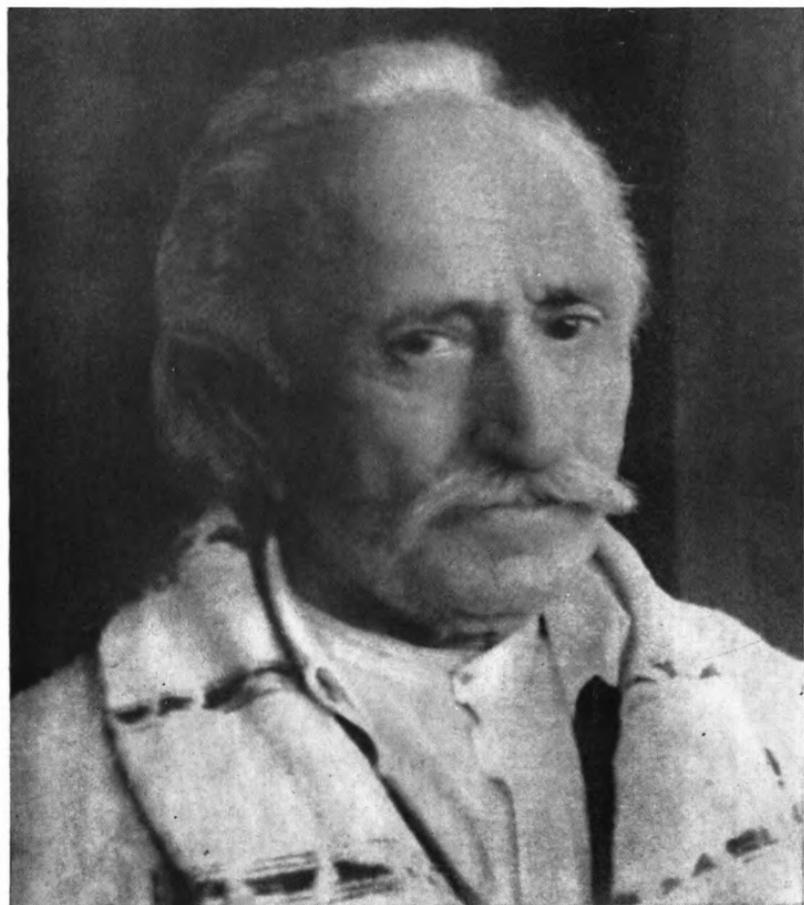
Я в думах о Ленине слышу
Народов идущих шаги по земле,
Народов, встающих за мир, как солдаты,
От рассветных ворот до заката
На широких материках,
На далеких земных поясах.
Первозданные джунгли встают предо мной,
Океаны, полярные льды и туманы,
Гор заоблачных великаны,
Пустынь раскаленных барханы. . .
И везде, отовсюду встает
Победитель народ.
И всё громче

победа

поет!

Вместе с нами Ленин идет,

По-отечески нежно крепка
В каждой руке человеческой
Ленинская рука.
И взгляд его, гордый, орлиный,
Видит далеко дорогу для всех —
Для великих и малых народов —
Для всех!
Путь указывает он
И мне и тебе,
Всем идущим вперед
Навстречу судьбе,
Славной и яркой судьбе!

1955

84. 4 МАРТА 1921 ГОДА

С весной родилась
Советская власть,
Весна для моей возрожденной страны,
Весна для моей Аpsны.
Как мать над ребенком своим склоняясь,
Советская власть
Солнцем сияющим

с высоты

Озарила горы, поля и сады.

Память об этом дне не умрет.
В этот день мой абхазский народ
Духом воспрял,
Силы собрал,
Увидел свет,
Увидел — цепей на руках его нет.
Четвертое марта нам не забыть,
Нам вечно Советскую власть любить.

Советская власть! Навсегда она
Для моей воскрешенной Аpsны —
весна,

Счастье, народу данное, —
Светлое и желанное.

1955

85. В СЕРДЦЕ — МАЙ!

Жизнь расцветает в середине мая.
Восходит солнце, юностью сияя,
И реки горные, как вам известно,
По-новому свою заводят песню,
И море по-особому шумит,
И все деревья праздничны на вид.

А небо, небо! В нем простор и ласка,
Вся синька вышла на его окраску,
Сияет купол — солнечный, литой —
Какой-то небывалой красотой,
И по нему плывущее светило
Одежды золотые обновило.

И слышу я:

весна, весне, весной. . .
И слышно мне, как дышит шар земной,
Как вечный гром над тучами грохочет,
Смеется ливень, девушки хохочут,
И зубы их сверкают белизной.

Всё это верно. Все правдивы речи,
Весной строка наполнена моя. . .
Но всё сильней, порыва не тая,
В труде хлопочет сердце человечье, —
А главное не в этом ли, друзья?
И разве пробужденье и расцвет
Народов, тех, что спали сотни лет,
Не радостнее шума вешних вод,
Не выше, чем парящих птиц полет,
И не светлей, чем синий небосвод?

И громче грома голоса слышны —
О мире клич: не допустить войны!
Встают народы, сбросив гнет неволи,
И это людям радостно до боли,
И слезы счастья чище рос весны.

И то, что мир по-вешнему цветет,
И что редет мрак, слабеет гнет,

И вырастают люди, и нужна
Сердцам свобода, как земле весна, —
Всё это и зовут дыханьем мая,
Как птицу, песню в небо выпуская,
Я славлю май! И сотни тысяч раз
Тот прославляю, что в сердцах у нас! . .

1955

86. МОЛОДЫМ

Срок немалый за плечами;
Оглянусь — почти сто лет.
Пусть же каждый мой совет
Будет впредь обдуман вами.

Долг и участь молодых —
Слушать стариков седых. . .

Ученик, чей юный разум
Не богат еще познаьем,
В годы школьные обязан
Отличаться прилежаньем.

Книгу умную заметив,
Познакомьтесь с ней скорее.
Не встречал на белом свете
Я источника щедрее.

В жизнь иди прямой тропею,
Стань для слабого защитой
И храни, гордясь судьбою,
Честь души своей открытой.

В сердце добром и отважном,
Верь мне, красота мужчины.
Если прав ты в споре важном —
Для уступок нет причины.

Мыслить ты старайся шире
О грядущем и о давнем.

Не один живешь ты в мире:
Есть враги и есть друзья в нем.

Друга позабудешь — горе.
А врага забудешь — вдвое.
Славится простором море,
А мужчина — головою.

Зло заметив, не годится
Медлить, размышляя долго.
Ты со злом обязан биться —
Так велят законы долга.

Коль делам несправедливым
Вовремя не дашь отпора,
Верь: не быть тебе счастливым,
Доживешь ты до позора.

Не к лицу нам в жизни робость.
А в горах — давно мы знаем —
Трусость увлекает в пропасть,
Храбрость — в небо, к птичьим стаям.

Будь самим собой везде ты,
Смело поступай и честно. . .

Я старик, мои советы
Выслушать тебе полезно.

1955

87. ПУСТЬ СТО И СТО...

Пусть сто и сто пройдет таких же дней —
И внуки внуков, оглядев планету,
Пусть радуются жизни, песням, свету,
Как я сегодня, и еще сильнее.
В грядущее, мечта моя, веди:
Пусть за плечами беды канут в Лету.
Одни победы будут впереди!
Пусть сто и сто, и многократно снова,
Светло и звонко, просто и сурово

1

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Я над утренним морем стою
И под шум его думаю думу свою:
Вот каким должен быть
Человек настоящий —
Необъятный душой, как оно,
Полный силы живой, как оно,
Как простор этот, вечно шумящий,
Мчащий бурные волны в разгоне безбрежном.
Должен быть он и ласково-нежным,
Словно море летней зарей.

И таким после жизни своей
Будет в памяти жить он людской.

2

ПАРУС

Парус в море лазурном
Уплывает под солнцем куда-то,
Чуть качаясь на тихой волне.
Скрылся вскоре
Бесследно
В сияющем море.
Будто не был он,
Будто приснился во сне.

Так иные из нас
По затишью житейских заливов
Без забот и трудов
Проплывают по воле судьбы;
И они, как тот парус, уходят из глаз,
Исчезают навек, без следа.

И не знаешь ты: жили они
Или не было их никогда.

В ВОЗДУХЕ

Я запомню навек этот радостный день:
 Проплывает земля подо мной,
 Гудаута, Пицунда, Афон...
 И не Гагра ли там впереди?
 Вот я вижу: два буйвола тянут арбу
 На узкой полоске шоссе,
 Но не видно — идут они, или стоят,
 Или пятятся вместе с арбою назад?
 И подумал я: если б такой самолет
 Дали в молодости тебе!
 И обидно мне, очень обидно теперь,
 Что я долго сидел на арбе.

Молодые! Завидую вам, —
 Жизнь свою вы прекрасно сделать вольны,
 Если с детства вам крылья такие даны!

СЧАСТЬЕ

Абхазия моя — со мной,
 И вся страна Советская — со мной,
 Со мною — села, города большие,
 Со мною — старые и молодые,
 И люди гор, и жители степей.
 Все люди дороги душе моей,
 Кто ищет дружбы,
 Хочет в мире жить.

Мой светлый дух войной не утратить.
 Перед грозой лицом не побледнею.
 В семье друзей я горд страной своею:
 Какое счастье жить в большой семье родной!
 Ведь ты, моя Абхазия, со мной,
 И от Камчатки дальней до Дуная
 Со мною вся страна моя родная!

1956

1

Я ВСЁ МОГУ...

Я — человек. Я друг твой. Я твой брат.
Стою под солнцем, свету солнца рад,
Моя земля — мне твердая опора.
Я всё могу: подняться в высоту,
Поспорить с быстрой птицей на лету,
Создать моря и передвинуть горы.
Я всё могу!
Любить — и до крохи
Всю жизнь отдать, коль надо, ради друга,
Идти в бой (врагу придется туго!),
Построить дом и написать стихи.
Я всё могу: перебороть года,
Чтоб жили в песне молодость и сила,
И сердце разрывать себе, когда
Тебе, мой друг и брат, невыносимо.
Стою под солнцем, землю берегу...
Я — человек. Я всё могу.

2

МНЕ ЖАЛЬ...

Очень мне жаль, что, дожив до седин.
Многого не повидал я на свете.
Сколько хороших людей я не встретил!
Их — миллиард. И, видать, не один.
Всех бы приветствовать песней и смехом,
Наше вино распивать под орехом,
Слушать рассказы по целым часам,
Слать бы посланья по их адресам,
В долгой разлуке тоскою томиться!..
Вешней порою особенно жаль:
Скольким друзьям — в миллиард
не вместиться! —
Я мускулистые руки не жал,
Счастьем я с ними не смог поделиться.

ЧЬИ ОНИ?

Зеркальной стала вода на миг.
 Вижу при свете дня —
 Из моря с улыбкою смотрит старик
 Неведомый на меня.
 В глубоких морщинах лицо старика,
 На палке жилистая рука...

Глаза у него мои, не таю,
 Узнаю улыбку мою.
 Но седина, морщины притом,
 И палка — только взгляни! —
 Как жердь, подпершая старый дом...
 Не понятно мне, чьи они?

К МОРЮ

Когда сверкает солнечная гладь,
 Как верный друг, ты радуешь мне душу.
 Когда ж ты хмуришься, мне хочется сказать:
 Ну перестань же, море, ну послушай —
 Полны весною и земля и высь;
 Товарищ мой хороший, улыбнись!

1956

97. РЕКА

Веками вдаль она текла,
 Не зная участи своей.
 В разлив тащила из села
 Всё, что ни попадалось ей.

Могла реветь, могла рычать
 И пенить вечную струю,
 Но было некуда девать
 Ей силу буйную свою.

Но вот обуздана она
Твоею волей, человек,
Она в тоннель устремлена —
Такого не было вовек!

В потоки света для людей
Превращена ее волна.
Смирилась с участью своей,
Как будто и не с гор она!

Тысячелетья без забот,
Без цели, буйствуя, текла,
А нынче не рычит — поет:
Работу по душе нашла!

1956

98. РЫБАК

Он, словно из пены рожденный,
На берег сошел опаленный.
Как парус его борода
По ветру летает, седа.
Удачлива ловля ночная,
И рыба за ним, как ручная,
Бежит, залученная в сеть,
В песке серебром заблестеть.
Глядит он на море — и море
В его отражается взоре,
И волны, послушней собак,
Ступни твои лижут, рыбак,
Смирились, покорные силе.
А смертью давно ли грозили?
Он смело глядел ей в глаза,
Когда бушевала гроза.
Ни бурь не страшась и ни грома,
Рыбак — он ведь в море как дома...
Ты в море уходишь опять —
Позволь твою руку пожать!

1956

По которым мальчонка веселый
Вприпрыжку бежит.
Ветер в рощице голой
Пожухлые листья кружит. . .

Может быть, и за мной кто-нибудь
Незаметно следит в это время,
Про себя рассуждая:
«Задумался, старый!
В эту слякоть и морось
О чем его мысли?
Видно, грустно ему. . .
Ведь года — невеселое бремя. . .»
Я ответил бы:
«Мысли простые,
Как у всех. Размышляю о деле своем —
О поэзии. О поэтах —
И о тех, что в Москве,
И о тех, что в Сухуми.
Но не только о строчках раздумья.
А Суэц?
Разве он не волнует певца,
Как сограждан сердца,
Как все честные в мире сердца?
Пусть египетская земля далека, —
Нил течет в нашем сердце,
Широкий,
Как Волга-река.
Я, как член редколлегии
«Алашара»,
Журнала абхазского,
Думаю:
Что напечатать
О Суэце и Ниле сейчас?
И кого из поэтов Египта —
Да получше бы — перевести,
Чтобы гневом звенело
Правдивое слово
Для советских людей,
Для земного
Огромного шара?

И обязан я думать об этом
Помногу,
Если падает даже листва на дорогу,
Навевая печаль.
Осень? Что ж!
Пусть ее! Мне не жаль.
Тучи низко плывут.
Стынут темные лужи.
Даль ненастно-угрюма.
Сжимается сердце от стужи.
Но я должен,
Я должен
Размышлять и работать,
Работать и думать
Даже в годы мои,
Даже в восемьдесят три мои года,
Какая бы
Ни стояла погода.
Без скидок, без жалоб,
О недугах своих забывать —

И весною и летом,
Зимой и осенью,
Лени не поддаваясь,
Работать,
Писать».

1956

101. ТОСТ

Имя есть на земле одно,
Нет в природе ему сравнений,
Громовых раскатов звучней оно,
Бурь сильней и землетрясений.

Тот, кто носит его, — выше гор,
Выше жизнедарящих рек.
Ярче солнца оно озаряет простор.
Это имя — Человек.

Древние преданья
о моем народе говорят.
А его советские деянья
на знаменах золотом горят!
Я — абхазец!
Сын родных ущелий,
сын земли,
где пращуры лежат.
Всякий,
кто идет к добру, как к цели,
близок мне,
как будто кровный брат!»

1957

103. ИДУ С ОКТЯБРЕМ

Было за сорок мне. И казалось,
Что дошел я до грани, где жизнь обрывалась.
Каждый день, безнадежно пытая судьбу,
Брал я тяжким трудом,
Как крутой перевал,
Будто влек за собою арбу.
Так я шел и растрачивал сердце свое,
Как последнюю горсть серебра,
Видя сам, что надолго не хватит ее
И что неоткуда ожидать мне добра...
И Абхазии участь — отчизны моей —
Затмевалась, мерцала вдали, как звезда, —
Искра малая в бездне вселенной,
С высоты неприютно надменной
Ей недолго упасть и пропасть навсегда.
Значит — правда: порой человек
Сам не знает, что рядом счастье его
И что, может быть, шаг лишь один до него.

Так, в ту пору, когда я — вот-вот —
Пасть готов был без сил,
И себя побежденным признать,
И перо уронить
В недописанную тетрадь, —
Будто под руки кто-то меня подхватил,

104. Я У МОРЯ ЖИВУ

Я у моря живу. Открыт предо мной
Необъятный простор голубой.
И когда я спускаюсь к нему, то сперва
Камни крепкие под ногой.
Дальше — галька и мягкий песок. . .
Я на волны гляжу — белеют они,
Я на горы гляжу — синеют они.
Небосвод несказанно высок,
И сверкают звезды на нем
Золотисто-янтарным огнем.
Почувствовать премудрости жизни у моря
Я сегодня хочу, чтоб корабль свой вести,
С ветром встречным и волнами споря.
Нет, не отдыха я ищу
В задушевной беседе с пучиной кипящей!
Чувства новые в ней почерпнуть я хочу.
Жить — как море в труде и борьбе
настоящей:
Неустанно ворочая глыбы камней
И немолчно шумя всею ширию своей.

1959

105. ВОСПОМИНАНИЯ О МЕЛЬНИЦЕ

Мельница шумливая, как море,
Мельница с водой на колесе.
Ей река воды давала волю, —
Днем и ночью жернова мололи,
Устали не ведая совсем.

Помню эту мельницу.
Я в детстве
Засыпал под плеск ее воды,
Как под звуки колыбельной песни.
Неустанно жернова мололи. . .
Мельница шумливая, как море.

Мельница и люди в чем-то схожи.
Мне б такую мельницею быть,

День и ночь вот так трудиться тоже,
Чтоб на славу людям послужить.

Нет прекрасней этого желанья:
Жить для неустанного труда,
Чтобы о тебе воспоминанье
Тоже не исчезло никогда.

1959

106. НАД МОРЕМ

Словно орел, распростерший черные крылья,
Медленно туча над морем кружит,
Ветер, сорвавшийся с гор,
Вырывает ей черные перья.

Там, между морем и тучей,
Я вижу на небе точку,
Она всё ближе и ближе,
И вот жужжащий кружочек
Летит над моей головою.

Летит самолет серебристый,
На морского орла похожий,
Действительно, очень похожий,
Но только летит он так быстро!

Летит человек! Я вижу —
Скользит над пучиной гневной,
И разум его обгоняет
Стремительный бег вселенной.

1959

107. СТАРИКУ

Пускай все люди говорят — ты стар,
Слабы колени, сгорбленным ты стал.
Ну а в глаза твои кто бросит взгляд,
Тот убедится, как зрочки блестят,

Когда ты смотришь на вершины скал.
Все говорят, дружище, про года.
А сердце слышали они твое?

Нет или да?

Конечно нет!

Горит огонь нетленный,
Ты проникаешь мыслью дерзновенной,
Как острою ракетой — в глубь вселенной,
Где и твоя звезда горит, твоя звезда!
Пусть люди говорят,

что стар ты стал,
Но с юных лет ты ум свой, как кинжал,
Оттачивал. И потому он прочен,
Не знает устали ни днем ни ночью, —
Доныне молод, закален, отточен
Кинжала нержавеющей металл.
Дружище, ты не стар, совсем не стар!
Лишь только не давай, чтоб сердца жар
Угас, и не давай покою,
Ни сердцу, ни уму.

Тревогою такую
Ты сохранишь весны бесценный дар.
Дружище, ты не стар, совсем не стар!

1959

108. НАСТАВЛЕНИЕ

Подняться
На заре спешу.
И кудри
Гребнем расчеши.
И чистой
Ключевой водой
Лицо ты
Тщательно умой.
Рубашку
Чистую надень.
Потуже
Затяни ремень.
«Спасибо!» —
Завтрак съев, скажи.
И в школу
Быстро путь держи.
И помни:
В школу ты пошел,
Чтобы учиться
Хо-ро-шо!

1910

109. «ПОСЧИТАЛА»

Как-то Хыш ленивой дочке
Поручил цыплят и квочку.
Та считать цыпляток стала
И пятнадцать насчитала.

Но повадился на двор
К ним являться ястреб-вор.
Как мелькнет крыло его —
Нет цыпленка одного!

И соседкам про воришку
Говорила дочка Хыша:
«Ястреб совесть потерял —
Всех цыплят перетаскал.
От пятнадцати, вот жалость,
Двадцать лишь всего осталось!»

А соседки почему-то
Говорят: «Так это ж — чудо!
Зря ты ястреба ругаешь,
Если правильно считаешь —
Каждый раз тебе на двор
Приносил цыпленка вор!»

1924

110. МАРТ И ПАСТУХ

(Легенда)

Всех измучив непогодой шалой,
Наконец-то март решил уйти. . .
Коз своих пригнал пастух в кошару,
Вымокнув до нитки по пути.
И, одежду в шалаше повесив,
Март ругал он, не жалея слов.
Тот услышал, вспыхнул, полный спеси,
Стал от злости черен и суров.
И, остановив апрель идущий,
В долг три дня он у него забрал,
И метелью, день и ночь метущей,
Он в кошаре коз замуровал.
Те и так весь март почти не ели,
А попав в метельный плен теперь,
С голода как будто озверели —
Стали бляеть, прыгать, рваться в дверь.
Но пастух и тут не растерялся —

В кожаный бурдюк, смеясь до слез,
Он кота, хоть тот сопротивлялся,
Сунул и повесил среди коз!
Кот орет, мяукает и бьется.
Козы перепуганно дрожат.
Вся отара в страхе к стенке жметя, —
Ей не до еды, как говорят!
Так они три дня и просидели.
А когда истек волшебный срок,
Вместе с ним под солнышком апреля
Снег слезами быстрыми истек.
И пастух, апрелю улыбнувшись,
Выгнал стадо глупое свое,
Развязал бурдюк, и кот, метнувшись,
Капул, как и март, в небытие.

1930

111. ВЕСНА

Сошли снега. Морозы скрылись.
Набухли почки там и тут.
И соки к веткам устремились —
Вот-вот их с треском разорвут.

Пришло труда и песен время.
И, чуду дивному под стать,
Ложится мертвым в пашню семя,
Чтобы живым оттуда встать.

1930

112. ЗИМА

Буран леденящий всю ночь завывал.
Пруды и озера он в лед заковал.
На зелень долии и на осыпи круч
Обрушил он снег из взлохмаченных туч.

И мальчик увидел, проснувшись с зарей,
Как солнце алеет над белой горой.

Тепло он оделся и в школу скорей
Помчался привычной дорогой своей.

И первым оставил следы на бегу
На белой и чистой тетради — снегу.

1932

113. ПЧЕЛА И МУХА

Муха, встретившись с пчелою,
Ей сказала: «Ах, бедняга,
Нет весь день тебе покою,
Нет и ночью, работяга!
То ты за водою мчишься,
То несешь нектар тяжелый.
То в тычинках ты пылишься,
То ты кормишь юных пчелок.
Всё другим — и труд, и сладость,
А себе — лишь каплю меда...
Ну, а я — себе на радость
Развлекаюсь беззаботно.
Не тружусь, а пир горою
Для меня и днем и ночью.
И твоим медком порою
Я балуюсь, между прочим!..»
— «Да, всё это мне известно! —
Ей пчела в ответ сказала. —
Что нахлебницей бесчестной
Испокон веков ты стала.
Что разносишь ты заразу.
И тебя, как паразита,
Люди, встретив, гонят сразу...
Так пока ты не убита,
Может, правильнее будет
По-иному жить на свете —
И себе добро, и людям
Приносить до самой смерти!»

1933

114. СТАРИК И МАЛЬЧИК

Пошатываясь, сгорбившись, идет,
На посох опершись, старик глубокий.
И тяжек каждый шаг его вперед.
Боясь упасть, он еле движет ноги.

И мальчик, что стоял невдалеке,
Воскликнул звонко, к маме повернувшись:
«Смотри, ведь он шагает налегке, —
Так что же он едва ползет, согнувшись?!»

«Нет, сын, его сгибает тяжкий гнет,
Но не увидишь ты его до срока, —
Знай, на своих худых плечах несет
Сто бесконечных лет старик глубокий.

От молодых закрыта ноша та,
Какие б ни вели об этом речи.
Но если сам ты доживешь до ста,
То взвалишь этот груз и ты на плечи!»

1934

115—123. В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ

1

ПРО СОЛНЦЕ

С неба смотрит Солнце
Миллионы лет.
Льет на землю Солнце
И тепло и свет.

Но посветит Солнце
И уходит прочь,
А живое сердце
Греет день и ночь.

Значит, сердце лучше
Солнца самого.
Никакие тучи
Не затмят его!

ПРО ЛУНУ

При Луне у нас в горах
Прогуляться хорошо.
Ну а как ходить впотьмах,
Если ночью дождь пошел?

Есть в колхозе новый дом,
Невелик и невысок.
Он во все концы кругом
Шлет по проволоке ток.

Если ночь у нас темна,
Не сидит народ впотьмах:
Не одна теперь Луна —
Много лун у нас в горах!

ДОКТОР И СТАРИК

Высока деревня наша.
Хоть мала, да высока.
Звезды ясные над нами.
А под нами — облака.

Ходит доктор по тропинкам,
Не боится он дождя.
«Эй, смотрите, не болейте!» —
Говорит он, уходя.

Есть в деревне дед столетний.
Он на доктора сердит.
«Не даешь ты человеку
Расхвораться!» — говорит.

РОДНИК

В былое время под горой
 Родник единственный бежал.
 К нему народ ходил толпой —
 Водил коней на водопой
 По вековым ступеням скал.
 И всё селение водой
 Родник поил и умывал.

До родника спускаться — час,
 Потом наверх взбираться — час.
 И воду брать, нагнувшись, — час,
 И отдыхать, вернувшись, — час...

Так был далек
 Тот родничок,
 Что под горой бежал у нас.
 Но родники с недавних пор
 Пошли по трубам в каждый двор:

И у Сагясы есть родник,
 И у Дауда есть родник,
 У деда Кана есть родник,
 Да и у Баты есть родник.

И говорит нам Кан-старик,
 Отпраздновавший сотый год:
 «Ну и хорош у нас родник
 По имени Водопровод!»

НОВЫЙ ДОМ

Есть новый дом в деревне. До ворот
 К нему дорога ровная ведет.
 Ребятам отдан этот новый дом —
 В нем школьники проводят день за днем.

И каждый день в горах издалека
Мы слышим трели школьного звонка.
На школьников глядит столетний Қан
И говорит соседям-старикам:

«Смотрите-ка, соседи, кто идет!
Вот будущий учитель, садовод,
Вот инженер, моряк, художник, врач,
А это офицер несется вскачь...»

А может быть, когда придет пора,
Окажутся у нас профессора!»

И старики с почтением глядят
На новый дом, на стриженных ребят.

6

ДЕДУШКИН ЗАКАЗ

Сто километров горного пути
Пройдешь, чтобы до города дойти.
Легко бежит по скалам молодежь.
А в старости так быстро не дойдешь.

Идет до ближней почты старый Қан,
Снимает в будке трубку старикан
И задает всего один вопрос:
«А почему нет в лавке папирос?»

«Казбека» нет, и «Беломора» нет.
И слышит он из города ответ:
«Пожалуйста, простите. Завтра днем
Мы несколько вам ящиков пришлем!»

7

ТЕЛЕСКОП

Построил школьник телескоп
(Тринадцатый мальчишке год),
И по уступам горных троп
К нему во двор спешит народ.

Соседи смотрят в вышину:
«Эх, полететь бы на Луну!
Так хорошо она видна —
Недалеко от нас Луна».

До поздней ночи о Луне
Идет беседа в тишине:
«Побыть бы там хотя бы раз,
Потом обратно — на Кавказ!»

8

НАШ ОФИЦЕР

Приехал стройный офицер
К нам с рубежей СССР.
Домой приехал отдыхать
И навестить отца и мать.

Соседям отдает он честь,
И каждый просит: «Заходи!»
И орденов не перечесть
У офицера на груди.

Ребята ходят вслед за ним,
И каждый юный пионер
Мечтает вырасти таким,
Как этот смелый офицер.

9

ЧАСЫ

И на руке и на стене
Верны часы у нас.
Они покажут вам и мне
Один и тот же час.

Едва лишь полночь настает,
Советская земля
Своих часов сверяет ход
С курантами Кремля.

Сейчас зима и тишина.
Над нами — звезды и луна,
Под нами — тучи пелена,
 Густой туман ночной...
Но знаем: с нами вся страна
 И мы со всей страной!

1953

124—128. ЛЕТО В ГОРАХ

1

АБХАЗИЯ

Абхазия — моя страна,
Средь гор крутых лежит она,
Вся ярким солнцем залита...
Над нею неба высота
Чиста.

Гулять под солнцем хочешь ты —
Спешి сюда, мой друг.
Ты любишь фрукты и цветы —
Они растут вокруг.
Мы гостю рады от души.
Ты хочешь к морю — поспеши
В Абхазию, на юг.

Спеши увидеть поскорей,
Хотя б на малый срок,
Счастливой родины своей
Счастливый уголок.

2

ТРОПИНКА ТУРИСТОВ

Есть тропинка на горе лесистой,
По тропинке той идут туристы,

И никто не обойдет стороной
Родничок под тонкою сосенкой.

Словно приглашает: «Пей, прохожий!» —
Родничок, на зеркало похожий.
Кто пройдет тропинкой, тот нагнется
И всегда из родника напьется.

Вот пришли ребята из столицы
И свои в нем увидали лица.

Отразились в нем попеременно
Белорусы, латыши, туркмены.

А за ними следом и другие
Наши люди, братья дорогие.

Мал родник, но он течет, не тужит,
Он со всей большой страной дружит.

3

МАШИНА

Что плывет там выше тучи
И грохочет, словно гром?
Что сверкает там над кручей
Ослепительным огнем?

То машина на вершину
К нам спешит во весь опор,
И горят глаза машины,
Словно молнии среди гор.

Это славный город Горький
Преподнес подарок нам.
Шла машина в степь на зорьке —
Нынче мчится по горам.

Мчится быстро, без опаски,
Как крылатый конь из сказки.

НА МОРЕ

В Москве

Уже осени ранней приметы. . .

У нас еще солнце,

У нас еще лето.

И если наскучили

Горы вокруг,

Есть Черное море,

Хороший наш друг.

А сколько детей на его берегу!

Я многих, ребята, назвать вам могу:

Танюша, Тамара,

Натэла, Зульфара,

Петро, Михаил,

Зураб, Исмаил.

Кастусь и Аленка, Ванюша и Смел,

А всех я запомнить, друзья, не успел.

Проходит вдоль берега,

Воду колыша,

В сторонке от пальм,

Винограда и вишен,

Цветов и садов,

Что плодами покрыты,

Родной черноморский

Корабль знаменитый.

Высокий, сверкающий,

Мощный, красивый,

Большой теплоход

Под названьем «Россия».

И машут ручонками

С пляжа, с бульвара

Танюша, Тамара,

Натэла, Зульфара,

Петро, Михаил,

Зураб, Исмаил,

Кастусь и Аленка, Ванюша и Смел,
А всех я запомнить, друзья, не сумел.

Чудесно в горах и на вольном просторе
У самого синего Черного моря.

б

ВИНОГРАД

Сижу под кустом винограда,
Где солнце не светит в глаза.
Колышутся листья тихонько,
И гибкая вьется лоза.

Я осенью ягоды выжму
И сока густую струю
Заставлю в вино превратиться,
В бутылки вино разолью.

И это вино золотое
Во все разошлю я края,
Чтоб взрослые выпили дружно
За ваше здоровье, друзья:

Танюша, Тамара,
Натэла, Зульфара,
Петро, Михаил,
Зураб, Исмаил,
Кастусь и Аленка, Ванюша и Смел,
И все, чьих имен я назвать не успел.

Чтоб вы подрастали скорее
На радость любимой стране,
На радость народу родному
И маме,
И папе,
И мне.

1954

1

ЛЕВ

Сила у льва велика,
Лапой он свалит быка.
На части его разорвет
И кости его разгрызет.
 Хищный зверь,
 Красивый зверь,
 С длинною гривой,
 Сильный на диво.

2

СЛОН

Очень силен
Добродушный слон,
Он и льва самого посильней.
 Он ростом с дом,
 Широким лбом
 Камни толкает,
 Деревья ломает,
В хоботе бревна таскает.

3

ВЕТЕР

Вечно в полет
Мчится вперед,
Гонит тучи
Ветер могучий.
Силы в нем много,
Ярости много.
Что ветра быстрее?
Что ветра сильнее?

4

МОРЕ

Волны бьют,
Волны бьют,
Ревет морской простор.
Широких волн,
Могучих волн
Неудержим напор.

5

РЕКА

Течет,
Непрерывно течет,
Несет свои воды река.
Кружит мельничные колеса,
Отражает в широких плесах
Пробегающие облака,
То в ущельях бушует, несется,
То в полях широко разольется.
Бежит река,
Сильна река.

6

ЧЕЛОВЕК

Он слаб в сравнение со слоном,
А сколько силы в нем!
Он в клетку льва посадил,
К работе слона приучил.
И прилежен слон,
Слушается он.
Человек,
Он и ветер сумел приручить.
Ветряки заставил крутить.
Прочным молом
Дорогу волнам преградил.
И плотиной реку усмирил.

В новом русле
Река течет,
Людам свет и тепло дает.

Сравнивай теперь и гляди,
Кто сильнее всех — рассуди.

1955

135. СМЕЛЫЙ МАЛЬЧИК

Гром грохочет,
Молния блещет,
Ливень с неба
Яростно хлещет.
Но совсем не боюсь я грома
И от ливня не прячусь дома.
Это гром ведь гремит
Весенний!
Это ливень шумит
Весенний!
Я весною —
Веселый и смелый,
Я весною и сам —
Весенний!

1957

136. ДЕДУШКА И ВЕСНА

Очень дедушка любит солнце —
Встанет,
Греется у оконца.
Выйдет к морю,
Разложит костер,
Смотрит в синий морской простор.

Бурку сбросит,
Плечи расправит,
Догоревший костер оставит
И для внука песню поет:

**«К нам весна-а идет!
К нам весна-а идет!»**

**Дед обманывать внука не станет:
Неприменно весна настанет!**

1957

ПОЭМЫ

187. ПЕСНЬ ОБ АБХАЗИИ

Солнцем вскормленная жарким,
Напоенная горами,
Опоясанная морем, —
Это песня о тебе! . .

Как тебя враги терзали!
И толкали! И топтали!
Даже слова не давали
В горький час произнести.
Но ни разу не сдалась ты,
И свободы дни настали.
Под ее высоким небом
Ты звездой смогла взойти.

Так забыть века страданий?!
Не сказать о черной силе,
Что века народ душила, —
И чужая, и своя?!

Если мы о ней не вспомним,
Значит мы не оценили
Счастья, что пришло навеки
В наши светлые края.

В целом мире не сыскалось
Друга, чья целебна жалость,
Кто за нас бы заступился
Или просто нам помог.

Только: «Наша хата с краю!» —
По соседству раздавалось.
Вот и жег нас враг с Востока
Да и с Запада нас жег!

И о том, как век за веком
Храбрые сыны парода
Падали в боях неравных
С нескончаемым врагом,
И о том, как дым пожарищ
Поднимался к небосводу,
Вспоминать начнет абхазец —
Поневоле в горле ком.

Чтоб судьбу Апсны поведать,
Жизнь нужна длинней, чем в сказке.
Для короткой нашей жизни
Тот рассказ не по плечу.
Как разрозненные башни
Средь руин стены Абхазской,
Высятся воспоминанья,
Что поведать вам хочу...

...К нам захватчики являлись
Даже в древности глубокой.
Поэтичным мир считает
Миф о корабле Арго.
А для нас — Ясон с друзьями
Был грабителем жестоким,
И бороться с ним абхазцам
Было очень нелегко.

По проторенной дорожке
К нам ворвались византийцы...
Легионы римлян следом...
Персов рать... арабов рать...
Чтоб захваченной добычей —
Золотым руном хвалиться.
Чтоб красавиц наших светлых
В тьму гаремов запирать.

В мире, где девизом стало:
«Зуб за зуб!», «За око — око!» —

Где закон и справедливость
Были попораны в пыли,
Как тебе дышалось трудно,
Как грустилось одиноко,
Нежная моя отчизна,
Красота и честь земли.

Шли столетья, лучшей доли
Ты ждала, судьбе доверясь.
Даже злей при янычарах
Стал удел моей страны —
Триста лет кривая сабля
И такой же полумесяц
Нависали над прекрасным
И родным лицом Апсны.

И свои князья не лучше —
Им бы только жечь и грабить.
И купцы свои не лучше —
Им бы только обмануть.
Стравливали нас друг с другом,
Чтобы нами легче править,
Над душой всю жизнь стояли,
Чтоб последнее стянуть.

А когда заря сверкнула
На штыках солдат России,
Стало ясно янычарам —
Им Апсны не удержать.
И тогда они коварно
Сказкой лживой, но красивой
Стали сманивать народ мой
С ними в Турцию бежать.

Мы, мол, все — единоверцы,
Мы, мол, с вами — мусульмане
(Хоть известно, что абхазцы —
Христиане искони).
Мол, Анатолийский берег —
Нищий-то! — под стать ирвансе...
Так обманутым абхазцам
Обещали рай они.

Да и царские сатрапы
Их удерживать не стали.
(Меньше неблагонадежных
Будет, только и всего!)
Вечно ссорящимся, жадным,
Было, право же, едва ли
Доморощенным дворянам
До народа своего.

Так, измученный, гонимый,
Истрадавшийся веками,
Согнан был обманом к морю
Всеми преданный народ.
С малыми детьми собрались
И седыми стариками
Тысячи семей абхазских
У морских пустынных вод.

Многие в пути погибли.
С родиной своею милой
Тягостной они разлуки
Не смогли перенести.
Не земля родная пухом —
Стало море им могилой.
Но завидовали те им,
Кто не встретил смерть в пути.

Мертвой, выжженной пустыней
Берег был Анатолийский.
Только ворон — вестник горя —
Встретил беженцев, кружа!
Тучи, черные как полночь,
Наклонились низко-низко.
И забился от рыданий
Мутный ливень, всё круша.

И поникли махаджиры,
Головы на грудь склонили.
Что им оставалось, бедным, —
К сердцу крепко прижимать
Горсть земли, что из Отчизны
В час прощанья захватили,

Горсть земли, что их в могиле
Вечно будет согревать.

Их единственная радость
В этой мысли заключалась.
И, овеянная морем,
Горем, болью и тоской,
Из сердец их вырывалась
Песня-стон, в которой жалость
Нарастала, приближалась,
Как крутой прибой морской. . .

А на родине печальной
Очаги совсем остыли
И покрылись слоем пыли
Бочки, пилы, топоры.
Там, где прежде люди жили,
Лишь собаки жутко выли
Да бурьяном зарастали
Сиротливые двory.

Овцы, козы, даже куры
Без хозяев одичали,
Средь лесов и гор окрестных
Отыскав себе приют.
Путники, что в опустевший
Край случайно попадали,
Слушали и удивлялись:
«В чаще петухи поют! . .»

Я, который эти строки
Взял не в книгах и сказаньях,
Не со слов чужих печальный
Свой рассказ веду, друзья.
Сам прошел я через эти
Боль, обиды и страданья.
Выброшен у Трапезунда
Вместе с теми был и я.

Это я, тоской объятый,
В год для родины несчастный,
Потеряв сестру и брата,
Сам случайно уцелел.

Гибель многих, многих тысяч
Память позабыть не властна.
Разве выживших забуду
Горький тягостный удел?!

Те, кто в Турцию приплыли,
Поняли, что их забыли —
Если можно сотни тысяч
Приглашенных позабыть!
Я могу, как очевидец,
Подтвердить, что заманили
Нас в ловушку, обманули,
Предали, чтоб погубить.

А еще и так бывало:
Мать от стужи умирала,
А ее ребенок малый
Грудь мертвые сосал.
Если же ребенок первым
Умирал, то мать устало
Вдаль глядела. Были сухи
Сумасшедшие глаза.

Иногда холодной ночью
Люди в группы собирались,
Чтоб согреться, прижимались,
Сбившись в тесное кольцо.
А зарею освещались
Мертвецы, что обнимались,
Запрокинув прямо в небо
Неподвижное лицо.

Так засеяли костями
Берег мы Анатолийский, —
Не было для махаджиров
Сева горше и страшней.
Стаи воронов угрюмых,
Что кружились низко-низко,
Нас одни не покидали
До последних самых дней!

Вот каким он оказался,
Рай имамов мусульманских.

Были целые народы
Ими свергнуты в беду.
Штормы грозные на берег
Гнали стаи волн гигантских,
Угрожавших смуть внезапно
Всё живое на ходу.

И от голода, от страха,
От страданий тех жестоких
Разбегались махаджиры,
Шли куда глаза глядят.
Но прием не лучший ждал их
В странах Ближнего Востока.
Лишь немногие в Отчизну
Отыскали путь назад.

Ну, а тот, кто в рай поверил,
Кто в пустыне жить остался,
По ночам от стужи лютой
Под лохмотьями дрожал.
А от голода когда он
На рассвете просыпался,
Возле каждого живого
Труп негнувшийся лежал.

И растаяли бесследно,
Растворились, как в тумане,
Те, кто сказкой о пирване
Заманили нас сюда,
Те, которые твердили:
«Всюду братья — мусульмане!»
Мы тех «родственников» больше
Не видали и следа.

Ложью было, что без плуга
Можно здесь засеять поле.
Подарили махаджирам
Только выжженный песок.
И огни Синопа видя,
Вспоминали люди с болью
В очаге родном погасший
Добрый жаркий огонек.

Только небеса чужие
Шаткой крышей нам служили.
И под ветром беспощадным
Задохнувшихся в пыли,
Голод, холод и болезни
Нас, как волки, окружили.
По ночам они немало
Жертв несчастных унесли.

А теперь в своей Отчизне
Мы свои имеем школы,
Где поют ребята наши,
Как весной соловьи,
Где на языке абхазском
Учится народ веселый. . .
Есть у нас свои артисты
И писатели свои.

А крестьянин наш сегодня
С мудрой книгой неразлучен.
И, с работы возвращаясь,
Услыхав издалика
Голос радио, что птицей
Вьется над отвесной кручей,
Мужественной, древней песне
Подпевает он слегка.

Так в устах певцов народных
Возродилось словно в сказке
И звучит из уст поэтов
Ярче солнечной весны
Слово нашей древней речи —
Наш родной язык абхазский,
Даже не язык, а песня
Возродившейся Апсны.

Распрямил, расправил плечи
Труженик народ наш славный.
Новой жизнью он гордится,
Рад судьбе счастливой он.
В солнечной семье народов
Он ведь — равный среди равных,

Как и наш язык, из пепла
Он ведь тоже возрожден!

И земля преобразилась —
И кипят сады цветами,
Чай, табак и апельсины
Дарит щедро нам она.
Солнцем вскормленная жарким,
Напоенная горами,
О, Абхазия родная,
К жизни ты возрождена!

Встали в ряд в папахах белых,
Словно нарты, наши горы.
Их зеленые одежды —
Склоны, сочные луга.
Как здесь много солнца, света,
Необъятного простора.
О, Абхазия родная,
Ожила ты на века!

От Ингур-реки до горных
Вод, что Псоу мчит бессонно,
Ты — в оттенках бесконечных,
Как закат или рассвет, —
Здесь и море, здесь и горы,
Здесь и доли, здесь и склоны,
Здесь — коричневый, зеленый,
Черный, синий, красный цвет.

Там, где ржавые болота
Тучей комаров звенели
И косила лихорадка
Всех безжалостной косой, —
Санатории повсюду
По-над морем забелели
И сады зашелестели
Изумрудной полосой.

Тот, кто хоть наполовину
Красоту Апсны медовой
Выразить в стихах сумеет,
Воспоет ее весну,

Значит — он поэт хороший,
Значит — он волшебник слова,
Значит — краски, звуки, ритмы
Подчиняются ему.

Выше радости народа
Есть ли радость для поэта?! —
А родной народ абхазский
Рад приходу новизны.
И сияет человечной,
Ласковой улыбкой светлой
С метами былых страданий
Мужественный лик Апсны.

С гор, где белый снег сверкает,
Но вовеки не растает,
Речки с песней вылетают,
Чтоб волной морскую стать.
И людской прибой на пляже
Целый год не умолкает,
Хоть до гор, покрытых снегом,
От него — рукой подать.

И цветет зимой и летом
Аква — добрый мой Сухуми,
И напевы гордых песен
В горы гордые летят.
Песни древности глубокой
И сегодня так же юны.
В лад взволнованные струны
Им апхиарцы звенят.

Но всё больше новых песен
Из души народа рвется
И о том, что пережито,
И о том, чем мы живем.
В них о ярком, величавом
Нашем времени поется.
Юность в нем — неистребима,
Новизна — всеильна в нем.

Рассказать народу в песне
Так мне хочется о многом!

В летопись Аpsны цветущей
Лепту и свою внести.
Чтоб мой стих достиг потомков,
Как журчание истока,
Что реку сопровождает
По всему ее пути!

Конец 1930-х годов

Напоенная ливнем щедрым
 И овеена летним ветром,
 Солнцу рада была земля...
 Тихим шелестом нас встречая,
 Урожай большой обещая,
 Зеленели наши поля.
 Пели птицы в саду кудрявом,
 И плоды наливались соком,
 И стадам поклонились травы
 На колхозном лугу широком...

Нашу родину прославляя,
 Жили жизнью мы трудовой,
 Жили мирно; горя не зная,
 Шли дорогой своей прямой...

Землю в рассветный час
 Грома удар потряс...
 Где же ты, солнца луч?
 Выгляни из-за туч!..

Что это там за птицы,
 Меченные крестами,
 Перелетев границу,
 Злобно ревут над нами?..
 На государство наше
 Свора напала вражья —
 Жжет города и села,
 Нивы, заводы, школы...
 Нас на борьбу с врагом
 Родина-мать зовет.
 Грозен
 в гневе своем
 Миролюбивый народ...

Рыжий гитлеровец, родом из Берлина,
 В дом колхозницы вломился утром рано:
 «Отвечай, старуха, где ты прячешь сына!
 Признавайся, где ты прячешь партизана! . . .»

На стене фашист увидел два портрета:
 Рядом с Пушкиным — великого Тараса. . .
 То ль от злобы, то ль от страха он затрясся:
 «Это кто, скажи! Не коммунисты ль это?!»

Стал приказывать откормленный верзила:
 «Слышишь, баба? Дай-ка мне яиц и сала!»
 . . .Ничего ему старуха не сказала,
 Только плюнула в его свиное рыло. . .

Долго свора палачей ее пытала. . .
 Мглу рассеяв, снова день пришел с востока.
 И в лучах рассветных виселица встала
 Посреди села, на площади широкой. . .

И услышали фашисты от старушки,
 От колхозницы седой, слова такие:
 «Танки есть у вас, у иродов, и пушки,
 Но сильнее, чем вы, Советская Россия!»

Чингисхан ограбил много стран —
 Он добыл себе худую славу. . .
 Но в сравненье с Гитлером кровавым
 Выглядит ягненком Чингисхан. . .

Чашу горя нам до дна испить
 Довелось в годину отступленья. . .
 Трус шептал: «Фашистов не разбить. . .»
 Трус шептал: «Нам больше нет спасенья. . .»

Нет!
Вовек не станет на колени
Наш народ!
Его не покорить!

1
Беженцы, из сердца вырвав жалость,
Всё свое добро в те дни губили,
Чтоб оно фашисту не досталось,
Чтобы в их домах враги не жили. . .

Нет!
Она не стала на колени,
Гордая Советская страна!
За судьбу грядущих поколений
Кто в ответе?
Лишь она одна.

6
О славная Москва!
О городов глава!
Всё знаешь ты, Москва!
Всё видишь ты, Москва!
У стен твоих — враги,
Но их тебе ль страшиться —
Страны большевиков
Могучая столица!

Неодолимая!
Нас кличешь в битву ты. . .
Фашисты хвастались,
Что видно им в бинокли
Дворцы столичные,
И парки, и мосты. . .
Ты поднялась на бой —
И хвастуны умолкли
От грохота твоих
Карающих орудий!
Державу от врагов
Ты заслонила грудью.

Дыханье затанв,
Смотрел весь мир на бой,
На трудный этот бой:
«Что станется с Москвой? . . .»

Шли люди из степей,
Шли из-за гор лесистых
К столице родины,
Чтоб дать отпор фашистам.
Оружие бойцам
Ковал бессонный тыл,
Уральских пушек гром
В Москве победно грянул —
И зашатался враг,
И от испуга взвыл,
Как волк затравленный,
Облизывая раны. . .

7

Величественный Ленинград,
Москвы достойный верный брат!
Ты полон сил, суров и горд,
Стоишь, красуясь над водой.
Враг до твоих дошел ворот,
И принял ты неравный бой. . .
И слово дал тебе народ,
Что он в борьбе — един с тобой.
То слово наш народ сдержал.
И вот стоишь ты, как стоял.

8

О Севастополь, город храбрецов.
Прославлен ты на вечные года!
Тобой земля советская горда.
О мужественный!
Нет таких певцов,
Кто б мог воспеть все подвиги твои,
Невиданно тяжелые бои! . .

Прославлен тот, кто голову сложил
За то, чтоб край родной привольно жил!

Бессмертны севастопольцы-герои!
Призывы партии от боя к бою
Несли с собой, несли в сердцах своих...
Примером нам отвага служит их.

Наш Севастополь будет вновь таким,
Каким он был...
Мы вновь его построим.
Потомки, поклонясь при встрече с ним,
Его по праву будут звать героем!

•

То не волки
Рыщут в поле чистом —
Рвутся к Волге
Наглые фашисты.

Мины воют, слышен танков скрежет, —
К Сталинграду путь громилы держат.

Весь в огне великий волжский город...
Враг кричит: «Он будет нашим скором!»

Человек во фраке, сухопарый,
Смотрит, усмехаясь, на пожары.
Карандаш в холеных пальцах вертит:
«Близок час твоей, Россия, смерти.
Разве можно в этом сомневаться?
Жить тебе осталось дней пятнадцать...»

Корреспондент!
Не вам о том судить,
Кто будет жить
И кто не будет жить!
Кто выстоит — еще мы поглядим, —
Великий Сталинград непобедим!

...То не волки
Воют в поле чистом —
Прочь от Волги
Пятятся фашисты!

10

Могуч ты, наш Кавказ!..
Проходит век за веком,
А горы, как и встарь,
Покрыты льдом и снегом...
Ты видел много зла
И стал седым, Кавказ, —
Царь угнетал тебя,
И грабил местный князь...
Шли на тебя войной
Арабы, турки, персы...

Но пламя мужества
В твоём пылало сердце!
И вражьи полчища
Одолевал народ —
Разрушил царский трон
И победил господ, —
О племя смельчаков!
О богатырский род!

И вот опять — война...
Пошли твои сыны
На битву правую
За честь родной страны.

И дал народ своим
защитникам наказ —
На бой за родину
поднялся весь Кавказ.
Врага разбили мы —
Абхазец с русским братом,
Грузин и армянин
С азербайджанцем рядом.

Чем же в этих великих боях сильны
Нашей родины дочери и сыны?

Обратится с вопросом таким ко мне
Внук мой шустрый, не знающий о войне.

Я ему расскажу о моих друзьях,
О сраженьях былых, о суровых днях. . .

Спросит внук:

«Ты рассказывал сказку, дед?»
— «Нет! —
отвечу я внуку. —
Не сказку! Нет!

Совершали

друзья мои

чудеса,

Смерть не раз им заглядывала в глаза. . .

Но бесстрашны они,

Люди нашей страны,

Крепкой спаяны дружбой,

Отчизне верны!

Да!

Бессмертны они,

Люди нашей страны,

Коммунизма ученьем

Они сильны!»

189. ИЗ ПОЭМЫ «ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ»

ПИСЬМО

Письмо дрожит в руке у Чагу.
Печальна, радостна ли весть?
В тревоге смотрит на бумагу:
Письмо — и некому прочесть!

В года былые школ не знали.
Теперь вот дочку надо ждать.
Сосед? Он мог бы... но едва ли
Соседа сможет он застать!

Письмо из армии, от сына.
Куда заброшен он войной?
Пожалуй, пишет из Берлина?
Узнать бы: скоро ли домой?

Весть в школу ласточкой влетела;
Сумели дочке знак подать,
Что дома ждет письмо от Смела,
Что ждут ее отец и мать.

И слушают письмо от сына
В тени чинары старики:
«Приеду скоро из Берлина...
Здоров я... раны все легки...»

Сошлись у дома, под чинарой,
Друзья, соседи, стар и мал.
Из погреба бочонок старый
На радостях отец достал.

Бежит веселая беседа.
Письмо прочитано сто раз.
Почтен столетний возраст деда.
Прослушан не один рассказ.

Спустился вечер. Потянуло
Прохладой с потемневших гор.
И трактора железным гулом
Наполнился колхозный двор.

Об отдыхе подумать впору.
«Прощай уж, Чагу, надо спать...
Приедет Смел, должно быть, скоро...
Вот радость: сына повидать!..»

Но добрый час прощанье длится.
Разводит ночь всех по домам.
И ночь. И утро. Да не спится
В домишке Смела старикам.

ПРИЕЗД СЫНА

Туман истаял над долиной.
Тропа ведет на перевал.
Встречает путника орлиный
Приветный клёкот. День настал.

Дуана. Вот и кров родимый
Уже завиделся вдали.
Проходят балки, рощи мимо...
Пьянит дыхание земли.

Тропа, поросшая травой...
И папоротник меж кустов...
Четыре года за спиною
Походов, славы и боев.

И вот опять в приветном шуме
Ключей родные голоса.
И веет ветер из Сухуми,
Целует щеки, волоса.

Прибавилось плантаций чайных,
Пока он был на стороне.
Шагают по полям комбайны.
Сады фруктовые в огне:

Пылают персики, гранаты
И мандарины. Этот год,
Должно быть, урожай богатый
Народ в колхозах соберет!

И радость сердце наполняет,
И, ног не чуя под собой,
Смел песню громко запеваает.
И скалы вторят песне той.

ПЕСНЯ СМЕЛА

Уарада-рада-ра!
Ахахайра-рада-ра!
Храбрым и смелым
у нас почет,
Слава джигита ждет.
Враг ли коварный
На нас нападет —
На нашей земле
Смерть он найдет!
Ахахайра-ахахайра!
Враг подавился
чужой землей!
Джигит возвращается
домой!

Встретит джигита
Радостно мать.
Выйдет невеста
Его встречать.
Уарада-рада-ра!
Уарада-рада-ра!

Под песню молкнет нетерпенье,
Дорога стелется ковром.
В родное входит он селенье,
Вот и его родимый дом.

Кто жив-здоров? Кого не стало?
Мать и отец? Сестренка, брат? . .
Воды ведь утекло немало,
Пока в походах был солдат!

Что там за новое строенье?
Как будто школа? Знатный дом! . .
Шум мельницы? Да, без сомненья!
А не было ее при нем!

Громадный пес из-под амбара
Залаял громко, не узнал.
Какой он стал лохматый, старый,
Каким он басом лаять стал!

В то время за столом сидела
Семья.

«Смел! Смел!» — вскричала мать.
Все выбежали встретить Смела.
Как вырос он! Какая стать!

Двор родственниками, друзьями
Наполнился.

«Приехал Смел!»
И радостными голосами
Дом Чагу вскоре загудел.

пир

По случаю приезда Смела
Готовит Чагу пир горой.
Не шуточное это дело —
Делиться радостью такой!

И вот уж гости за столами.
Пока развяжет языки

Вино, степенными речами
Пир открывают старики.

За Смела пьют и поздравляют
Его с приездом. Заодно
И всей его семье желают
С веселым сердцем пить вино.

Доходит очередь до песен.
Лезгинки настает черед!
И каждый, как на свадьбе, весел —
Поет, танцует, ест и пьет.

Недолго взгляд тревожный Смела
Гостей с надеждой обводил,
Вот Хикур!.. Как похорошела!
А он — всё так же ли ей мил?

Спросить ее? Сейчас не время...
Понять, прочесть любимой взгляд!
Сомнений непосильно бремя,
Сомненья Смела тяготят.

Под взглядом Смела заалела,
Как роза, Хикур, взоры ниц,
Но черный глаз сверкнул несмело
На Смела сквозь вуаль ресниц.

Тянул из рога молчаливо
Вино душистое Темраз.
Потом он спел. Потом шутливо
Повел о девушках рассказ:

«Одна — как ветреная птица,
Ей только бы пощебетать;
Другую весь колхоз гордится,
Лишь Хикур ей одна под стать».

Тут Смел сказал: «Когда-то пели
При сборе чайного листа
Одну мы песню. В самом деле,
Та песня просится в уста!»

ПЕСНЯ СБОРЩИКОВ ЧАЙНОГО ЛИСТА

Лазурное небо над нами.
Земля — зеленый ковер.
Любуются с моря горами
И морем любят с гор.

Дни, ласковым солнцем согреты,
Златой дорогой бегут,
Долины прекрасны эти!
Почетен и радостен труд!

Темраз налил свой рог до края,
Взял слово и сказал: «Друзья!
Хоть пил за Смела я, желаю
За Смела выпить снова я.

Большая радость: он — меж нами.
Как прежде, здоров и невредим.
Он — воевал, но мы трудами
Идти старались в ногу с ним.

Нам за себя нельзя стыдиться:
Колхоз наш рос и богател,
И многим может он гордиться
И многого достичь сумел.

Строительство водопровода
Закончили. Растили чай.
Войдем в десятый месяц года
Мы с лампочкою Ильича.

Я пью за то, что возвратился
Наш Смел и что войны уж нет...
И пью за то, чтоб он женился
На той, что ждет его пять лет!»

«Да здравствует!» — все закричали.
И каждый свой стакан долил.
Искать глазами Хикур стали
В толпе девиц... И след простыл!

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Отмеченный трудами, славой,
Уходит сорок пятый год.
В саду, шурша листвою ржавой,
Срывает осень зрелый плод.

Прекрасна осень золотая —
Хозяйка рощ, садов, полей,
Властительница урожая,
Блюстительница трудодней!

Подводит нелицеприятно
Она итог людским трудам.
Да, можно потрудиться знатно
Здесь, как трудился Смел и там.

Он бригадир. Его бригада
Прославилась на весь район.
Ночная не сошла прохлада,
А на ногах давно уж он.

Спустился вечер, ночь лавиной
Упала. Звать пришла сестра. . .
На грядках Смел иль со скотиной —
Последним сядет у костра.

В районе он по сбору чая
На первом месте, и о нем
В газете пишут, отмечая
Успех, достигнутый трудом.

И вдруг в газете. . . Что такое?!
Газетой оповещено,
Что Смелу звание Героя
За подвиг боевой дано.

Сошлось у Чагу всё селенье, —
Случился праздник тут как раз, —
Пошли расспросы, поздравленья.
Все Смела слушают рассказ.

«За что высокая награда?
Какой был подвиг боевой?
Сказать об этом прямо надо:
Любой солдат у нас — герой.

Дай каждому из нас гранату,
Скажи: «Танк вражеский подбей», —
Раздумывать нельзя солдату,
Пойдешь — и никаких гвоздей!

Там, правда, целых три их было...
Смекаю: три на одного!
Бац! Чудище, как зверь, завыло...
Второе лезет — и в него!

Для третьего гранат не стало —
Горючей жидкостью поджег.
Геройства тут, ей-богу, мало —
Иначе поступить не мог!»

ДЕПУТАТ

Алее роз слова плаката.
Все. Никого в отлучке нет.
Народ собрался депутата
В Верховный выбирать Совет.

Старик с седою головою,
Большой, могучий, как утес,
Темыр поднялся над скамьею
И речь такую произнес:

«Должны мы, знаете вы сами,
Друзья, достойного избрать.
Достойных много между нами,
Не трудно многих указать.

Но кто у нас достойней Смела?
За Смела голос подаю.
Он показал себя на деле —
В трудах колхозных и в бою.

Уже он был за подвиг бранный
Наградой высшей награжден,
Отмечен ею как избранный, —
И этим труд наш облегчен.

Наполовину вам подсказан
Наш выбор: Смел — джигит, герой.
Но также каждый знать обязан
Его со стороны другой.

Я равного ему не знаю!
Средь бригадиров... равных нет!
А потому я предлагаю
Послать в Москву его, в Совет!»

Поправилась всем речь Темыра —
Умнее речи не сказать,
И все за Смела-бригадира
Пошли гурьбой голосовать.

И Мкыд и Чагу рассудили,
Что лучшей пары не сыскать,
Чем Смел и Хикур. Порешили
Немедля сватов засылать.

Нехитрым старикам казалось,
Что обрученных удивят, —
А Смел и Хикур столковались
О свадьбе много дней назад.

И вот желанный день приходит —
Пять лет его пришлось ведь ждать!
И Смел, счастливец, Хикур вводит
В свой дом, чтоб мужем Хикур стать.

Кому пришлось на брачном пире
У Смела быть, тот, как и я,
Вам скажет, было ль в целом мире
Такое пиршество, друзья!

И вновь труды. И вновь заботы.
И сборы, проводы — должна

Лететь в Москву на самолете.
И Хикур, нежная жена.

Сошлись их проводить заранее
Все, кто проститься захотел, —
Друзья, родня, односельчане. . .
В путь! До свиданья, Хикур, Смел!

Высоко самолет поднялся.
Сон или сказка наяву?
Вниз смотрит Хикур, дух занялся:
«Летим, о Смел, летим в Москву!»

1947

140. МОЙ ОЧАГ

Быль минувших времен
в моей памяти вечно живет.
Лишь закрою глаза — вспоминается он,
черный год!
Сердце гулко стучит, будто молотом бьет,
сердцу хочется выскочить вон.
Может, сном эта тяжкая повесть была?
Нет, какие тут сны!
Горько пахнет зола.
Эти камни от дыма черны —
старой жизни печать
на морском берегу...
Ни забыть, ни молчать
я о ней не могу. Не могу!
Смерть косила тогда, как траву, наяву
мой народ,
 в страшный год,
оскверненный насильем, кнутом и тюрьмой: —
тысяча восемьсот
семьдесят восьмой!
Быль минувших времен
в моей памяти вечно живет.
Лишь закрою глаза — вспоминается он,
черный год!
Сердце гулко стучит, будто молотом бьет,
сердцу хочется выскочить вон.

Село Уарча. Деревянный дом.
Листва густая. Море да песок.

Родился мальчик — звонкий голосок! —
в семье абхазской, в мирном доме том.
Он рос, как всё живое, день за днем,
не быстро и не медленно, а в срок,
и вот однажды выговорить смог
«сан» — матери и «саб» — отцу потом.
Играла с ним кудрявая сестра,
была к ребенку бабушка добра,
и как могли — нет, больше, чем могли, —
лелеяли его и берегли.

Что выше человеческой любви
есть на земле? Попробуй назови!
Дивился мальчик: чуден белый свет —
морской прибой, крик чаек, шум бесед,
полет орла за мелкой птахой вслед,
коров мычанье, петуха фальцет. . .
И был ребенок ласкою согрет.
Он рос у очага старинных лет
(пусть бедного — гостеприимней нет),
беречь его произнесли обет
дед мальчика того и деда дед.
Но было странно детскому уму:
жил человек в родительском доме
с одной ногой;
а вместо той, другой, —
ореховая,
крепкая,
прямая
сухая деревяшка, не простая:
отец ее вытачивал три дня.
И, сделав «ногу» гладкой и блестящей,
приладил другу вместо настоящей
обрывком сыромятного ремня —
и вот одна нога заменена. . .
А ведь у человека быть должна —
да и была бы, если б не война,
но никогда не вырастет она —
вторая,
живая,
большая,
мужская,

такая мускулистая нога,
что шаг ее, как три моих шага,
Григорий, или дядя Гиргуал,
вошел к нам в дом — и лучшим другом стал:
жил год за годом под абхазской крышей
солдат бывалый, русский парень Гриша.
У нас в семье он бабушке был сыном,
его считал отец мой побратимом,
и братом — мать, и кумом — вся родня,
любимой нянькой был он для меня.
Стучала деревянная нога. . . .
Он другом был родного очага.
(пусть бедного — гостеприимней нет!),
и он любил его тепло и свет,
как мой отец, как дед, как деда дед.
Вот кто он был, тот самый Гиргуал,
солдат, что в битвах ногу потерял,
у нас в дому нашедший отчий кров
Григорий по фамилии Петров.

Село Уарча. Деревянный дом.
Была семья. Жила своим трудом,
Земля давала много хлеба,
и воду проливало небо,
и соли вдосталь в море было.
Тепло из леса приходило,
и наша дичь в лесу бродила.
Всё есть, коль трудится семья:
отец со лба стирает пот,
забот у бабки полон рот,
к рассвету Гиргуал встает,
не спит ночами мать моя,
и сплю один лишь только я.

Я помню вечера свои
под деревом, в кругу семьи.
Мы пели песни про героев,
про их дела, про их бои,
про то, как тетива туга,
про то, как смелый бьет врага.
И долго не смолкала песня

у очага,
у очага.
А когда запевал Гиргуал
и до неба напев достигал,
была нам песня дорога,
и хор абхазский дружно пел:
«Ревела буря, гром гремел», —
и русской песней сердце грел
у очага,
у очага. . .

В том году
весть пришла, предвещающая беду,
весть, что народом с тревогою встречена.
Слышно — с Россией воюет Туретчина,
стонет берег морской,
стонет Черное море,
льются слезы кровавой рекой,
людям — горе.
Гасят жизнь человечью, как пламя свечи.
Со штыками скрестились кривые мечи.

Известья долетали к нам в село
сначала редко. А потом пошло!
Уже я слышу: выстрелы звучат
всё чаще, чаще — словно крупный град
по нашей кровле лупит наугад.
И над Сухумом дыма пелена,
в огне над Очамчирами луна,
и над Уарча
зареве всё ярче —
шагает по Абхазии война.
Вот в это время дядя мой Кучор
стал жить у нас —
упрямых черных глаз,
как угли в очаге, горящий взор,
и цвет лица белее молока,
и молодецкий рост до потолка. . .
Приметил я, хоть был в ту пору мал,
как по-солдатски ловко, со сноровкой,
он чистил допотопную кремневку
и перед боем сердце закалял.

Во всех домах народ, осилив страх,
событий ждет. . .

Так грома ждут в горах,
когда повиснет мгла над головой
в тяжелой духоте предгрозовой.

И вот в Уарча прилетает весть,
что высадились турки где-то здесь,
что грабят нас в огне пожаров,
что гонят в плен, в чужие страны,
что ни солдат, ни янычаров
не жалко хищному султану.
Явились турки за паживой
в паш край абхазский не впервые. . .
И снова встали махаджиры
перед народом, как живые.
Их сладкой речью обманули,
их свистом оглушили пули,
они отчизну потеряли,
они, бежавшие в печали,
искали счастья. . . А нашли
лишь смерть от родины вдаль.

Мой отец говорил нам тогда:

«В те года

Люди двинулись с гор,
и народом, пришедшим на сбор,
как песком, был усеян прибрежный простор.

Люди ждали, когда же придут корабли,
как явленья пророка, с надеждой во взоре,
и казалось, что берег счастливой земли
виден им из-за моря.

Наконец подошли корабли не спеша,
погрузились — и прямо на юг.

Это хитрый английский купец и коварный паша
Заготовили загодя сотни дырявых фелюг.

И наличными каждый платил махаджир —
для паши и купца золотой пассажир.

И чтоб меньше расход

и быстрее оборот —

шел ко дну продырявленный флот.

Если спуститесь в Черное море на дно —
очень много расскажет оно.
Там увидите вы, что врагом свершено,
там обманутых горцев увидите вы
среди густой синевы. . .

Тысячи умирали,
живые за морем стонали,
цепи звенели и спин разогнуть не давали.
К мертвой груди материнской тянулись голодные дети,
матери звали детей — а детей уже нету на свете.
Нынче таких простаков не найдется на нашей земле —
слепо идущих за князем, доверившихся мулле.
Нет! Мы запомнили жгучие слезы
у махаджиров в печальных очах,
и не заставят нас войны, и беды, и грозы
бросить родимый очаг!»

Разинув рот, слежу я за отцом. . .
Война грохочет где-то рядом с нами.
В ладони прячет бабушка лицо,
скрежещет гневно дядя мой зубами,
вздыхает мать на груди одеял,
и смотрит, сдвинув брови, Гиргуал,
как в нашем очаге бушует пламя.

В эти дни, играя на дороге,
я запомнил, как в седой пыли,
тяжело передвигая ноги,
русские солдаты в горы шли.
Выбиваясь из последних сил,
раненые, шли и отставали. . .
Около дороги вырастали
холмики могил,
и вставали на свои посты
буковые белые кресты.
Шли солдаты в горы,
шли от моря. . .
Говорил отец мой: «Горе, горе!» . . .

А в селах народ
оружие в руки берет, . .

и люди в бессоннице ночь напролет —
всё может случиться, коль турок придет.

«За рекою десант, — говорил Гиргуал, —
враг резервы стянул, оборону прорвал.
Только наш генерал
тоже силы собрал:
он сметет янычар, словно горный обвал.
Турку не устоять —
поворачивай вспять
и не пробуй соваться опять!»

Гиргуал говорил, а рукой сгоряча
по ноге деревянной сердито стучал:
эх, проклятая, мол, деревяшка-нога,
не даешь человеку идти на врага!

Кодор, Кодор, шумливая река —
горячий конь-скакун с боками в мыле...
Туда мальчишек за руки водили;
о, как тепла ты, матери рука!

Мы там играли в детстве, как могли.
Кидали камни с хохотом и визгом
и, с головы до ног себя забрызгав,
пускали по Кодору корабли.

Водили нас и на море. Оно
неподалёку было. Даль морская
и волны, волны — без конца и края,
а сердце восхищения полно.

И думал я однажды, засыпая,
о том, что завтра с самого утра
нам предстоит весёлая игра.
Ведь Гиргуал умелою рукой
мне вырезал кораблик — но какой!

Ему в чужие страны плавать впору.
Как поплывет он завтра по Кодору!
И я уснул, мечту свою храня.
Мне снилась даль в спокойном свете дня,

и милый дом, и вся моя родня,
и спал кораблик около меня.

А поутру. . . Прошло так много лет,
но до сих пор — неизгладимый след,
хотя уже и волосы как снег. . .
То утро в память врезалось навек,
тяжелым камнем на душу легло
и первым горем душу обожгло.

Меня толкают, резко тормозят
и разбудить взволнованно спешат,
а я еще всё в том же сладком сне,
и неохота просыпаться мне.
Но наконец сумел я сбросить сон. . .
Смятенье, слезы, крик со всех сторон.
Очаг родной — ужели это он?!

Окружен мой дом. И мы — в кольце.
Турки целятся в упор.
Приказал турецкий офицер
уходить, оставить дом и двор,
позабыть свой край лесов и гор,
свой очаг, что грел нас с давних пор.
Офицер кричал,
что на причал
встал корабль. «Даю короткий срок, —
поспешите, не жалея ног,
а кому угодно опоздать —
тот глупец. Тому живым не встать,
в синем небе солнца не видать.
Шагом марш! Сойдете с корабля —
примет вас турецкая земля,
и еда вам будет, и питье,
и тепло, и вольное житье. . .»
Но сказал отец с поклоном:
«Дад,
тут уютно и тепло нам, дад.
Сыты мы, не мучит жажда нас,
и огонь очажный не погас,
и не будет дом в краю другом
очагом. . .»

— «Я приказал: бегом!»

Но отец мой коротко в ответ:

«Нет!»

Взвизгнул турок: «Ах, такая речь?!»

Выхватил кривой турецкий меч:

«Дом поджечь!»

Мой отец хотел в своем дому
факельщикам преградить дорогу,
но, прикладом сбитый, у порога
надаёт. На выручку к нему —
Гиргуал и дядя мой. Но быстро
грянул выстрел.

И еще раз выстрел.

Оглушенный, вижу я в дыму
их двоих у ног моих простертых...

Над селом родимым стон стоит,
плачет мать у изголовья мертвых,
плачет мать над мертвыми навзрыд,
дом горит,

горит,

горит!

Рушится очаг отцов моих,

вот уже огонь бежит по кровле...

Память, память!.. Вся ты в пятнах крови —
даже годы не стирают их.

Нас вели на берег под конвоем;
под прицелом труден каждый шаг.

Позади лежать остались двое
просто так.

Всё погибло, всё в огне пропало,
лишь в руках — кораблик Гиргуала...

От тебя осталось очень мало,
мой

родной

очаг!

Я запомнил: ясен был восход,
солнышко поднимется вот-вот
в небосвод

и осветит эту землю вскоре,
где беда гуляла на просторе,

и людей, принесших столько горя...
И убийц, пришедших из-за моря,
гневное, навечно проклянет.

За бабушку держась одной рукой,
я бережно кораблик нес в другой.
Я видел: в путах мать идет,
отцу веревка руки жжет,
бредем, как скот.
Что с нами будет? Сколько мук
мы примем от султанских слуг?
То пригрозят, то крикнут вдруг,
хлеща словами, как кнутом...
И мы идем,

идем,

идем.

Внизу река. Враги вокруг.
А позади остался дом.
Сердца остались вместе с ним,
вон там, где черный дым столбом,
где был наш дом, где только дым,
где встали по всему селу
столбы, одев село во мглу.
Дома пылают все подряд,
и ближний лес огнем объят.
Сердца горят, сердца горят
и превращаются в золу!

У бабушки в глазах сухих
нет слез. Бедою выжгло их.
Со мной брела она в тоске,
моя рука в ее руке.
«Не бойся!..»

Я покорно шел,

хоть падал, но упорно шел.
«Скажи — куда мы держим путь?»
— «Всё будет хорошо...»
— «А скоро ль можно отдохнуть?»
— «Всё будет хорошо...»
Что будет там,

не знаю сам,
но свой кораблик не отдам!

Так, трудным шагом и нескорым,
идем тропинкой над Кодором.
В Кодоре к морю путь воды,
по тропке к морю путь беды.
А турки мечутся, спешат,
оглядываются назад
и нам быстрее идти велют. . .

Я сердцем знал,
я понимал,
что души горем опалило.
Но страх мне сердце не сжимал,
и только очень жалко было
всего, что нынче потерял.
Но вдруг далекий грохот боя
нам слышен где-то за рекою,
вон там, у Скурчи. . . Что такое?
Как нам узнать?
Отец и мать
внезапно зашагали тише,
и только бабушка не слышит
иль притворилась — не понять.
Отец, на шаг сбиваясь мелкий,
решает: «Время растяну. . .
Нет, лучше гибнуть в перестрелке,
чем жить в плену!»
Но уже не тропинка — песок подо мной,
на прибрежную гальку ступаю с опаскою.
Плещет синее море волной,
лижет берег лениво и ласково.
А по морю от ветра заметная рябь,
и качается, крашенный черною краскою,
чужестранный корабль,
окаянный корабль,
непавистное судно, корыто султанское.

А с Дранда, с горной стороны,
всё громче выстрелы слышны,

всё явственнее в час утра
раскаты русского «ура».
И заметался наш конвой,
вопят, а в голосе испуг. . .
И мы одни остались вдруг
над беспредельной синевой.

Спасенье — сон.
Да нет, совсем не сон.
Атака русских, гром над вражьем станом,
спасают шкуры воины султана,
торопятся скорей убраться вон.
Отец стоит — глазам не верит он,
своим ушам не верит, поражен.
Постой, да так ли это? Неужели
сбежали турки? И на самом деле
доносится «ура» со всех сторон?

И мы стояли молча. Наконец
сказал отец:
«Построю дом — и в новом будем жить,
очаг сумею заново сложить,
а вот Кучора мне не воскресить,
и Гиргуала мне не воскресить. . .»

Так мы спаслись в дни памятной войны,
так русскими мы были спасены.

Очаг мой древний! Снова, как бывало,
веселое в нем пламя запылало,
и дом, как прежде, в зелени кругом.
Родной напев и песня Гиргуала
опять звучат над нашим очагом.

Был страшный день. Он кончился не так,
как этого хотелось бы султану.
Разгромлен враг,
пылает наш очаг,
и время залечило рану.
И расцвело невиданно село,
в домах у нас уютно и светло.

Жив мой очаг! Он будет непрестанно
гореть, снять
и жар свой отдавать
тем, кто вокруг,
кто настоящий друг,
кто прямо шел, с дороги не свернул,
навстречу людям сердце распахнул,
любви, отваге, радости навстречу —
всем самым светлым чувствам человеческим,
кто времени победный слышит гул.

Жив мой очаг!
Огонь в нем не погас.
Жив мой очаг!
Его в тот горький час
разрушил враг, но друг для жизни спас.
Гори, очаг, для нас!

1954

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэзия Дмитрия Иосифовича Гулиа была широко известна в Абхазии еще до революции, но настоящее признание и оценку его талант получил уже в советское время. В двадцатых — тридцатых годах некоторые его произведения переводились на русский язык и публиковались в местной печати («Альманахе писателей Абхазии», газете «Советская Абхазия», а также в коллективных поэтических сборниках). В послевоенные годы, особенно с начала пятидесятых, всесоюзный читатель получил возможность основательно познакомиться с творчеством народного поэта Абхазии. Были переведены на русский язык и изданы отдельными сборниками почти все произведения Д. Гулиа, как поэтические, так и прозаические и драматургические. Вышли в свет сборники: «Избранные произведения», М., 1953; «Избранные стихи», М., 1954; «Избранные произведения», М., 1958; «Стихи», М., 1964 и др. Наиболее полным из прижизненных изданий произведений поэта на русском языке является сборник «Избранное» (Тбилиси, 1957).

Наиболее полным изданием произведений Д. Гулиа на абхазском языке, осуществленным при жизни поэта, является его четырехтомное собрание сочинений (поэтические произведения включены в тт. I и 3, вышедшие в 1956 и 1958 гг.). По текстам этого издания осуществляются все новые переводы произведений Д. Гулиа на русский язык.

Настоящее издание является самым полным изданием поэтических произведений Д. Гулиа на русском языке. В него вошли наиболее значительные стихотворения и поэмы автора. Многие его произведения звучат на русском языке впервые, в их числе поэма «Песнь об Абхазии» в переводе Г. Регистана. Уже печатавшиеся переводы в большинстве своем заново просмотрены и уточнены.

В основу рубрикации произведений положен жанровый признак (стихотворения и поэмы), внутри каждого жанра они расположены в хронологическом порядке. Многие даты написания стихотворений уточнены по первым изданиям произведений Д. Гулиа на языке оригинала. В разделе «Стихотворения» в соответствии с основными этапами творческого пути поэта выделены подразделы: стихотворения 1906—1920, 1921—1940, 1941—1945 и 1946—1960 гг. Особый подраздел составляют стихотворения, написанные Гулиа для детей.

В примечаниях сообщаются необходимые сведения историко-литературного характера и поясняются некоторые понятия, относ-

щаются к быту и фольклору абхазского народа, а также специфические слова и термины, оставленные без перевода. В содержании одной звездочкой отмечены произведения Д. Гулна, переведенные на русский язык впервые, двумя — переведенные запово.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1906—1920

2. *Ачагеур* (или ачаггур) — абхазский народный двухструнный щипковый музыкальный инструмент, наподобие грузинского чоугури.

3. *У Данилова монастыря* и т. д. Имsetся в виду могила Н. В. Гоголя и надпись на памятнике ему: «Горьким моим словом посмеюся». *Свесив гордые кудри, стоит* и т. д. Речь идет о памятнике А. С. Пушкину в Москве. «Слух о нем» и т. д. — намек на известные строки из стихотворения Пушкина «Памятник» (1836): «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...»

4. «*Азар*» — песня всадников, исполняемая обычно на конно-спортивных соревнованиях. «*Амерта*» — название популярной бытовой песенки. *Взгляните, как он лихо платком на скачках машет*. На скачках, устраивавшихся на помниках в честь усопшего, один из всадников вырывался вперед со специальным платком «атарчей», а все остальные стремглав пускались за ним, пытаясь догнать и отобрать этот платок. Кто с платком домчится до финиша первым, тот и выигрывает специальный приз, учрежденный сородичами усопшего.

5. Д. Гулна указывал, что стихотворение было им создано по мотивам популярной аробной песни «О чела, си чарчела». *Того и гляди, по тнварчельской дороге К Багыру несчастных животных погонят*. Ткварчели (ныне город горняков, в начале XX века был типичным абхазским селом) находится в Очамчирском районе Абхазии. Багыр — по-видимому, обобщенный образ купца, богача, который обирал крестьян.

11. Д. И. Гулна указывал, что рифмы и ритм данного стихотворения были навеяны очаровавшим его еще в отроческие годы шуточным народным двустишием:

Аб хучи тыва-ду
Абнахь ягейт абга-ду,

что в буквальном переводе с абхазского означает: «Маленького козлика с рогами большими в лес утащил шакал большой (т. е. волк)». Однако, следуя поэтике этого бесхитростного каламбурного стишка, Д. И. Гулна создал яркое сатирическое произведение большого социального и политического звучания, которое вошло в золотой фонд абхазской классической поэзии. Стихотворение это настолько популярно в народе, что имя его персонажа *Ходжан Большой* стало нарицательным для злодеев, богачей, безжалостно грабивших трудовой народ.

12. Стихотворение создано по мотивам популярного народного эпического памятника о герое-богоборце *Абраскиле*, который беззаветно защищал родную землю от врагов. Абраскил вступил в борьбу с самим верховным богом — Анцва. Бог послал за ним своих ангелов, и те хитростью поймали героя и заточили его вместе с его арашем — крылатым конем — в Чилоускую пещеру, которая находится в современном Очамчирском районе. Это одна из самых больших, красивейших сталактитовых пещер нашей страны. Заточенный титан не пал духом, не покорился богу. День и ночь он занят тем, что расшатывает столб, к которому привязан, чтобы вырвать его, выйти на волю и расправиться с враждебными силами, которые терзают простой, трудовой народ. Однако ему не дано осуществить свои намерения: к моменту, когда близок час освобождения, прилетает неизвестно откуда птичка-трясогузка и садится на верхушку столба, раскачиваясь, как бы призывая героя покориться воле бога, поклониться всемогущему. Разгневанный Абраскил хватает молот и во всю свою богатырскую силу размахивает им, чтобы убить злую птичку, но та вмиг исчезает, молот попадает в столб и вгоняет его в землю вдвое глубже прежнего. Так продолжается изо дня в день, из года в год. Герой никак не может освободиться, но и не помышляет о примирении со своей участью, он продолжает борьбу. По другим вариантам, Абраскил давно уже освободился, но при выходе из пещеры он ослеп от дневного света, от которого отвык в подземелье, и потому удалился в горы. Подвиг, совершенный Абраскилом, роднит его с такими титанами-богоборцами, как древнегреческий Прометей, грузинский Амирани и др. Д. И. Гулна в стихотворении не излагает подробно весь сюжет героического эпоса, а останавливается лишь на некоторых эпизодах, акцентируя внимание на моментах, связанных с борьбой героя с враждебными людям стихийными и социальными силами, с его непримиримостью со злой своей участью даже после заточения в темницу. Написанное в годы столыпинской реакции, стихотворение звало трудовой народ не падать духом, готовиться к новым битвам за победу социальной справедливости. *Кодор* — самая большая река в юго-восточной Абхазии. *Чилоу* (Члоу) — село в современном Очамчирском районе, в 70 км к юго-востоку от Сухуми. В этом селе находится знаменитая сталактитовая пещера, в которой, согласно легенде, томился герой-богоборец Абраскил. *Кацуба* — один из абхазских родов, с которым, согласно преданию, враждовал Абраскил.

13. *Ум — хозяин, знание — гость*. Фраза, ставшая в абхазской речи поговоркой после того, как появилось стихотворение Д. Гулна.

14. *Отослал сына князь к дальним родственникам в дом*. Согласно абхазским обычаям, княжеских и дворянских детей часто отдавали на воспитание преимущественно в крестьянские семьи, где они воспитывались до определенного возраста. Сюжет стихотворения в качестве правоучительного рассказа очень популярен в абхазском фольклоре, откуда его и почерпнул поэт.

15. В общинах *Дал* (ныне село в Гульрипшском р-не Абхазии) и *Цабал* (абхазская форма названия населенного пункта Цебельда,

находящегося в 30 км к востоку от Сухуми) вплоть до второй половины XIX в., до тех пор, пока не переселилось почти поголовно все население в Турцию, главенствовали князья из рода Маршаниевых, которые подразделялись на ряд патронимических ответвлений. Одной из таких ветвей рода Маршаниевых были и Дариква-ипаца (букв. «сыновья *Дариквы*», т. е. Дариковы или Даруковы), ветвь, к которой принадлежали и братья *Баталей* и *Эшоу*. Случай, описанный в данном стихотворении, хотя и не подтвержден письменными источниками, но, по представлению народных сказителей, произошел в действительности и художественно разработан в ряде фольклорных вариантов. В оригинале ясно сказано, что Есмы-ханум является дочерью князя *Халыбея Чачба* и племянницей (дочерью сестры) владетельного князя Мегрелии (части Западной Грузии) *Дадиани*.

16. *Ведь жернова, хотя б в Каабу их возьмешь, Зерно дробят.* Имеется в виду абхазская пословица, гласящая: «Кому суждено трудиться, тот везде будет трудиться», даже в Каабе, то есть в храме, находящемся в Мекке — месте паломничества мусульман.

18. Подражание первым восьми строфам стихотворения А. В. Кольцова «Урожай» (1835).

19. Стихотворение стало популярной народной песней.

22. Стихотворение построено на основе абхазской пословицы: «Удачно женатому незачем на свадьбу ходить: дома у него свадьба; неудачно женатому незачем на похороны ходить: дома у него похороны (покойница)». *Пацха* — хижина, крестьянский дом.

23. Это стихотворение исключительно популярно в Абхазии (см. вступ. статью к наст. изд., с. 19). Под названием «Любовное письмо» положено на музыку абхазским композитором И. А. Лакербай.

24. Вольный перевод на абхазский язык одноименного стихотворения известного грузинского поэта Ильи Чавчавадзе (1837—1907). В стихотворении, напечатанном в период меньшевистской диктатуры в Абхазии, Д. Гулиа призывал свой народ к борьбе за истинную свободу.

1921—1940

29. В городе Гори в 1889 г. Д. Гулиа учился в Закавказской учительской семинарии (см. Автобиографию Гулиа, с. 48—49 наст. изд.).

30. С известным казахским акыном *Джамбулом* Джабаевым (1846—1945) Д. Гулиа встречался в Тбилиси в 1938 г. В том же году поэт написал стихотворение «Встреча», также посвященное прославленному акыну (см. «Литературный журнал», 1938, № 3—4, с. 19). *Акапкап* — горная индейка. По народному преданию, акапкап предупреждает зверей и птиц о надвигающейся опасности.

31. Д. И. Гулиа с юношеских лет хорошо знал и любил поэму известного грузинского поэта XII в. Шота Руставели «Витязь в тиг-

ровой шкуре». Еще в довоенные годы он перевел на абхазский язык эту поэму. В 1938 г. в Сухуми на набережной, посящей ныне имя Ш. Руставели, был открыт памятник великому грузинскому поэту. Этому событию посвящено стихотворение Д. И. Гулна, которое представляет интерес еще и тем, что оно написано размером руставелевского стиха — так называемого высокого шайри (шестнадцатисложный стих с обязательной цезурой посередине, после восьмого слога, и со сплошной рифмой в строфе). Ш. Руставели посвящено еще одно стихотворение Гулна «Гений веков», не переведенное на русский язык. *Эрцаху* — самая высокая горная вершина в Абхазии. В абхазской поэзии образ Эрцаху олицетворяет собою поэтический Олимп.

33. Стихотворение посвящено Тарасу Григорьевичу Шевченко (1814—1861), великому украинскому поэту, произведения которого Д. Гулна переводил на абхазский язык.

1941—1945

34. *Абраскила-героя и братьев его*. Абраскил — см. примеч. № 12. Братья Абраскила — нарты-богатыри, герои монументального эпоса кавказских народов «Приключения нарта Сасырквы и его девяноста девяти братьев».

35. О цикле «Песнь о героях» см. вступ. статью к наст. изд., с. 33. *Апсны* — Абхазия.

36. *Владимир Харазиа* — артиллерист, один из первых Героев Советского Союза среди абхазов, геройски погиб под Харьковом. Положенное на музыку, это стихотворение стало одной из самых популярных абхазских песен.

39. Стихотворение посвящено 9 мая 1945 г. — Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

42. В четырехтомном собрании сочинений Д. Гулна на абхазском языке и во всех изданиях в переводе на русский язык стихотворение ошибочно датировано 1946 г. В действительности оно было опубликовано в газете «Апсны капш» 7 октября 1945 г. (на абхазском языке).

1946—1960

43. Об этом стихотворении см. вступ. статью к наст. изд., с. 35.

46—48. *Изваянье Петра* — памятник Петру I («Медный всадник») в Ленинграде. *Бзыбь* — самая большая река в северо-западной части Абхазии.

49. Стихотворение посвящено сдаче в эксплуатацию Сухумской ГЭС: *Сасырква* — см. примеч. № 34.

53. *Ачарпын* — абхазский национальный музыкальный инструмент типа свирели, изготовленный из одноименного растения (тростника).

57. В 1974 г. к столетию со дня рождения Д. Гулиа стихотворение «Партия» будет издано в Сухуми отдельной книжкой на всех языках народов СССР.

59—64. Цикл посвящен городу Сухуми. *Человеческим товаром Турок бойко торговал.* Работоторговля в Абхазии приняла особенно опасные размеры начиная с XVI в., когда в стране утвердилось турецкое господство, длившееся вплоть до присоединения Абхазии к России в 1810 г. *Год двадцать первый.* 4 марта 1921 г. в Абхазии была установлена Советская власть.

65. *Много лет аулы среди гор Кровью разрешали давний спор.* Имеется в виду обычай кровной мести, который, как и у многих других горских народов Кавказа, был широко распространен в дореволюционной Абхазии; жертвами родовой мести оказывались часто те в чем не повинные люди, иногда только за то, что они были дальними родственниками или просто однофамильцами обидчика.

69. Основная идея произведения — *лучше погибнуть свободным, чем жить, оставаясь рабом*, — перекликается с известными строками Руставели, ставшими афоризмом: «Лучше смерть, но смерть со славою, чем бесславных дней позор».

71. *Толумбаш* — руководитель праздничного стола, тамада.

78. *Об этом я не мог мечтать* и т. д. Имеется в виду первая книга стихотворений Д. Гулиа на абхазском языке, изданная в Тифлисе в 1912 г. под названием «Стихотворения и частушки» и заложившая основы абхазской литературы.

84. Стихотворение посвящено дню установления Советской власти в Абхазии.

89—92. В цикл вошли еще два стихотворения («Сорванный цветок» и «Ласточка»), до настоящего времени не переведенные на русский язык.

102. *По наречью — люди Адыгси И черкесы — это братья мне.* Абхазский язык вместе с языком адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов) составляет отдельную ветвь в иберийско-кавказской семье языков.

110. Сюжет стихотворения заимствован из популярного народного предания, своеобразно объясняющего причины непогоды в марте. В течение суток здесь несколько раз может меняться погода: если утром дождь, к полудню можно ожидать солнца, а к вечеру — снега. Первые дни апреля (по старому стилю), когда особенно свирепствует непогода, в народе поныне называют «заимствованными днями». Это те дни, которые выпросил март у апреля, чтобы наказать нечестивого пастуха.

ПОЭМЫ

137. Д. Гулна работал над созданием поэмы в конце тридцатых годов. Поэма не была завершена; в собрании сочинений Гулна на абхазском языке печатаются отрывки из поэмы, завершённые автором. Для настоящего издания впервые осуществлён перевод этих отрывков на русский язык, частично опубликованный в газете «Советская Абхазия» (1973, 30 июня). Поэма посвящена исторической судьбе Абхазии, ее суровому прошлому и счастливому сегодняшнему дню. В ней говорится, в частности, о трагических событиях в Абхазии времен русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и о связанном с нею спровоцированным турками массовом выселении абхазов в султанскую Турцию — махаджирстве (см. об этом, вступ. статью к наст. изд., с. 7 и поэму «Мой очаг»). Эти события были глубоко пережиты самим поэтом; к ним он неоднократно возвращался в своем творчестве на протяжении всей жизни. *Апсны* — (Страна абхазов, или Страна души) — Абхазия. *Миф о корабле Арго*. Имеется в виду известный древнегреческий миф об аргонавтах — героях, совершивших поход в Колхиду за золотым руном волшебного овна (барана). Миф этот дошел до нас в обработке поэта Пиндара (V в. до н. э.). *Янычары* — здесь: турки. *Анатолийский берег* — азиатское побережье Турции. Анатолия — название Малой Азии в древности (V—IV вв. до н. э.). *Триста лет кривая сабля* и т. д. Имеется в виду трехсотлетнее господство в Абхазии султанской Турции, конец которому положило присоединение в 1810 г. Абхазии к России. *Махаджиры* — переселенцы, изгнанники. *Я, который эти строки* и т. д. См. Автобиографию Гулна, с. 46 наст. изд. *Трапезунд* — порт на азиатском побережье Турции. *Синоп* — город в Турции. *Нарты* — см. примеч. № 34. *Аква* — абхазское название г. Сухуми. *Апхварца* — абхазский народный музыкальный инструмент.

139. Эта поэма — одно из первых крупных эпических произведений в абхазской поэзии, посвященных показу послевоенной действительности: возвращению фронтовика к мирной жизни. Правдиво отражая гордость нашего народа небывалой победой, которая была одержана им в борьбе с фашистскими оккупантами, и энтузиазм, с которым советские люди взялись за восстановление разрушенного войной народного хозяйства и его дальнейшее развитие, поэт не смог, однако, избежать впадения известной «теории бесконфликтности». Этим объясняется некоторая облегченность в решении поставленных проблем, легкость, с которой достигают своей цели герои поэмы. При переводе произведение подверглось значительным сокращениям. *Уарада-рада-ра! Ахахайра-рада-ра!* — припев, которым обычно начинаются абхазские народные песни, — непереводимые словосочетания без определенного смысла, возгласы одобрения, воодушевления, призыв к борьбе, к действию вообще.

140. Поэма носит автобиографический характер. В ней описана страшная трагедия в жизни абхазского народа в прошлом столетии — насильственное выселение десятков тысяч абхазов в Турцию во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Участь своего на-

рода вместе с родителями разделил и Д. Гулна, которому тогда было всего 4 года (см. Автобиографию Гулна, с. 47 наст. изд.). В поэме допущена некоторая неточность в описании событий: семья Гулна в действительности вынуждена была переправиться на турецкий берег и уже оттуда, преодолевая огромные трудности, вернулась на родину. Говоря о судьбе своего народа, Гулна позволил себе отступить от реальности в описании фактов из жизни своей семьи, но остался верен истории, показавшей, что только в союзе с великим русским народом Абхазия смогла сохранить свою национальную независимость, а каждый абхаз — свой родной очаг. *Дад* — обращение к лицу старше себя; здесь — в значении «господни».

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Д. И. Гулна. Фотография 1955 г. Сухуми.
- 2—3. С. 74 и 75. Автограф стихотворения «День своего рождения люди чтят...» (на абхазском языке). 21 февраля 1911 г.
4. *Между с. 112 и 113*. Фотография 1902 г.
5. *На обороте*. Д. И. Гулна — учитель Сухумской учительской семинарии. Фотография 1919 г.
6. *Между с. 144 и 145*. Д. И. Гулна в рабочем кабинете. Фотография 1940 г. Сухуми.
7. *На обороте*. Д. И. Гулна. Фотография 1949 г. Сухуми.

Оригиналы иллюстраций хранятся в архиве Г. Д. Гулна.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Народный поэт Абхазии. Вступительная статья Ш. Д. Инал-Ипа	5
Автобиография	46

СТИХОТВОРЕНИЯ

1903—1920

* 1. «Всю жизнь свою в труде...» Перевод Ст. Куняева	57
2. «Милое» создание. Перевод В. Потаповой	57
* 3. Москва. Перевод Ст. Куняева	59
4. Гуляка. Перевод В. Потаповой	59
5. Лома и Буска. Перевод В. Потаповой	60
* 6. Змея, Ласточка и Жук. Перевод Г. Регистана	61
* 7. «Счастливы тот, кто может всё сказать...» Перевод Ст. Куняева	63
* 8. «Никто из нас в судьбе земной...» Перевод Ст. Куняева	64
* 9. Человек. Перевод Ст. Куняева	65
* 10. Вино обнажает пороки. Перевод Ст. Куняева	65
11. Ходжан Большой. Перевод В. Потаповой	66
12. Абраскил. Перевод А. Кочеткова	67
13. Ум, знание, сила. Перевод Ф. Искандера	69
** 14. В старину. Перевод А. Щербакова	69
** 15. Пистолет Эшсоу. Перевод А. Щербакова	70
16. «День своего рожденья люди чтят...» Перевод Л. Мартынова	73
* 17. «Знание, не пошедшее в дела...» Перевод А. Щербакова	76
18. Весенний дождь. Подражание Кольцову. Перевод А. Кочеткова	76
19. Песенка. Перевод Ф. Искандера	77

¹ Одной звездочкой отмечены произведения, переведенные на русский язык впервые; двумя — переведенные заново.

20—21. Два слова сыну и дочери. *Перевод Ф. Искандера*

1. Сыну	78
2. Дочери	78
22. «Кто удачно женат...» <i>Перевод Ф. Искандера</i>	78
* 23. Переписка девушки и парня. <i>Перевод Ст. Куняева</i>	79
24. Горы цветут... <i>Перевод Ф. Искандера</i>	85
** 25. Моя родина. <i>Перевод Ст. Куняева</i>	85
26. «Если б мог добро я напевом слов...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	86

1921—1940

* 27. Весна. <i>Перевод А. Щербакова</i>	87
* 28. Осень. <i>Перевод А. Щербакова</i>	87
* 29. Город Гори. <i>Перевод А. Щербакова</i>	88
30. Джамбул. <i>Перевод А. Кочеткова</i>	88
31. Памятник Руставели в Сухуми. <i>Перевод С. Спасского</i>	89
32. Утренней звезде. <i>Перевод А. Кочеткова</i>	89
* 33. Великий Тарас. <i>Перевод Ст. Куняева</i>	90

1941—1945

* 34. Наш Кавказ. <i>Перевод Ст. Куняева</i>	92
* 35. Из цикла «Песнь о героях». А. Назадзиа. <i>Перевод А. Щербакова</i>	93
36. Песня о герое из героев. <i>Перевод Я. Сашина</i>	93
* 37. Вперед на Запад! <i>Перевод Г. Регистана</i>	94
* 38. В ущелье. <i>Перевод Г. Регистана</i>	95
39. К морю. <i>Перевод Б. Серебрякова</i>	96
* 40. Победа. <i>Перевод Г. Регистана</i>	96
41. Мир. <i>Перевод Г. Регистана</i>	97
42. Муравей. <i>Перевод Б. Серебрякова</i>	97

1946—1960

43. Корабль пришел. <i>Перевод Л. Длигача</i>	99
44. Горы и море. <i>Перевод В. Потаповой</i>	100
45. На море. <i>Перевод В. Потаповой</i>	100
46—48. Из цикла «Стихи об Октябре»	
1. «Аврора». <i>Перевод Л. Длигача</i>	101
2. Ленин. <i>Перевод Л. Длигача</i>	102
3. Баллада о спасенном пастухе. <i>Перевод М. Соболя</i>	102
* 49. Наша станция. <i>Перевод Ст. Куняева</i>	104
50. Нас слышит целый мир. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	105
51. Пламенное слово. <i>Перевод М. Светлова</i>	106
52. Юным друзьям. <i>Перевод М. Светлова</i>	107
53. Песня пастуха. <i>Перевод Л. Длигача и В. Потаповой</i>	108
54. Товарищу. <i>Перевод В. Журавлева</i>	109
55. Рождение горы. <i>Перевод М. Соболя</i>	111
56. Новогоднее. <i>Перевод М. Соболя</i>	112
57. Партия. <i>Перевод М. Соболя</i>	116
58. Защитнику нашей страны. <i>Перевод М. Соболя</i>	117

59—64. Мой город. Перевод М. Соболя	
1. Тень	120
2. Желтая смерть	121
3. Год двадцать первый	121
4. Городской сад	122
5. Цветы на улицах	123
6. Друзья	124
65. Другу. Перевод М. Соболя	124
66. Признание. Перевод М. Соболя	125
67. Человек в горах. Перевод М. Соболя	126
68. Голубь. Перевод М. Соболя	127
69. Олень. Перевод М. Соболя	128
70. В Мавзолее Ленина. Перевод Л. Мартынова	129
71. Праздничный тост. Перевод М. Соболя	131
72—75. Стихи о любви. Перевод М. Соболя	
1. У моря	133
2. Джигит	135
3. Сон	135
4. Чтоб она любила	136
76. О Ленине. Перевод М. Соболя	137
77. Желание. Перевод М. Соболя	139
78. В книжной лавке. Перевод Ю. Гордиенко	139
79. Здамя. Перевод Ю. Гордиенко	141
80—82. О поэзии	
1. Лесоруб. Перевод М. Соболя	141
2. Река. Перевод Ю. Гордиенко	142
3. Всё. Перевод М. Соболя	143
83. Думая о Ленине. Перевод В. Державина	144
** 84. 4 марта 1921 года. Перевод А. Щербакова	145
85. В сердце — май! Перевод В. Державина	146
86. Молодым. Перевод Я. Козловского	147
87. Пусть сто и сто... Перевод М. Соболя	148
88. Ленин с нами. Перевод М. Соболя	149
89—92. Из цикла «Весна 1956 года» Перевод В. Державина	
1. На морском берегу	150
2. Парус	150
3. В воздухе	151
4. Счастье	151
93—96. Весенние настроения. Перевод М. Соболя	
1. Я всё могу...	152
2. Мне жаль	152
3. Чьи они?	153
4. К морю	153
97. Река. Перевод А. Чивилихина	153
98. Рыбак. Перевод В. Лифшица	154
99. Наша сила. Перевод Е. Евтушенко и М. Луконина	155
100. Осень в Подмосковье. Перевод В. Державина	155
101. Тост. Перевод В. Державина	157
** 102. Вот кто я... Перевод Ст. Куняева	158
103. Иду с Октябрем. Перевод В. Державина	159
104. Я у моря живу. Перевод В. Державина	161

105. Воспоминания о мельнице. Перевод Н. Разговорова	161
106. Над морем. Перевод Н. Разговорова	162
107. Старик. Перевод Е. Долматовского	162

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

* 108. Наставление. Перевод Г. Регистана	164
* 109. «Посчитала». Перевод Г. Регистана	164
* 110. Март и пастух. (Легенда). Перевод Г. Регистана	166
* 111. Весна. Перевод Г. Регистана	166
* 112. Зима. Перевод Г. Регистана	166
* 113. Пчела и муха. Перевод Г. Регистана	167
* 114. Старик и мальчик. Перевод Г. Регистана	168
115—123. В нашей деревне. Перевод С. Маршака	
1. Про Солнце	168
2. Про Луну	169
3. Доктор и старик	169
4. Родник	170
5. Новый дом	170
6. Дедушкин заказ	171
7. Телескоп	171
8. Наш офицер	172
9. Часы	172
124—128. Лето в горах. Перевод М. Соболя	
1. Абхазия	173
2. Тропинка туристов	173
3. Машина	174
4. На море	175
5. Виноград	176
129—134. Самый сильный. Перевод В. Державина	
1. Лев	177
2. Слон	177
3. Ветер	177
4. Море	178
5. Река	178
6. Человек	178
135. Смелый мальчик. Перевод В. Державина	179
136. Дедушка и весна. Перевод В. Державина	179

ПОЭМЫ

* 137. Песнь об Абхазии. Перевод Г. Регистана	183
138. Песнь о народе. Перевод Н. Милованова	194
139. Из поэмы «Осень в деревне». Перевод А. Глобы	202
140. Мой очаг. Перевод М. Соболя	212
Примечания	225
К иллюстрациям	234

Гуля Дмитрий Иосифович
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. издательства «Советский писатель»,
1974, 240 стр. План выпуска 1974 г. № 339.

Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Е. А. Омеляненко*

Сдано в набор 19/XI 1973 г. Подписано в
печать 1/II 1974 г. М 20192. Бумага
84×108^{1/2}, типогр. № 1. Печ. л. 7^{1/2}+ 3 вкл.
(12,92). Уч.-изд. л. 11,51. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1327. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 5 Союзпо-
лиграфпрома при Государственном коми-
тете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

